

PK-2

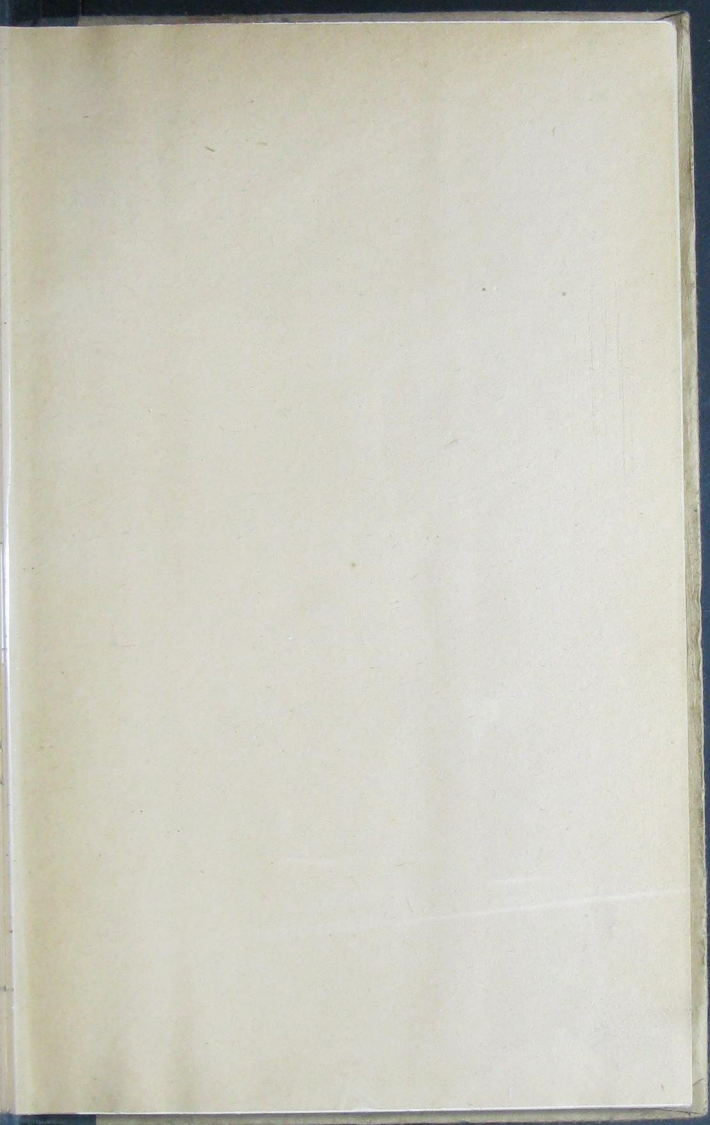
К5263 50330

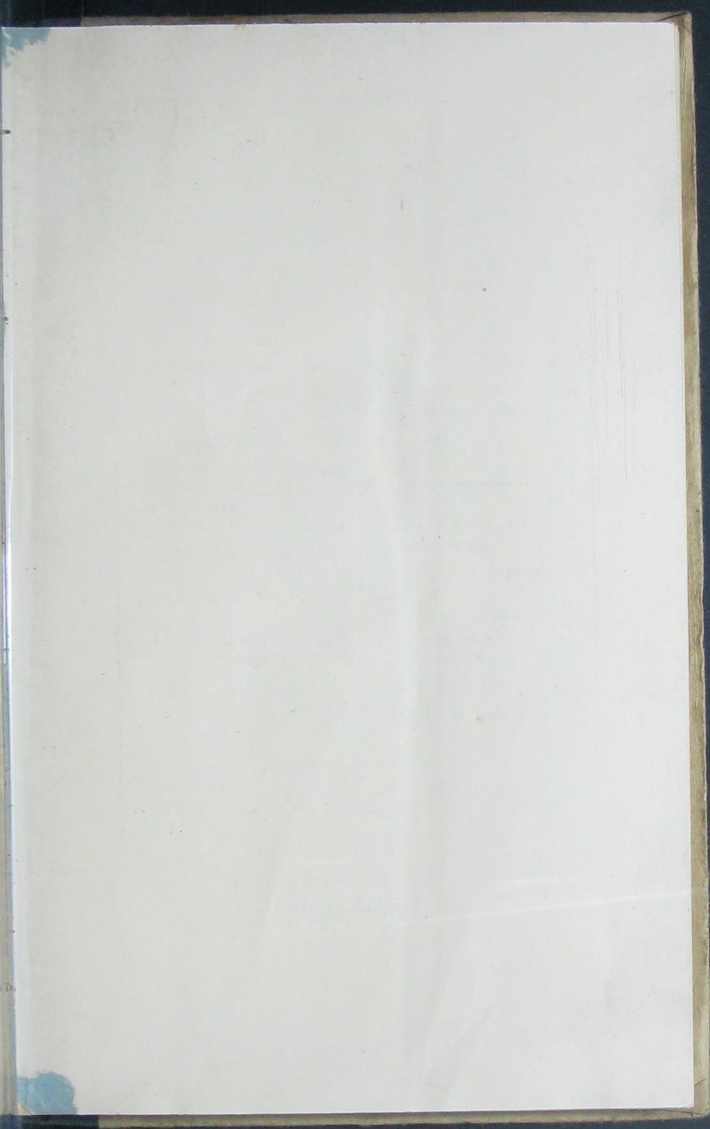
УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 6.

ИЮНЬ 1912 г.

Москва.

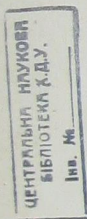

М. П. ДРАГОМАНОВЪ.
(Съ портрета 1870 г.).

К 5263

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 6.

Москва. — 1912 г.

53

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ.
1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. М. П. Драгомановъ (Біографическая справка). С. А—вича.	5
II. М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры (Къ годовщинѣ смерти). А. Хатченко	10
III. Политическіе взгляды М. П. Драгоманова. Н. В. . .	36
IV. Коцюбинскій и Винниченко. Мих. Могилянского . .	56
V. За украинскій университетъ (Письмо изъ Галиціи). Дм. Донцова.	66
VI. На текущія темы (Импровизированные арабы и увеличение доходности.—На знаменахъ и въ дѣйствительности.—Cui prodest?—„Съ петербургскаго Сина“.—Злой геній современности и маленькая коллекція современныхъ анекдотовъ.—О безграмотности.—Невознаградимая затрата). С. Ефремова. . . .	82
VII. Обзоръ украинской жизни (Борьба за украинскій университетъ.—Фальсификація исторіи и фальсификація дѣйствительности.—Холмскій вопросъ.—Частная школа и украинскій языкъ.—Житомирская „Просвіта“.—Конференція к.-д. и украинцы). С. Б.	92
VIII. Изъ украинской печати. М. Ж—ко.	98
IX. Опроверженіе. Сергѣя Щеголева	104
X. На Украинѣ и внѣ ея (За мѣсяцъ.—Кто основалъ львовскій университетъ.—По поводу статьи В. Кашкарова. Ближайшія задачи украинскихъ ботаниковъ. Яноты.—Къ вопросу объ украинскомъ балетѣ).	110
XI. Объявленія	124

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Настоящая книжка „Украинской Жизни“, посвященная памяти М. П. Драгоманова, выходитъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: обычный библиографическій отдѣлъ переносится въ слѣдующую книжку, которая выйдетъ въ концѣ августа въ увеличенномъ размѣрѣ (№№ 7—8).

М. П. Драгомановъ

(Биографическая справка).

„Украина, давшая намъ величайшаго изъ нашихъ художниковъ слова, основателя русской беллетристики, и множество первоклассныхъ поэтовъ, артистовъ, музыкантовъ и ученыхъ, можетъ гордиться тѣмъ, что въ трудную эпоху формировація политическихъ мыслителей нашего времени, который болѣе кого-либо изъ современниковъ способствовалъ выведенію русской революціонной интеллигенціи изъ того идейнаго хаоса, въ которомъ она находилась лѣтъ пятнадцать тому назадъ“.

Такъ писалъ о Драгомановѣ въ 1894 г. Сергѣй Кравчинскій (Степнякъ), и эта сжатая характеристика дѣйствительно отмѣчаетъ важнѣйшія заслуги Драгоманова передъ русскимъ общественнымъ движеніемъ. Но это только половина чрезвычайно богато и разносторонне одаренной натуры Драгоманова: онъ кромѣ того былъ украинецъ и, какъ таковой, оказалъ украинству еще болѣе неоцѣненные услуги. Можно сказать, онъ былъ творцомъ современнаго украинства. Правда, лично Драгомановъ скромно оцѣнивалъ свои заслуги предъ роднымъ краемъ. „Если,—писалъ онъ въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія въ день праздноваія юбилея его 30-лѣтней дѣятельности,—я и претендую на что-либо, то лишь на то, чтобы проповѣдывать и осуществлять политической практикой тѣ основныя идеи, до которыхъ возвысились въ 40-хъ годахъ славные Кирилло-Меѳодіевскіе братчики и которыя лежали въ основѣ украинскаго народолюбія моего и товарищей во дни нашей юности, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ,—конечно, съ тѣми поправками, какія внесла міровая наука и политика новѣйшаго времени“. Но эти „поправки“ были столь огромной важности, что обезпечили творцу ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи украинскаго движенія.

М. П. Драгомановъ родился 6-го сентября 1841 г. въ г. Гадячѣ Полтавской губерніи, въ семьѣ мелкопомѣстнаго помѣщика изъ стараго казацкаго рода. Это была семья вообще очень даровитая: отецъ М. П.—ча и братья отца принимали участіе въ литературѣ, а одинъ изъ нихъ былъ членомъ „Общества Соединенныхъ Славянъ“, имѣвшаго близкія связи съ декабристами. Въ атмосферѣ литературныхъ и общественныхъ интересовъ прошли первые годы жизни Драгоманова, отразившіеся и на его будущемъ направленіи. Будучи еще ученикомъ уѣзднаго училища и гимназіи, Драгомановъ знакомится съ произведеніями міровой литературы и проникается свободолюбивыми идеями. Юность его, совпавшая съ зарей освободительной эпохи и паденія крѣпостного права, содѣйствовала укрѣпленію его интересовъ въ этомъ направленіи. Осенью 1859 года Драгомановъ поступаетъ въ кіевскій университетъ и съ кружкомъ товарищей основываетъ первыя въ Россіи воскресныя школы. Педагогическія занятія съ украинцами въ воскресныхъ школахъ, а затѣмъ въ основанной Пироговымъ временной педагогической школѣ даютъ нужное практическое обоснованіе національнымъ симпатіямъ Драгоманова. Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1863 г., Драгомановъ поступаетъ на службу по учебному вѣдомству,—сперва въ качествѣ учителя одной изъ кіевскихъ гимназій, а затѣмъ, послѣ защиты диссертациі въ 1864 г. („Императоръ Тиберій“) —приватъ-доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ пера Драгоманова появляется рядъ научныхъ и публицистическихъ работъ (въ „Вѣстникѣ Европы“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, ред. Корша, „Кіевскомъ Телеграфѣ“, львовской „Правдѣ“ и отдѣльно). Независимость взглядовъ Драгоманова, не считавшагося съ видами начальства, а также его защита украинской національности, особенно въ области школьнаго дѣла, создали ему соотвѣтственную репутацію и сильныхъ враговъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, всячески тормазившихъ утвержденіе его на каѳедрѣ, послѣдовавшее лишь въ 1873 г. Къ этому присоединились доносы мѣстныхъ охранителей, въ родѣ извѣстнаго предателя Юзефовича, особенно по поводу заграничныхъ поѣздокъ Драгоманова и его вліянія на галицкія дѣла. Въ концѣ-концовъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой пред-

ложилъ Драгоманову оставить кievскій университетъ. Драгомановъ отказался сдѣлать это добровольно и былъ въ 1875 г. уволенъ „по третьему пункту“. Въ слѣдующемъ году надъ украинствомъ разразилась гроза въ видѣ извѣстнаго запретительнаго указа, и Драгомановъ, находя, что въ Россіи дѣлать болѣе нечего, рѣшился уѣхать за границу. Осенью 1876 г. мы видимъ Драгоманова уже въ Женевѣ за приготовленіями къ изданію украинскаго журнала „Громада“. Съ этого времени начинается второй періодъ дѣятельности Драгоманова, уже не стѣсненной тѣми узкими рамками, въ какія была заключена его предшествовавшая дѣятельность.

Въ Женевѣ Драгомановъ издалъ семь томовъ сборника „Громада“ и нѣсколько отдѣльных книжекъ на украинскомъ и русскомъ языкахъ, не прерывая и своихъ чисто научныхъ занятій, въ особенности по исторіи украинской литературы и фольклору. Всякое выдающееся событіе въ общественной жизни всегда вызывало основательную оцѣнку со стороны Драгоманова, и его публицистическія произведенія („Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, „Турки внутренніе и внѣшніе“, „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“, „До чего довоевались?“, „Историческая Польша и великорусская демократія“, „Вольный союзъ“, „Наканунъ новыхъ смуть“ и т. д.¹⁾ производили большое впечатлѣніе на общественные круги. Выступая, сообразно украинскимъ традиціямъ, какъ социалистъ-федералистъ, Драгомановъ въ особенности подчеркивалъ необходимость для правильнаго развитія Россіи завоеванія политической свободы. Съ этой точки зрѣнія Драгомановъ подвергалъ жестокой критикѣ какъ правительственныя мѣропріятія, такъ и дѣятельность оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій. Какъ редакторъ „Вольнаго Слова“, Драгомановъ успѣлъ создать чрезвычайно живой и солидный органъ оппозиціонной мысли.

Особенное вниманіе изъ практическихъ мотивовъ обра-

¹⁾ Всѣ эти работы Драгоманова собраны въ парижскомъ изданіи его произведеній: „Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“ (два тома. 1905—1906 г.). Болѣе ранніе его опыты изданы въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Политическія сочиненія М. П. Драгоманова“, т. I, 1908 г. Цѣнные матеріалы для біографіи Драгоманова заключаетъ изданная г. Павликомъ во Львовѣ книжка „Михайло Петрович Драгоманов. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“, 1896. Автобіографія впоследствии была перепечатана въ „Быломъ“, 1906 г., кн. VI.

тиль Драгомановъ на Галичину. Связи, завязанныя имъ еще во время его заграничныхъ поѣздовъ, укрѣпились съ переселеніемъ Драгоманова за границу, и мало-по-малу изъ единичныхъ послѣдователей его въ 70-хъ годахъ (Франко, Павликъ, Терлецкій и др.), начала складываться въ Галичинѣ особая группа, въ концѣ 80-хъ годовъ образовавшая украинскую радикальную партію. Въ органахъ и изданіяхъ партіи („Народ“, „Хлібороб“, „Жите і Слово“). Драгомановъ принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе, являясь идейнымъ вождемъ и руководителемъ новаго направленія, сыгравшаго чрезвычайно плодотворную роль въ украинской общественной жизни. Кромѣ массы небольшихъ публицистическихъ замѣтокъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, Драгомановымъ въ это время написаны по-украински двѣ большія работы: „Чудацькі думки про українську національну справу“ и „Листи на Україну Наддніпрянську“, въ которыхъ онъ высказывался по насущнымъ вопросамъ украинской теоріи и практики. Эту дѣятельность Драгомановъ велъ уже изъ Болгаріи, давшей съ 1889 г. пріютъ замѣчательному ученому и публицисту до самой его смерти въ качествѣ профессора Высшей школы въ Софіи, несмотря на домогательства русскаго правительства, требовавшего изгнанія его изъ Болгаріи. Въ декабрѣ 1894 года праздновался 30-лѣтній юбилей научной и литературной дѣятельности Драгоманова, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 8-го іюня 1895 г., Михаила Петровича не стало.

Какъ натура въ высшей степени живая, активная и боевая, Драгомановъ при жизни имѣлъ много враговъ и противниковъ, задѣтыхъ за живое его часто рѣзкимъ словомъ и безпощаднымъ отношеніемъ ко всякой непродуманной мысли или неоправдываемому поступку. И Драгомановъ никогда не уклонялся отъ идейной открытой борьбы, хотя, какъ жаловался въ своей автобіографіи, ему не приходилось встрѣчаться „съ противникомъ вполне добросовѣстнымъ, т.-е. такимъ, который бы изложилъ вѣрно мои мнѣнія да потомъ и опровергалъ бы ихъ своими аргументами, особенно фактичными“. Тѣмъ не менѣе даже своимъ, часто ослѣпленнымъ личными отношеніями противникамъ онъ умѣлъ импонировать своимъ честнымъ, убѣжденнымъ словомъ. „Сознательно или безсознательно, охотно или затыкая уши, русскіе революціонеры почти всей своей массой идутъ по тому пути, который Драгомановъ предвидѣлъ

и не переставалъ указывать съ первыхъ дней своего появленія за границей“,—такъ характеризовалъ роль Драгоманова такой авторитетный свидѣтель, какимъ былъ покойный Кравчинскій. И, несомнѣнно, литературно-политическое наслѣдіе Драгоманова представляетъ огромную, до сихъ поръ не потерявшую своего значенія цѣнность, правда, очень мало пока использованную благодаря неблагоприятнымъ условіямъ нашей общественности...

С. А—вичъ.

М. П. Драгомановъ

и вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ.

(Къ годовщинѣ смерти).

I.

Значеніе М. П. Драгоманова для культурнаго подъема, политическаго пробужденія и развитія національнаго самосознанія Украины неизмѣримо.

Оцѣнить его въ короткой журнальной статьѣ было бы совершенно невозможно ¹⁾. Достаточно указать на то, что М. П. Драгомановъ первый послѣ Кирилло-Меодіевскаго братства выдвинулъ и развилъ широкую украинскую политическую программу, доказавъ, что нужды украинскаго народа могутъ быть вполне удовлетворены только при созданіи въ Россіи федеральнаго государственнаго строя. Затѣмъ, послѣ изданія указа 1876 года, запрещавшаго украинскую литературу, онъ, основавъ въ Женевѣ полную украинскую типографію, больше всѣхъ способствовалъ тому, чтобы украинское слово не было задушено и не замерло, а, наоборотъ, развилось и расширилось. Благодаря его литературной и издательской дѣятельности въ Женевѣ, къ уже существовавшей тогда украинской художественной и популярной литературѣ присоединилась публицистическая и чисто научная литература на украинскомъ языкѣ. Далѣе, способствуя еще съ самаго начала семидесятыхъ годовъ тому, чтобы украинцы писали въ галицкихъ органахъ, и самъ, дѣятельно работая въ первомъ галицко-украинскомъ или, вѣрнѣе, первомъ общеукраинскомъ органѣ „Правда“, основанномъ при энергичномъ содѣйствіи П. А. Кулиша, М. П. Драгомановъ первый въ печати высказалъ идею о томъ, что

¹⁾ Краткій очеркъ, впрочемъ выходящій изъ предѣловъ обыкновенной журнальной статьи, даетъ Б. А. Кистяковскій. „М. П. Драгомановъ. Его политическіе взгляды, литературная дѣятельность и жизнь“ въ качествѣ предисловія къ книгѣ: М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія, т. I. Въ ней указана и остальная литература о Драгомановѣ. По поводу нея появилось нѣсколько критическихъ статей. Интересъ представляютъ только статьи М. Павлика въ галицкой газетѣ „Діло“. Теперь онѣ изданы и отдѣльной брошюрой—М. Павликъ. М. П. Драгомановъ, як політикъ. Львів. 1911.

украинцы должны бороться съ цензурнымъ запретомъ украинской литературы въ Россіи путемъ перенесенія своей литературной дѣятельности въ австрійскую Галицію. Въ пользу осуществленія этой идеи онъ затѣмъ повелъ систематическую агитацію въ печати. Какъ извѣстно, эта идея скоро приобрѣла широкую популярность на Украинѣ и благодаря дружной работѣ украинскихъ литературныхъ силъ на галицкой почвѣ въ восьмидесятыхъ и особенно въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣйствіе указа 1876 года подъ конецъ фактически было парализовано. вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Драгомановъ изъ всѣхъ русскихъ украинцевъ, если не считать, конечно, художниковъ слова и особенно нашего гениальнаго поэта Шевченка, оказалъ, въ XIX столѣтіи наибольшее вліяніе на культурное, политическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національное развитіе галицкихъ украинцевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т.-е. только въ отношеніи вліянія на національное развитіе галицкихъ украинцевъ, съ М. П. Драгомановымъ могли бы поспорить лишь П. А. Кулишъ и особенно А. Я. Конисскій. Но, въ то время какъ вліяніе послѣдняго послѣ его смерти все уменьшалось и падало, а скоро и совсѣмъ прекратится, тѣмъ болѣе, что онъ нигдѣ не изложилъ своихъ національно-политическихъ идей систематически, вліяніе М. П. Драгоманова благодаря цѣлому ряду обстоятельствъ—переизданію его работъ, напечатанію нѣкоторыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ его изслѣдованій, выходу теперь уже болѣе десяти томовъ его переписки и, наконецъ, самоотверженной дѣятельности его послѣдователя М. Павлика—продолжаетъ расти и увеличиваться даже въ XX столѣтіи. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что ни одинъ украинецъ,—мы опять исключаемъ нашихъ поэтовъ и говоримъ о минувшемъ столѣтіи,—не способствовалъ въ такой мѣрѣ культурно-національному объединенію украинцевъ, принадлежащихъ къ различнымъ государствамъ, какъ М. П. Драгомановъ.

Если мы перейдемъ къ дальнѣйшимъ заслугамъ М. П. Драгоманова передъ Украиной, то мы должны затѣмъ отмѣтить, что онъ своими научными трудами поднялъ изслѣдованіе памятниковъ нашей народной словесности на такую высоту, что приобрѣлъ себѣ европейскую научную славу въ кругахъ ученыхъ специалистовъ по

фольклору. Здѣсь особенно заслуживаетъ упоминанія его работа надъ политическими пѣснями украинскаго народа, которую онъ началъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Б. Антоновичемъ, а затѣмъ продолжалъ одинъ въ Женевѣ. Одновременно съ ознакомленіемъ европейскаго научнаго міра съ произведеніями украинской народной словесности и ихъ научной разработкой онъ распространялъ и въ широкихъ кругахъ европейской читающей публики свѣдѣнія о художественной украинской литературѣ и культурно-національномъ возрожденіи Украины въ XIX столѣтіи. Для этого онъ выступалъ на литературныхъ конгрессахъ,—напр., въ Парижѣ и Вѣнѣ,—съ докладами (причемъ его докладъ на парижскомъ конгрессѣ печати 1878 года объ украинской литературѣ и цензурномъ запретѣ ея указомъ 1876 г. былъ напечатанъ и отдѣльной брошюрой), а также помѣстилъ цѣлый рядъ статей въ различныхъ французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ изданіяхъ. Слѣдовательно, онъ былъ начинателемъ того дѣла, которое теперь уже болѣе десяти лѣтъ ведется систематически благодаря изданію сперва „Ruthenische Revue“, а теперь „Ukrainische Rundschau“. Такъ же точно М. П. Драгомановъ въ теченіе тридцати лѣтъ, съ 1865 по 1895 г., болѣе кого бы то ни было сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ украинскимъ движеніемъ и нуждами украинскаго народа. Его многочисленныя статьи, посвященныя этимъ вопросамъ, должны составить довольно значительную часть, къ сожалѣнію, еще только начатаго четырехтомнаго собранія его статей, издающагося подъ общимъ заглавіемъ „Политическія сочиненія“. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ М. П. Драгомановъ долгое время почти одинъ дѣлаетъ то, для чего теперь создаются цѣлые органы печати, какъ „Украинскій Вѣстникъ“ и „Украинская Жизнь“.

Наконецъ, послѣ того, какъ еще Н. И. Костомаровъ въ своемъ письмѣ въ „Колоколъ“ Герцена указалъ на неправильность взглядовъ, высказывавшихся даже нѣкоторыми наиболѣе прогрессивными представителями сосѣднихъ съ украинскимъ великорусскаго и польскаго народовъ относительно народа украинскаго и желательныхъ для него формъ и путей развитія¹⁾, М. П. Драгомановъ первый далъ систе-

¹⁾ См. А. Хатченко. Герценъ и Украина. „Украинская Жизнь“, 1912 г., кн. 4, стр. 26.

матическій обзоръ и критику этихъ, продиктованныхъ по большей части неосвѣдомленностью, а иногда завоевательными и эксплуататорско-пріобрѣтательными инстинктами, стремлений нашихъ сосѣдей. Въ своемъ сочиненіи „Историческая Польша и великорусская демократія“, посвященномъ этому вопросу, М. П. Драгомановъ развилъ также принципы нормальной организациіи сосѣднихъ отношеній между украинскимъ народомъ съ одной стороны и великорусскимъ и польскимъ народомъ—съ другой. Если не такъ систематически, то не менѣе опредѣленно онъ указалъ на единственно справедливые принципы, которые надо положить въ основаніе регулированія отношеній между украинскимъ народомъ и народами, живущими среди него небольшими островками, т.-е. между украинскимъ большинствомъ и инородческимъ меньшинствомъ; причемъ эти указанія онъ далъ еще тогда, когда вопросъ о справедливомъ отношеніи къ инородческому меньшинству теоретически не ставился даже въ Австріи, т.-е. въ странѣ болѣе культурной, чѣмъ Россія, и обладающей болѣе справедливой конституціей. Въ частности, онъ настойчиво совѣтовалъ украинцамъ способствовать возникновенію и развитію національнаго самосознанія среди еврейскихъ народныхъ массъ, высказывая эти совѣты въ то глухое для еврейскаго народа время, когда на Украинѣ не существовало еще еврейскаго національнаго движенія.

Это голое перечисленіе того, что сдѣлалъ М. П. Драгомановъ для Украины, показываетъ, какъ обширна, какъ поразительно разнообразна была его дѣятельность. Каждая изъ этихъ сторонъ заслуживала бы спеціальнаго изслѣдованія, и ни одно изъ этихъ изслѣдованій не вмѣстилось бы въ рамкахъ средней журнальной статьи. Мы и не можемъ дѣлать предметомъ нашего очерка какую-нибудь изъ этихъ сторонъ дѣятельности М. П. Драгоманова въ ея цѣломъ. Для него мы избрали болѣе скромную задачу, именно—ознакомленіе читателей со взглядами М. П. Драгоманова на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ. Среди другихъ вопросовъ украинства этотъ вопросъ въ данный моментъ особенно выдвинуть у насъ въ прессѣ и возбуждаетъ живой интересъ въ нашемъ обществѣ благодаря появленію въ журналѣ „Русская Мысль“ статьи нѣкоего Украинца, посвященной ему. Но, повидимому, не статья въ „Русской Мысли“ выдвинула

этотъ вопросъ, а, напротивъ, вопросъ этотъ выдвинулъ статью, такъ какъ сама по себѣ статья Украинца довольно слаба и носить случайный характеръ. Вѣроятно, вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ поставленъ самою украинской общественной жизнью, дѣйствительно, на первое мѣсто, или по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть поставленъ на порядокъ дня, какъ самый неотложный и насущный вопросъ украинства для данного времени. Поэтому мы и считаемъ своевременнымъ изложить по возможности полно глубоко-вѣрные взгляды на этотъ вопросъ, которые высказалъ въ свое время М. П. Драгомановъ.

II.

Наиболѣе цѣльно изложилъ М. П. Драгомановъ свои взгляды на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ въ двухъ послѣднихъ своихъ крупныхъ публицистическихъ работахъ, озаглавленныхъ „Мысли чудака объ украинскомъ національномъ вопросѣ“ („Чудацькі думки про українську національну справу“) и „Письма на Приднѣпровскую Украину“ („Листи на Наддніпрянську Україну“). Поводъ къ возникновенію этихъ работъ подалъ обсуждавшійся тогда въ украинской прессѣ вопросъ о значеніи русской литературы для украинскаго національнаго развитія. Но по своему содержанію онѣ далеко вышли за предѣлы первоначально поставленной темы, и самъ М. П. Драгомановъ въ предисловіи ко второй части своихъ „Писемъ на Приднѣпровскую Украину“ говорить, что въ этихъ двухъ работахъ „изложена до извѣстной степени цѣльная система мыслей объ украинскихъ національных задачахъ—общественныхъ и литературныхъ“¹⁾.

Если для нѣмцевъ и итальянцевъ въ прошломъ столѣтіи національный вопросъ былъ вопросомъ ихъ политическаго объединенія, то для украинцевъ онъ былъ и до сихъ поръ остается въ первую очередь и по преимуществу вопросомъ ихъ культурнаго подъема и развитія. Конечно, въ украинскомъ національномъ движеніи есть и очень важная политическая и социальная сторона. Онѣ сознавались съ первыхъ моментовъ украинскаго національнаго возро-

¹⁾ М. Драгомановъ. Листи на Наддніпрянську Україну. Виданье редакції „Народа“. Коломия, 1894, стр. 98. Здѣсь и вездѣ ниже мы переводимъ слова М. П. Драгоманова съ украинскаго на русскій языкъ.

жденія и еще въ первую половину XIX столѣтія были исполнѣ выяснены и изложены въ стройной системѣ соціально-политической программы Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Однако, мы этой соціально-политической стороны украинскаго вопроса не будемъ касаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что и М. П. Драгомановъ въ своихъ вышеназванныхъ публицистическихъ произведеніяхъ хотя и не обошелъ ее совсѣмъ,—иначе они не могли бы въ себѣ заключать „цѣльной системы мыслей объ украинскихъ національныхъ задачахъ“,—но не остановился на ней специально и не разсмотрѣлъ ее подробно. Напротивъ, свои взгляды на соціально-политическія задачи украинства М. П. Драгомановъ развилъ главнымъ образомъ въ своихъ доступныхъ для русскаго читателя публицистическихъ работахъ на русскомъ языкѣ, именно въ „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“ и въ „Вольномъ Союзѣ“. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для всего украинскаго національнаго міровоззрѣнія М. П. Драгоманова, а также для того времени, когда онъ дѣйствовалъ. Далѣе мы увидимъ, что честь исполнѣ опредѣленно высказать и развить въ печати идею о томъ, что украинское движеніе въ первую очередь и по преимуществу является движеніемъ культурнымъ, принадлежитъ тоже М. П. Драгоманову, а вовсе не какому-то Украинцу изъ „Русской Мысли“. Правда, М. П. Драгомановъ не употребляетъ такъ часто терминъ „культура“ и „культурный“, какъ мы привыкли его употреблять за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ. Онъ говоритъ въ этихъ случаяхъ иногда описательно; настанавляетъ на извѣстныхъ литературныхъ и просвѣтительныхъ задачахъ украинства и указываетъ на то, что украинство имѣетъ смыслъ только какъ прогрессивное и демократическое движеніе.

Если мы теперь перейдемъ къ самимъ взглядамъ М. П. Драгоманова, на вопросъ о самостоятельной украинской культурѣ, то прежде всего мы должны отмѣтить, что въ своихъ „Мысляхъ чудака объ украинскомъ національномъ вопросѣ“ онъ выступаетъ противъ формальнаго націонализма. На основаніи цѣлаго ряда историческихъ примѣровъ, онъ указываетъ на то, что „государственно-національное единство не всегда ведетъ къ большей свободѣ и національная идея можетъ быть причиною и насилій надъ людьми и большой несправедливо-

сти" ¹⁾). И далѣ онъ резюмируетъ свой взглядъ на формальный націонализмъ въ словахъ: „сама по себѣ національная идея не можетъ еще привести людей къ свободѣ и справедливости для всѣхъ и даже не можетъ дать руководящей нити для правильного устройства хотя бы только государственныхъ отношеній“ ²⁾). Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что мы въ своемъ украинскомъ національномъ движеніи „станемъ на чрезвычайно зыбкую почву, если откажемся отъ ясныхъ идей всемірнаго гуманизма, которыя только и могутъ дать безусловно прочную основу нашимъ стремленіямъ къ національной свободѣ и прикнемъ къ старозавѣтному принудительному націонализму“ ³⁾). Въ другомъ мѣстѣ, въ своихъ „Письмахъ на Приднѣпровскую Украину“, онъ болѣе подробно развиваетъ эти мысли. По его словамъ, „мы не можемъ искать себѣ руководящихъ идей для общественной работы, культурной, политической и соціальной, въ національных чувствахъ и интересахъ, такъ какъ иначе мы запутались бы во всевозможныхъ „субъективностяхъ“, въ лѣсу историческихъ традицій и т. п. Мы ищемъ такихъ руководящихъ и контролирующихъ идей въ научныхъ выводахъ и интересахъ интернаціональныхъ, общечеловѣческихъ. Идя этимъ путемъ, мы, говоря кратко, отрицаемъ не національности, а націонализмъ, особенно тотъ, который самъ себя противопоставляетъ человечеству или космополитизму. Мы не признаемъ принудительныхъ взглядовъ и чувствъ, которые хотятъ выдавать за національныя святыни, а особенно протестуемъ противъ ненависти къ другимъ національностямъ“ ⁴⁾). Затѣмъ далѣ въ томъ же публицистическомъ очеркѣ онъ даетъ сжатую формулу своей украинской національной программы, которую онъ всегда проводилъ въ своей дѣятельности и которую здѣсь онъ печатаетъ жирнымъ шрифтомъ. Она выражается въ словахъ: „**космополитизмъ въ идеяхъ и цѣляхъ, національ-**

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки про українську національну справу. Друге виданье. Накладомъ Івана Франка. Львів. 1892, стр. 28. Этотъ и слѣдующій отрывокъ напечатаны въ подлинникѣ разрядкой.

²⁾ Тамъ же, стр. 30.

³⁾ Тамъ же, стр. 42.

⁴⁾ М. Драгоманов. Листи на Наддніпрянську Україну. Коломия, 1894, стр. 67. Разрядка вездѣ подлинника.

ность въ почвѣ и формахъ культурной работы!"¹⁾.

Въ отвѣтъ на возникшій изъ недоразумѣнія упрекъ, который дѣлали М. П. Драгоманову, что, отрицая формальный націонализмъ, онъ отрицаетъ и національность, онъ говоритъ о себѣ: „Национальности я признаю, а только борюсь съ націонализмомъ, т.-е. съ принужденіемъ придерживаться извѣстныхъ чувствъ и мыслей (политическихъ и культурныхъ) на томъ основаніи, что они національны или чаще считаются таковыми“²⁾. Объясняетъ онъ свое уваженіе къ національности и къ связанному съ нею національному патріотизму соображеніемъ, выраженнымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я не только не думаю издѣваться надъ этнографическимъ патріотизмомъ, но и очень цѣню его, какъ одинъ изъ устоевъ солидаризаціи между людьми; однако, я думаю, что имъ однимъ люди не могутъ жить; къ нему надо прибавить еще кое-что“³⁾. Но если М. П. Драгомановъ отрицалъ въ качествахъ признаковъ украинской національности то, что украинскіе націоналисты считали національными святынями,—а критикъ теоріи такъ-называемыхъ національных святынь онъ посвятилъ цѣлую главу въ первомъ изъ выше-названныхъ своихъ публицистическихъ произведеній⁴⁾,—то въ чемъ же онъ видѣлъ признаки національности вообще и украинской въ частности? На этотъ вопросъ онъ, конечно, не могъ дать окончательнаго и полнаго отвѣта; зато онъ показываетъ, какъ проблема о сущности національности ставится въ современной европейской наукѣ. О признакахъ національности онъ говоритъ, что „теперь многое изъ того, что считалось когда-то національнымъ, признано общимъ всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія или даже продуктомъ интернаціональнаго процесса, который начался уже давно“. По его словамъ, „ка о національности должна теперь установить, что въ извѣстныхъ признакахъ націи постоянно, болѣе или менѣе биологично, а что измѣнчиво. Поэтому нужно еще много научной работы, произведенной самымъ широкимъ всемірно-сравнительнымъ методомъ, чтобы получить воз-

1) Тамъ же, стр. 68.

2) М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 101.

3) М. Драгоманов. Листи, стр. 175.

4) М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 272—294.

возможность сказать что-нибудь определенное о сущности национальности". Переходя къ вопросу объ украинской нации въ частности, онъ указываетъ на результаты, къ которымъ онъ пришелъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. О себѣ самомъ и своихъ работахъ по этому вопросу онъ говоритъ слѣдующее: „Въ мѣру своихъ силъ я работаю надъ обработкой матеріала для украинской національной психологіи: въ своихъ изслѣдованіяхъ по народной словесности я постоянно отмѣчаю сходство и отличія украинскихъ произведеній тутъ произведеній другихъ народовъ, или же отмѣняю украинскія варіаціи темъ, взятыхъ у чужихъ народовъ и т. п. Но я не позволю себѣ никакихъ суммарныхъ выводовъ, пока сотни работъ по подобному методу не будутъ сдѣланы въ одной области народной словесности; а есть еще немало и другихъ областей“ ¹⁾.

Въ связи съ этими взглядами на національность, націонализмъ и космополитизмъ и особенно въ согласіи съ своимъ основнымъ положеніемъ, что національность и ея проявленія, особенно національный языкъ, должны быть орудіями проведенія гуманитарныхъ или общечеловѣческихъ идей въ тѣ или другія народныя массы, М. П. Драгомановъ излагаетъ и свои мысли о самостоятельной украинской культурѣ. Главнымъ образомъ это мысли о важнѣйшихъ органахъ всякой современной духовной культуры—литературѣ. Къ тому же въ то время украинская литература была почти единственнымъ органомъ украинскаго культурнаго движенія. Такъ какъ поводъ для выступленія М. П. Драгоманова былъ данъ, какъ было указано выше, обсуждавшимся въ то время въ украинской прессѣ вопросомъ о значеніи русской литературы для Украйны, то онъ прежде всего указываетъ на то, что русская литература производитъ обаятельное впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на всякаго культурнаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ она располагаетъ громадной притягательной силой вслѣдствіе разработки общечеловѣческихъ темъ и задачъ, причемъ однако и эта разработка, и самыя темы и задачи естественно и непредназначенно приобрѣтають своеобразную

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки, стр. 101.

окраску, создаваемую всей совокупностью великорусской жизни и воспроизводящую психику великоросса въ ея основныхъ чертахъ. Изъ этого М. П. Драгомановъ дѣлаетъ выводъ, что „и наша украинская литература, чтобы сдѣлаться интересной, должна пойти по той же дорогѣ и, отказавшись отъ туманнаго и вреднаго націонализма, приняться за обсужденіе живыхъ вопросовъ, которые теперь озабочиваютъ всѣ просвѣщенные народы“. Далѣе онъ указываетъ на то, что „самое лучшее, что было написано на нашемъ украинскомъ языкѣ, напр., произведенія Квитки, Шевченка, М. Вовчка, Федьковича, Мирнаго, было написано именно такъ же, какъ и произведенія новыхъ русскихъ писателей“ ¹⁾. По его словамъ, онъ „не разъ и устно, и печатно обращалъ вниманіе на то, что украинская литература до тѣхъ поръ не станеть на крѣпкія свои ноги, пока украинскіе писатели не будутъ пріобрѣтать всемірныя просвѣтительныя идеи и стремленія непосредственно изъ Западной Европы, а не черезъ Петербургъ и Москву, т.-е. черезъ русскую литературу“. Далѣе, онъ говоритъ, что „уже не одинъ десятокъ лѣтъ мы слышимъ о самостоятельности украинской литературы, объ ея правѣ быть равной русской“, и настаиваетъ на томъ, что это право должно быть осуществлено не на словахъ, а на дѣлѣ путемъ энергичной работы, такъ какъ „въ литературѣ, можетъ-быть, больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, право безъ работы, которая даетъ силу, не имѣетъ никакой цѣны“. Затѣмъ онъ анализируетъ факты культурной исторіи Великороссіи и Украйны и объясняетъ, какимъ образомъ съ конца XVII и особенно съ начала XVIII столѣтія произошло такъ, что „Великороссія, будучи болѣе слабой, чѣмъ Украйна, по отношенію къ массовой культурѣ (и, по его мнѣнію, оставаясь таковой до сихъ поръ), превзошла Украйну по отношенію къ культурѣ высшихъ слоевъ общества и благодаря этому перетянула къ себѣ и высшіе слои украинскаго общества“. Изъ этого историческаго урока онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Если мы хотимъ теперь хоть сравняться съ Великороссіей, то напряжемъ всѣ свои силы для того, чтобы хоть въ чемъ-нибудь опередить ея передовые ряды. Теперь, когда русская литература стѣснена цензурой, а наша въ Галиціи можетъ

¹⁾ М. Драгоманов. Тамъ же, стр. 44.

пользоваться большой свободой, самое лучшее время для такого напряженія силъ. Вотъ почему нѣтъ большихъ враговъ будущности нашей національной литературы, чѣмъ всякіе консервативные, клерикальные и т. п. угодовцы" ¹⁾).

Вспомнимъ, что М. П. Драгомановъ писалъ все это болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ украинцы сознательно или безсознательно, преднамѣренно или непреднамѣренно шли по пути, указанному М. П. Драгомановымъ. Приобрѣтенія, которыя сдѣланы украинской литературой за это время, колоссальны. Мы не будемъ ихъ здѣсь перечислять, а интересующимся предлагаемъ ознакомиться съ самой современной украинской художественной, публицистической и особенно научной литературой. Скажемъ только, что теперь украинская литература въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ можетъ конкурировать съ литературой русской, чѣмъ это было двадцать лѣтъ тому назадъ. Даже отсутствіе конституціонныхъ свободъ въ Россіи въ первыя четырнадцать лѣтъ послѣ того, какъ вышеприведенныя строки были написаны, пошло отчасти на пользу тому, чтобы украинская литература, согласно съ предсказаніемъ и совѣтомъ М. П. Драгоманова, могла конкурировать съ русской, хотя вообще столь позднее введеніе конституціонныхъ свободъ въ Россіи было для украинской культуры не менѣе и даже болѣе гибельно, чѣмъ для русской.

III.

Но до сихъ поръ мы говорили только объ одномъ хотя и основномъ органѣ и орудіи всякой культуры, объ украинской литературѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда М. П. Драгомановъ писалъ о задачахъ украинскаго движенія, это былъ и почти единственный органъ украинской культуры. Правда, М. П. Драгомановъ отмѣчаетъ въ качествѣ „громаднаго приобрѣтенія украинства" въ восьмидесятые годы прошлаго столѣтія развитіе украинскаго театра. Это развитіе можно считать какимъ-то чудомъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 231. М. П. Драгомановъ писалъ свои цитируемыя нами работы не только для русскихъ, но и для галицкихъ украинцевъ. Поэтому онъ вмѣшивался и въ борьбу галицко-украинскихъ политическихъ партій. „Угодовцы"—это галицко-украинская партія, которая возникла въ 1890 году и заключила соглашеніе (угоду) съ поляками. М. П. Драгомановъ разсказалъ о ней русскимъ читателямъ параллельно съ разсказомъ о тогда же возникшей передовой радикальной украинской партіи. См. М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія; статья: „Новыя движенія среди русскихъ галичанъ".

культурной исторіи народовъ, такъ какъ оно совпало съ моментомъ наибольшаго гоненія на украинство, съ періодомъ упадка всякой общественной дѣятельности и съ господствомъ глухой правительственной реакціи. Кромѣ украинскаго театра, который М. П. Драгомановъ притомъ разсматриваетъ по преимуществу какъ отрасль украинской литературы, онъ въ другихъ мѣстахъ иногда упоминаетъ еще объ украинской музыкѣ и украинскихъ узорахъ въ вышивкахъ; но эти упоминанія носятъ случайный характеръ.

Теперь, спустя двадцать лѣтъ, факты культурнаго развитія Украйны показываютъ, что мы и на украинскій театръ, и на украинскую музыку должны смотрѣть нѣсколько иначе, т.-е. больше обращать вниманія на другую сторону ихъ значенія, чѣмъ какъ это дѣлалъ М. П. Драгомановъ. Театръ и музыка были первыми отраслями новаго украинскаго искусства, развившимися и заявившими о себѣ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ политическаго и соціально-экономическаго существованія украинскаго народа. Теперь онъ уже не одиноки и не представляютъ изъ себя какой-то случайности или какого-то исключенія. Всѣ отрасли искусства возсозданы новымъ украинскимъ культурнымъ движеніемъ, и въ данный моментъ можно уже сказать, что вся широкая область искусства служить на благо культурнаго подъема Украйны. Не только развились украинская живопись и украинская скульптура, но и возсоздана загнанная въ XVIII столѣтіи русскимъ свѣтскимъ и особенно духовнымъ правительствомъ и совершенно забытая вплоть до послѣднихъ годовъ XIX столѣтія украинская архитектура, о которой во времена М. П. Драгоманова никто не затѣвалъ даже рѣчи. Теперь среди родной природы не только нашъ слухъ ласкается родная рѣчь и родная пѣсня, но и нашъ взоръ отдыхаетъ на родныхъ и милыхъ нашему сердцу формахъ построекъ въ украинскомъ стилѣ. Тѣ глубокія душевныя переживанія, которыя еще два десятилѣтія тому назадъ могла возбуждать въ насъ только украинская хата, бывшая единственнымъ представителемъ украинскаго архитектурнаго стиля, такъ какъ кое-гдѣ еще сохранившіяся старыя украинскія церкви тогда еще нельзя было принимать въ расчетъ,—ихъ никто не зналъ,—теперь эти же переживанія вызываются и новыми крупными постройками. Итакъ, и

этотъ видъ искусства, въ которомъ, какъ говорятъ, больше всего отражается индивидуальная народная душа, возсозданъ и развивается теперь на Украинѣ. Не ведетъ ли это къ тому, что украинцы все больше и больше приобщаются къ общечеловѣческой гуманитарной цивилизаціи, развивая и отчасти вновь создавая свои оригинальныя и самостоятельныя культурныя формы? Не есть ли это выполнение той общей программы украинской культурной дѣятельности, которую выработалъ въ свое время еще М. П. Драгомановъ, хотя, конечно, не всѣ современные культурные дѣятели украинства считаютъ М. П. Драгоманова своимъ духовнымъ руководителемъ, а нѣкоторые даже не знаютъ о вышенамѣченной его программѣ?

Но высокимъ искусствомъ не исчерпывается культурная дѣятельность украинцевъ въ области искусства. Изъ прикладного искусства во времена М. П. Драгоманова обращало на себя вниманіе собираніе украинскихъ вышивокъ и отчасти привлекали къ себѣ интересъ узоры украинскихъ ковровъ и плахтъ. Съ тѣхъ поръ Украина сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ, и теперь ведется планомерная дѣятельность для развитія всѣхъ видовъ художественныхъ ремеселъ на Украинѣ. Конечно, пробудить таланты и заставить творить дѣтей простого народа можно только разрабатывая родныя формы, родныя узоры и родной орнаментъ. Такимъ образомъ, земства на Украинѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его руководители не симпатизируютъ, а иногда и враждебно относятся къ украинству, принуждены, если они не хотятъ, чтобы средства, отпускаемая на поддержку кустарной промышленности, пропадали даромъ, содѣйствовать развитію украинскаго прикладного искусства.

Съ вопросомъ о развитіи прикладного искусства связаны и вопросъ вообще о демократизаціи искусства. Украинское національное движеніе по преимуществу демократично, тѣмъ болѣе, что украинскій народъ въ моментъ возникновенія этого движенія состоялъ изъ однихъ только крестьянъ. Поэтому украинцы обращаютъ свое главное вниманіе на то, чтобы произведенія украинскаго культурнаго творчества шли въ народъ и способствовали его культурному подъему. Изъ высокихъ видовъ искусства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не включая въ него художественной литературы, наибольшее образовательное значеніе

имѣть, несомнѣнно, театръ и музыка. Украинскій театръ, какъ постоянное учрежденіе, возникъ среди украинской интеллигенціи, развившись изъ любительскихъ спектаклей. Всѣ прославившіеся съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія украинскіе артисты старшаго поколѣнія, какъ Кропивницкій, Карпенко-Карый, Старицкій, Заньковецкая, Садовскій, Саксаганскій и др., развили свои артистическія дарованія, участвуя въ любительскихъ спектакляхъ, и никакой спеціальной театральной школы не оканчивали. Если въ свое время украинскій театръ пришелъ къ украинской интеллигенціи и вошелъ въ спеціальныя театральныя помѣщенія черезъ любительскіе спектакли, то теперь онъ идетъ въ народъ опять главнымъ образомъ въ видѣ тѣхъ же спектаклей, устраиваемыхъ любителями. Теперь постоянно въ болѣе или менѣе крупныхъ сельскихъ мѣстностяхъ устраиваются украинскія представленія, участниками которыхъ являются любители не только изъ представителей украинской интеллигенціи, но и въ значительной мѣрѣ изъ рабочихъ и крестьянъ.

На-ряду съ возникновеніемъ украинскихъ любительскихъ труппъ большое культурное значеніе имѣть и возникновеніе въ украинскихъ сельскихъ мѣстностяхъ любительскихъ оркестровъ и хоровъ. Особенно важна организація и дѣятельность украинскихъ любительскихъ хоровъ. Вмѣстѣ съ традиционными украинскими „вечерницами“ и славнымъ, особенно своимъ прошлымъ, сословіемъ украинскихъ кобзарей они распространяютъ и поддерживаютъ въ народѣ знаніе и любовь родной поэзіи и пѣсни. Но у украинскихъ любительскихъ хоровъ, организуемыхъ интеллигенціей среди народа, есть и своя собственная громадная культурная задача. Она состоитъ какъ въ томъ, чтобы ознакомить народъ съ произведеніями украинскихъ композиторовъ, принадлежащихъ къ интеллигенціи, такъ и особенно въ томъ, чтобы возвратити народу знаніе пѣсенъ, когда-то имъ самимъ же созданныхъ, но затѣмъ имъ забытыхъ или вполнѣ, или въ значительной мѣрѣ, т.-е. или въ большинствѣ мѣстностей, или же въ полномъ видѣ. Такимъ образомъ, тѣ же самыя произведенія народной поэзіи, ознакомленіе съ которыми при пробужденіи интереса къ украинскому этнографическому матеріалу и возникновеніи украинскаго національнаго движенія, по преимуществу вызывали у первыхъ украинскихъ куль-

турныхъ дѣятелей любовь и интересъ къ украинскому народу, къ его историческимъ судьбамъ и его быту, а также порождали у нихъ желаніе и рѣшимость послужить его культурному подъему, теперь эти же народныя поэтическія произведенія, заботливо собранныя и сохраненныя первыми украинскими дѣятелями, должны послужить культурному подъему самого этого народа. Вѣдь такъ же точно, какъ въ теченіе значительной части XIX столѣтія, украинская народная пѣсня вытѣснялась изъ устъ и памяти народа уродливыми по содержанію, языку и формѣ произведеніями фабрично-заводской, лакейской и солдатской поэзіи, такъ теперь происходитъ и все усиливается обратный процессъ вытѣсненія этихъ отбросовъ современной городской культуры чудной украинской пѣсней. Конечно, родная пѣсня не только пробуждаетъ національное самосознаніе въ украинскомъ народѣ, но и воспитываетъ въ немъ любовь и вкусъ ко всему художественному и прекрасному.

Однако украинское національное движеніе ведетъ къ подъему не одной только духовной культуры украинскаго народа. Оно работаетъ и надъ подъемомъ его экономической культуры. Здѣсь опять мы должны констатировать, какъ далеко мы ушли отъ того положенія, въ которомъ было украинское дѣло, когда М. П. Драгомановъ развивалъ свою программу украинской культурно - общественной дѣятельности. Въ семидесятыхъ годахъ, когда М. П. Драгомановъ началъ издавать въ Женевѣ украинскій соціально-политическій періодическій сборникъ „Громада“, онъ былъ социалистомъ радикальнаго революціоннаго направленія. Но уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ рѣшительно и опредѣленно сталъ на сторону социализма реформаторскаго. При этомъ онъ указывалъ также пути и средства, при помощи которыхъ социальныя реформы должны подготовляться и сверху, и, — что особенно важно, — снизу. Но только, обращаясь къ галицкимъ украинцамъ, онъ настаивалъ на томъ, что украинская интеллигенція должна способствовать возникновенію и развитію снизу различныхъ формъ экономической организаціи среди народа. Украинцамъ въ Россіи М. П. Драгомановъ въ свое время еще не считалъ возможнымъ рекомендовать такую задачу.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находимся мы теперь.

Достаточно ознакомиться съ любымъ обозрѣніемъ украинской жизни для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что представители украинскаго національнаго движенія работаютъ теперь надъ организаціей и развитіемъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія среди украинскаго народа. На послѣднемъ кооперативномъ сѣздѣ, происходившемъ въ Петербургѣ, представители украинскихъ кооперативныхъ организацій могли играть уже очень видную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ сѣздѣ выяснилось, что кооперативное дѣло въ Россіи можетъ развиваться только въ томъ случаѣ, если оно будетъ организовано не централистически, а федералистически, съ предоставленіемъ автономіи областямъ. Такая резолюція, дающая просторъ развитію украинскаго кооперативнаго движенія, и была принята на этомъ сѣздѣ. Конечно, въ этомъ направленіи остается еще очень много сдѣлать. Украинцы должны усвоить себѣ ту же систему организаціи и дѣятельности, которая примѣняется поляками въ Познани, и потому лучшимъ руководствомъ для нихъ можетъ служить недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ книга Л. Бернгарда. Во всякомъ случаѣ, украинцы должны столько же заботиться объ экономической организаціи украинскихъ народныхъ массъ, какъ и объ ихъ духовной организаціи. Только благодаря этой всесторонней организаціи украинскій народъ превращается и неминуемо долженъ превратиться въ могучій и цѣльный національный организмъ.

IV.

Въ виду этихъ колоссальныхъ культурныхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ и осуществляетъ современное украинское національное движеніе, для всякаго украинца какъ-то странно прозвучалъ призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ развитіемъ и ростомъ украинской культуры, недавно раздавшійся со страницъ одного изъ органовъ русской прогрессивной прессы. Нашу украинскую культуру хотять заглянуть въ предѣлы какой-то „скромной областной культуры“. Представители своеобразно понятой общерусской культуры присваиваютъ себѣ право и власть указывать намъ тѣ предѣлы, до какихъ можетъ простираться наша культурная дѣятельность и дальше которыхъ она не должна итти. Они налагаютъ запретъ на нѣкоторые наши просвѣтително-культурныя начинанія, объявляя ихъ вредными.

Итакъ, наше національное движеніе, весь смыслъ котораго заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что оно является проводникомъ наиболѣе передовыхъ гуманитарныхъ идей въ украинскія народныя массы, хотятъ загнать въ какой-то культурный не-то тупикъ, не-то уголь. Нашу украинскую культуру хотятъ лишить самыхъ высокихъ и цѣнныхъ общечеловѣческихъ элементовъ ея, хотя они главнымъ образомъ и придаютъ ей жизненность, и сообщаютъ ей способность конкурировать съ другими культурами. Наконецъ, что особенно непонятно, намъ совѣтуютъ или предписываютъ возможно больше суживать наши просвѣтително-культурныя задачи и дѣятельность и въ то же время ставятъ намъ въ вину то, что мы будто бы партикуляристы.

Интересно было бы знать, въ первый ли разъ на страницахъ русскаго прогрессивнаго органа проповѣдуется „идейная борьба“ противъ извѣстнаго просвѣтително-культурнаго движенія за его чрезмѣрную широту. Сознаемся, что мы рѣшительно отказываемся понимать, почему эта проповѣдь ведется подъ флагомъ идейности. Вѣдь если оцѣнить ее по ея подлинному смыслу и по тѣмъ губительнымъ результатамъ, которые она можетъ принести, то ее надо признать величайшимъ вандализмомъ не только нашего времени, но и всѣхъ временъ. Съ тѣми культурно-разрушительными задачами, которыя она выдвигаетъ, можетъ сравниться только культурно-разрушительная дѣятельность историческихъ вандаловъ. Было бы очень печально, если бы русская прогрессивная мысль послѣ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого и,—опредѣляя коротко русскую общественную культуру,—послѣ манифеста 17-го октября дѣйствительно и серьезно додумывалась бы до такихъ вещей. Но мы лично склонны видѣть въ этомъ главнымъ образомъ прискорбное заблужденіе, которое объясняется очень плохой освѣдомленностью русскаго общества относительно истинныхъ культурныхъ стремленій украинскаго національнаго движенія.

Однако отъ русскаго читателя нельзя и не слѣдуетъ скрывать того, что многіе украинцы часто готовы усматривать здѣсь основной и глубокий порокъ самой русской культуры. Такія мысли и настроенія у многихъ представителей украинскаго національнаго движенія вызываются, конечно, системой принудительнаго обрусенія, уже давно

и такъ безпощадно проводимой по отношенію къ украинскому народу. На антикультурномъ, деморализующемъ вліяніи этой системы, являющейся однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ видовъ насилія надъ человѣческимъ духомъ, мы не считаемъ нужнымъ здѣсь останавливаться. Но вопросъ объ общемъ значеніи принудительнаго обрусенія имѣетъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу о самостоятельной украинской культурѣ. Къ тому же этотъ вопросъ вмѣстѣ съ другими былъ поставленъ передъ М. П. Драгомановымъ въ то время, когда онъ приступалъ къ изложенію своихъ идей на украинскія національныя задачи въ выше охарактеризованныхъ своихъ работахъ, и подробно былъ имъ въ нихъ разсмотрѣнъ. Представители чистаго антрополого-этнографическаго украинскаго націонализма выступили тогда съ утвержденіемъ, что обрусеніе есть специфическая черта великорусской культуры и что она выражается въ лозунгѣ „самъ живи, но другимъ не давай жить“. М. П. Драгомановъ горячо протестовалъ противъ этихъ утвержденій и употребилъ всѣ усилія на то, чтобы доказать ихъ неправильность. По его словамъ, „насколько намъ извѣстна исторія и теперешнее состояніе Европы, мы можемъ сказать, что не было и нѣтъ такой націи и національнаго государства, гдѣ бы не было и своего „обрусенія“, или не осталось его слѣдовъ и до сихъ поръ. Значить, системы, подобныя обрусенію, являются при знакомѣ не извѣстной національности, а извѣстнаго общественнаго уклада, который соотвѣтствуетъ извѣстному періоду въ развитіи народовъ. Обозрѣвая исторію всѣхъ культурныхъ народовъ, мы должны притти къ заключенію, что система обязательной національности есть такое же всемірное явленіе въ общественной жизни, какъ и система обязательной религіи“¹⁾. Всю четвертую главу своей книги М. П. Драгомановъ и посвящаетъ чрезвычайно интересному и, можетъ быть, единственному въ своемъ родѣ историческому очерку борьбы идеи общечеловѣческой культуры съ идеей исключительной и принудительной національности. Мы здѣсь не можемъ, конечно, даже кратко излагать содержаніе этого очерка и интере-

¹⁾ М. Драгомановъ. Чудацькі думки, стр. 136. Разрядка вездѣ при надлежитъ автору.

сующихся этим вопросом отсылаемъ къ нему самому ¹⁾.

Что касается значенія обрусенія для Украины, то Драгомановъ доказываетъ, что обрусеніе въ концѣ-концовъ безсильно въ борьбѣ съ украинской національной культурой. Даже болѣе, по его словамъ, „истинно-научный, широкій взглядъ на исторію Украины долженъ былъ бы показать нашему обществу и чужимъ, какъ украинскія національно-областныя задачи фатально осуществлялись даже враждебными намъ правительствами и какъ прогрессъ цивилизаціи на Украинѣ даже въ чуждой ей формѣ приводитъ къ тому, чтобы подготовить почву для сознательнаго украинства. Этимъ путемъ лучше выяснилось бы и то, насколько быстро и полно Украина могла бы цивилизоваться сама и послужить всемірной цивилизаціи, при ея полномъ національномъ самосознаніи и автономіи, къ которымъ она не разъ рвалась и которыхъ она теперь можетъ достигъ только на пути къ всемірному прогрессу“ ²⁾. Въ доказательство своего утвержденія М. П. Драгомановъ указываетъ среди другихъ фактовъ особенно на основаніе трехъ университетовъ на территоріи Украины, хотя и запоздалое, такъ какъ основаніе университетовъ* было предположено еще въ Гадяцкомъ договорѣ, заключенномъ гетманомъ Быговскимъ въ 1658 г., но все-таки благотворное для украинской культуры и украинскаго національнаго развитія.

Однако, конечно, излишній оптимизмъ въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстенъ. Надо прямо сказать, что нѣтъ болѣе больного, болѣе мучительнаго вопроса для каждого украинца, чѣмъ вопросъ о принудительномъ обрусеніи. Наша дѣйствительность изобилуетъ такими уродливыми фактами насилія и гнета надъ „вольнымъ словомъ“ и духомъ нашего народа, а въ прошломъ у насъ такіе не скоро забываемые факты, какъ указъ 1876 г., который даже тогдашнее правительство не рѣшилось распубликовать во всеобщее свѣдѣніе, и запрещеніе украинскаго Евангелія, конфисковавшагося жандармами, какъ нелегальная книжка, вплоть до 1905 г., что было бы странно, если бы украинцы иначе относились къ этимъ благамъ современной общерусской культуры. Понятно, что и не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 117—238.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

давно раздавшійся выше охарактеризованный призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ украинствомъ заставилъ украинцевъ осматриваться, не готовится ли какое-нибудь новое насилие надъ ихъ духовнымъ развитіемъ. Въ чемъ должна заключаться эта „идейная борьба безъ поблажекъ“, пока не указано тѣмъ публицистомъ, который ее пропагандируетъ; но заранее можно предсказать, что она можетъ привести только къ новой, можетъ быть, болѣе изысканной и утонченной и потому, по мнѣнію ея автора, болѣе дѣйствительной формѣ насильственного обрусенія. Впрочемъ, уже въ данный моментъ эта проповѣдь широко использована, какъ неожиданная поддержка изъ чужого лагеря, обрусительную прессою всѣхъ оттѣнковъ въ защиту старыхъ формъ принудительнаго обрусенія. Въ интересахъ не только культуры Россіи, въ какихъ бы національных формахъ она ни выражалась, но и изъ личныхъ симпатій къ автору этой проповѣди и изъ уваженія къ его заслугамъ мы желали бы, чтобы это неудачное выступленіе его въ пользу „общерусской“ культуры не имѣло другихъ послѣдствій.

Отчего русское общество, хотя бы прогрессивное, въ своемъ полномъ составѣ не хочетъ предоставить намъ дѣйствительную свободу и просторъ работать надъ самымъ широкимъ развитіемъ нашей культуры? Вѣдь если какія-нибудь изъ нашихъ культурныхъ начинаній безпочвенны, то они погибнуть сами собой. Отчего вмѣсто проповѣди идейной борьбы съ нами, русское прогрессивное общество поголовно не считаетъ одной изъ своихъ основныхъ и насущнѣйшихъ задачъ борьбу противъ принудительнаго обрусенія, какъ одного изъ позорнѣйшихъ насилій надъ человѣческимъ духомъ? Казалось бы, русская культура поставлена въ такія благопріятныя условія, что ей нечего было бы опасаться конкуренціи съ украинской культурой при состязаніи въ положеніи равнаго съ равнымъ. Въ теченіе XIX столѣтія русская культура такъ упрочилась и расширилась, она завоевала столько новыхъ позицій, наконецъ, она всегда пользовалась и будетъ пользоваться такой громадной матеріальной поддержкой изъ государственнаго казначейства, что она, хотя по необходимости и должна будетъ такъ или иначе уступить нѣкоторыя изъ своихъ теперешнихъ позицій украинской культурѣ, тѣмъ не ме-

нѣ сможетъ же и при полномъ равенствѣ условій дѣлать по крайней мѣрѣ столь же быстрые успѣхи, какъ и украинская культура. Во всякомъ случаѣ, русская культура имѣетъ всѣ шансы сохранить за собой и приобрѣсти болѣе общее и міровое значеніе, чѣмъ будетъ имѣть какая-нибудь другая славянская культура. Неужели даже нѣкоторые представители прогрессивнаго русскаго общества такъ плохо вѣрятъ въ силу и мощь русской культуры? Неужели и они считаютъ необходимымъ поддерживать ея значеніе, ростъ и распространеніе насиліемъ?

Но намъ возражаютъ, что мы разъединители, насъ упрекаютъ въ томъ, что мы создаемъ „неслыханный расколъ“ въ русскомъ обществѣ и русскомъ культурномъ развитіи. Зачѣмъ же, однако, извращать факты? Развѣ существованіе трехъ русскихъ народностей не основной и первичный фактъ? Наша дѣятельность надъ возстановленіемъ, созданіемъ и развитіемъ украинской культуры, завѣщанная намъ всей исторіей Украйны и цѣлымъ рядомъ поколѣній украинскихъ культурныхъ дѣятелей, нашихъ предковъ, есть простое слѣдствіе этого основнаго и первичнаго факта. Правда, русская государственная власть уже давно признала этотъ основной фактъ упраздненнымъ. Но мало ли что въ официальныхъ бумагахъ объявляется упраздненнымъ и несуществующимъ! Съ какого времени представители русскаго прогрессивнаго общества вѣрятъ такимъ официальнымъ сообщеніямъ? Если вникнуть въ существо дѣла, то окажется, что не мы разъединители и не мы создаемъ расколъ, а разъединяютъ и раскалываютъ сторонники принудительнаго обрусенія Украйны, одинаково, какъ явные, такъ и тайные. Мы съ грустью констатируемъ, что принудительное обрусеніе ведетъ только къ усиленію въ украинскомъ движеніи галицко-украинскаго теченія, гораздо свободнѣе развивающагося въ конституціонной Австріи, и къ его преобладанію надъ приднѣпровско-украинскимъ теченіемъ, сдавленнымъ въ обрусительныхъ тискахъ. Вмѣстѣ съ галицко-украинскимъ теченіемъ въ украинскомъ движеніи усиливаются и нѣмецко-культурныя, и польско-культурныя вліянія, а одновременно, къ сожалѣнію, и ослабляется великорусское вліяніе. Такимъ образомъ, принудительное обрусеніе отдаляетъ насъ отъ наиболѣе родственнаго и симпатичнаго намъ великорусскаго народа, но въ этомъ виновато само русское общество.

V.

Обозрѣвая различныя отрасли украинской культуры и различныя виды украинской культурной дѣятельности, мы не касались второго по своему значенію и непосредственно слѣдующаго послѣ литературы органа и орудія всякой культуры—школы. Но всѣмъ хорошо извѣстно, что пока школа относится исключительно къ главѣ о принудительномъ обрусеніи Украйны, а не къ главѣ объ ея культурѣ. Это самый трагическій фактъ въ современной жизни украинскаго народа. Изъ событій послѣдняго времени можно указать на два обстоятельства, ярко иллюстрирующихъ положеніе этого вопроса въ настоящее время.

Прежде всего тотъ русскій прогрессивный публицистъ, о взглядахъ котораго на украинское культурное движеніе мы говорили выше, заявилъ, что онъ не берется прямо и опредѣленно рѣшить вопросъ о необходимости украинской народной школы, такъ какъ это вопросъ чисто педагогическій. Можетъ показаться, что этотъ отвѣтъ продиктованъ почтенной привычкой автора считаться при рѣшеніи всѣхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ съ научными данными и теоретическими аргументами. Но намъ онъ представляется просто не совсѣмъ искреннимъ, хотя, можетъ быть, и безсознательно. Вѣдь педагогическіе взгляды и системы бываютъ различныя. Русское общество, еще недавно пережившее прелести педагогическихъ системъ гр. Дм. Толстого и Побѣдоносцева и въ данный моментъ испытывающее блага педагогической системы Кассо, превосходно знаетъ это по собственному опыту. Поэтому представители русской общественной мысли никогда не отказывались прямо и опредѣленно рѣшать всѣ вопросы, касающіеся жизненныхъ интересовъ русской школы. Откуда же въ данномъ случаѣ явилась такая уклончивость и нерѣшительность? Не являются ли онѣ результатомъ пока еще не сознаннаго стремленія охранять захватные интересы? Въ такомъ случаѣ, внутренне это стремленіе оправдывается, конечно, тѣмъ, что положеніе народной школы на Украйнѣ разсматривается какъ естественное завоеваніе русской культуры, а не какъ насильственный захватъ принудительнаго обрусенія. Мы пока только ставимъ эти вопросы, но не рѣшаемся на нихъ отвѣчать. Будущее покажетъ, не выступать ли и среди русскаго прогрессив-

наго общества защитники той теоріи, которой придерживается теперь большинство поляковъ въ Галиціи въ борьбѣ съ тамошнимъ украинскимъ движеніемъ. Это теорія такъ-называемаго *stanu posiadania*; она заключается въ проповѣди того, чтобы ни въ какомъ случаѣ не отказываться отъ разъ когда бы то ни было приобрѣтеннаго, какъ бы ни было несправедливо самое приобрѣтеніе и какъ бы ни былъ неправомѣренъ титулъ обладанія. Есть уже признаки появленія защитниковъ этой теоріи и среди русскаго общества.

Затѣмъ другое несравненно болѣе важное и чреватое послѣдствіями обстоятельство, характеризующее положеніе народной школы на Украинѣ, произошло при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ закона о всеобщемъ обученіи. Во время этого обсужденія проф. Багалій предложилъ допустить въ народныхъ школахъ Малороссіи преподаваніе русскихъ предметовъ на малорусскомъ языкѣ въ теченіе перваго года преподаванія; онъ аргументировалъ это предложеніе тѣмъ, что въ отдаленныхъ деревушкахъ и хуторахъ Малороссіи, въ „медвѣжьихъ уголкахъ“ ся, дѣти не понимаютъ по-великорусски. У каждаго украинца, несомнѣнно, сердце сжималось, когда онъ читалъ газетное сообщеніе объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, будемъ называть вещи собственными именами: то, что и какъ просилъ въ данномъ случаѣ проф. Багалій, было просьбой милостыни. Конечно, мы далеко не культурные нищіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеизложенный краткій очеркъ современнаго состоянія нашей культуры. Но когда дѣло шло о духовно-голодныхъ дѣтяхъ нашего народа, надо было попробовать и попросить милостыню. Какъ отнесся Государственный Совѣтъ къ этой просьбѣ—извѣстно; большинство высказалось за поправку Пихно, чтобы съ перваго года преподаваніе въ школахъ Малороссіи производилось на рускомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на просьбу куска черстватаго хлѣба,—мы пока только о немъ и просили,—намъ протянули камень. Къ сожалѣнію, такія вещи, какъ и недавній еще отказъ намъ въ правѣ читать Евангеліе на родномъ языкѣ, долго не забываются.

Враги нашего культурнаго развитія, вѣроятно, торжествуютъ по поводу рѣшенія Государственнаго Совѣта. Теперь точка надъ і поставлена, нѣтъ больше двусмыслен-

ностей, намъ не будутъ уже дѣлать поблажекъ; слѣдовательно, неслышанный расколъ въ русскомъ обществѣ прекратится. Но истинно-культурныя движенія такъ легко не умираютъ. Если намъ не дали преподаванія на родномъ языкѣ, когда мы просили его какъ милостыни, мы получимъ его другимъ путемъ.

Этотъ путь самый естественный и правильный для нашего культурнаго движенія. Притомъ на этомъ пути никто и ничто не можетъ помѣшать намъ осуществить нашу культурную цѣль. На этотъ путь указалъ намъ еще М. П. Драгомановъ все въ тѣхъ же двухъ сочиненіяхъ, посвященныхъ разсмотрѣнію украинскихъ національных задачъ. Прежде всего мы должны отмѣтить то, какъ М. П. Драгомановъ смотритъ на основную черту нашего литературнаго развитія. Вотъ его слова: „Принявъ во вниманіе, что литература существуетъ для людей, а не люди для литературы, что въ украинской литературѣ больше всѣхъ нуждается тотъ простой народъ, который никакого другого языка, кромѣ украинскаго, не знаетъ, и, наконецъ, что этотъ языкъ нашего простого народа есть основа и живой высшей украинской литературы, мы все-таки скажемъ, что главная работа нашихъ писателей должна заключаться въ выработкѣ нашей литературы снизу вверхъ. Популярная литература должна здѣсь занять широкое мѣсто“¹⁾. Тѣсно къ этому воззрѣнію М. П. Драгоманова на украинскую литературу примыкаетъ и его взглядъ на борьбу за введеніе украинскаго языка въ школахъ Украины. Относительно нея онъ говоритъ: „Такъ какъ изъ всѣхъ признаковъ національности самое большое значеніе имѣетъ языкъ, то представимъ себѣ, какъ можетъ пойти борьба за украинскій языкъ въ Россіи при самой минимальной политической свободѣ—правахъ личности и земской автономіи, которыя завоюютъ себѣ все-таки народы Россіи. Когда была бы отмѣнена предварительная цензура, то сами собой отпали бы и теперешнія препятствія для украинскихъ книгъ, преимущественно популярныхъ. Уже и теперь украинцы показали, что они могутъ издавать настолько цѣнные популярныя книги, что ихъ переводили и великороссы. По

¹⁾ М. Драгомановъ. Листи на Наддніпрянську Україну, стр. 190. Разрядка принадлежитъ автору.

такимъ примѣрамъ, которые мы видѣли въ 1874—76 гг., когда украинскихъ книгъ, изданныхъ и распространенныхъ небольшимъ кружкомъ, расходилось по 27,000 экземпляровъ въ годъ, тогда какъ всероссійскій officialный комитетъ грамотности распространялъ только 42,000 экземпляровъ русскихъ популярныхъ книгъ на всю Россію, можно предполагать, что при минимальной свободѣ украинская популярная литература сдѣлала бы невозможной всякую конкуренцію съ нею на Украинѣ даже тогда, если бы въ школахъ осталось преподаваніе исключительно на русскомъ языкѣ. При одной свободѣ употреблять украинскій языкъ въ частныхъ школахъ даже при обязательности русской школы скоро обнаружилось бы, что въ украинскихъ школахъ дѣти скорѣе выучиваются читать и понимать книги даже русскія, чѣмъ при теперешнемъ порядкѣ. Это привлекло бы на сторону украинскихъ школъ народъ и земства, такъ что послѣднія начали бы вводить украинскій языкъ въ свои школы, а если бы законъ этому препятствовалъ, то добились бы отмены закона. Такъ въ какихъ-нибудь 5—10 лѣтъ одной силой педагогическихъ аргументовъ начальныя народныя школы сдѣлались бы у насъ національными, хотя изъ нихъ не былъ бы вытѣсненъ русскій языкъ, да, вѣроятно, и церковно - славянскій¹⁾.

Итакъ, сама жизнь заставить ввести украинскій языкъ въ школахъ на Украинѣ, какъ бы этому ни противодействовали явные и тайные враги нашей культуры. Всѣ указанія на то, что самъ нашъ народъ быстро усваиваетъ русскую культуру и не нуждается въ школѣ съ роднымъ языкомъ преподаванія, основаны на совершенно поверхностныхъ наблюденіяхъ. Указывающіе на это обыкновенно сами побывали въ какихъ-нибудь городахъ на территоріи Украины, побесѣдовали съ какимъ-нибудь дѣльнымъ городовымъ или дворникомъ изъ „сердца Украины“ и получили отъ него отвѣты на сносномъ русскомъ языкѣ. Но мы вовсе не претендуемъ на эти элементы; мы ихъ охотно уступаемъ русской культурѣ, и даже когда начнется массовая реассимиляція украинскихъ городовъ, они могутъ не возвращаться въ среду украинскаго народа.

¹⁾ М. Драгоманов. Чудацькі думки про українську національну справу, стр. 260.

Дѣло не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ народныхъ массахъ. Въ украинской деревнѣ помѣшать рецидиву безграмотности и возбудить дѣйствительный интересъ и любовь къ чтенію можетъ только книжка на украинскомъ языкѣ. Да и въ городахъ на территоріи Украйны по преимуществу украинская книжка вызываетъ въ низшихъ слояхъ населенія воодушевленіе и жажду пополнять свое образованіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ-концовъ украинская книжка побѣдитъ. Но, конечно, надо признать, что это все-таки трудный обходный путь и, слѣдовательно, процессъ культурнаго подъема нашихъ народныхъ массъ искусственно замедляется.

Нашъ обзоръ культурной дѣятельности украинскаго національнаго движенія показалъ, что оно по своей подлинной сути, вскрытой М. П. Драгомановымъ, преслѣдуетъ общечеловѣческіе идеалы. Его цѣли совпадаютъ только съ цѣлями прогресса и роста просвѣщенія. По своей основѣ оно безусловно демократично, такъ какъ его главная задача—культурный подъемъ украинскихъ народныхъ массъ. Русское прогрессивное общество въ виду этого характера украинскаго національнаго движенія поголовно должно поддерживать его и стремиться уничтожить систему принудительнаго обрусенія, какъ историческій грѣхъ русской государственности. Напротивъ, тѣ изъ русскихъ прогрессивныхъ людей, которые проповѣдуютъ идейную борьбу противъ украинскаго національнаго движенія, должны знать, что никакими ухищреніями они не могутъ снять съ себя нравственной отвѣтственности за то насилие надъ человѣческимъ духомъ, которое заключается въ принудительномъ обрусеніи.

А. Хатченко.

Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.

Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se résigner à être démodé.

Е. Ренанъ.

Чтобы восторжествовать въ будущемъ, нужно, въ извѣстныя минуты, имѣть терпѣніе побыть не въ модѣ.

Э. Ренанъ.

Въ Россіи мало знаютъ М. П. Драгоманова, хотя много говорятъ о немъ и часто упоминаютъ его имя. Меньше всего извѣстны его политическія и общественныя воззрѣнія.

Причины этого понятны. Драгомановъ покинулъ предѣлы Россіи въ 1875 г. и съ того времени до самой своей смерти въ 1895 году жилъ за границей на положеніи эмигранта. Въ русской прессѣ статьи его появлялись только подъ псевдонимами, не всегда извѣстными читателямъ и не всегда ими отгадываемыми. Подъ своимъ именемъ М. П. Драгомановъ могъ писать и писалъ только въ заграничной—иностранной, русской и украинской—прессѣ, а также въ отдѣльных изданіяхъ.

Не обладая такимъ блестящимъ талантомъ, какъ Герценъ, М. П. Драгомановъ все-же широко развилъ за границей свою литературную, въ особенности публицистическую дѣятельность и откликался на многіе важнѣйшіе вопросы общественной жизни въ Россіи. Но непосредственнаго вліянія на широкіе общественные круги М. П. Драгомановъ не имѣлъ. Его брошюры и статьи мало доходили въ Россію и мало распространялись среди русскаго общества. М. П. Драгомановъ стоялъ особнякомъ отъ крайняго крыла русскаго освободительнаго движенія 1870-хъ годовъ, относился къ нѣкоторымъ программнымъ вопросамъ его критически и даже отрицательно. Среди активныхъ дѣятелей этого движенія М. П. Драгомановъ поэтому не только не могъ находить поддержки, но часто встрѣчалъ даже враждебное отношеніе. Они не могли,

естественно, взяты за распространіе сочиненій М. П. Драгоманова. Тѣ же общественные круги, къ которымъ Драгомановъ былъ болѣе близокъ въ идейномъ отношеніи, или проявляли мало активности, чтобы организовать распространіе произведеній Драгоманова, или же интересовались главнымъ образомъ той стороною его дѣятельности, которая имѣла въ виду украинское національное движеніе.

Большая популярность идей М. П. Драгоманова въ Россіи начинается съ половины 1880-хъ годовъ. Украинскую молодежь уже не удовлетворяло прежнее культурное украинофильство. Она, особенно въ Кіевѣ, стала изучать Драгоманова и воспитываться на его идеяхъ, проникнутыхъ не только культурнымъ, но политическимъ и социальнымъ элементами. Участіе М. П. Драгоманова въ галицкой украинской радикально-соціалистической печати сдѣлало его однимъ изъ главнѣйшихъ вождей радикально-соціалистическаго направленія въ украинскомъ движеніи не только въ Галиціи, но и въ російской Украинѣ. Украинская молодежь интересовалась и распространяла главнымъ образомъ тѣ произведенія Драгоманова, которыя имѣли отношеніе къ украинскому національному вопросу.

Вотъ почему М. П. Драгомановъ извѣстенъ больше какъ писатель украинскій по преимуществу. За предѣлами украинскаго національнаго движенія значеніе его какъ-то ступшевывается. А между тѣмъ оно гораздо шире. Драгомановъ представляетъ собой крупное и оригинальное явленіе не только въ украинской, но и въ русской общественности.

Въ настоящее время трудно опредѣлить значеніе Драгоманова. Слишкомъ близко то время, когда онъ жилъ, чтобы можно было взглянуть на дѣятельность Драгоманова въ надлежащей исторической перспективѣ.

Драгомановъ не принадлежалъ ни къ какой политической партіи. Самъ онъ также не создалъ партіи. Это, однако, не мѣшаетъ признать за нимъ крупную и оригинальную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія и политическаго развитія. Политическое и общественное міросозерцаніе Драгоманова складывалось постепенно и вполне самостоятельно. Широкая европейская образованность, съ одной стороны, крупный критическій и творческій умъ вмѣстѣ со смѣлостью мыслителя—съ дру-

гой помогли этому. Они же поставили Драгоманова на долгое время какъ-то особнякомъ. Для многихъ Драгомановъ казался загадкой. Трудно представить другого общественнаго дѣятеля, относительно котораго существовали бы такія разнородныя сужденія. Одни считали Драгоманова „нигилистомъ“ и „террористомъ“, и ему приходилось разувѣрять ихъ, другіе—„конституціоналистомъ“ и врагомъ социалистовъ и революціонеровъ. Проф. В. И. Ламанскій обвинялъ Драгоманова въ австрофильскихъ стремленіямъ, а галиційскіе украинцы, не понимавшіе высокаго мнѣнія Драгоманова о русской литературѣ и необходимости ея изученія для украинцевъ, называли его „обрушителемъ“ и даже агентомъ, посланнымъ за границу русскимъ правительствомъ, чтобы скомпрометтировать украинское дѣло социализмомъ. „Земскій союзъ“ избралъ Драгоманова редакторомъ своего органа, а кіевскіе украинофилы, близкіе къ „Земскому союзу“, находили дѣятельность Драгоманова вредной (шкодливою) и т. д. Мы не говоримъ уже о тѣхъ небылицахъ, которыя распространяла и до сихъ поръ иногда распространяетъ о Драгомановѣ русская консервативная пресса.

Все это показываетъ, насколько мало понимали міросозерцаніе Драгоманова его современники. Но это еще не значитъ, что взгляды Драгоманова проходили и прошли безслѣдно. Украинское молодое поколѣніе конца 1880-хъ и въ началѣ 1890-хъ годовъ уже воспитывалось на Драгомановѣ. Многіе взгляды Драгоманова, вызывавшіе когда-то рѣзкую оппозицію, сдѣлались въ послѣдствіи руководящими у значительныхъ клубовъ общественныхъ дѣятелей. Современемъ историкъ общественной мысли опредѣлить, конечно, сказалося ли въ этомъ случаѣ вліяніе Драгоманова, хотя бы отчасти, или же Драгомановъ только раньше другихъ высказывалъ и предвидѣлъ то, къ чему, независимо отъ него, пришли въ послѣдствіи и другіе¹⁾. И въ этомъ случаѣ, думаемъ, взгляды Драгоманова не лишены своего значенія и интереса.

Нельзя, само собой разумѣется, смотрѣть на Драгоманова какъ на пророка, изрекавшаго непогрѣшимыя исти-

¹⁾ Эта мысль высказана въ привѣтствіи Драгоманову по случаю 30-лѣтія его научной дѣятельности, подписанномъ Сергѣемъ Степнякомъ, Егоромъ Лазаревымъ и Феликсомъ Волховскимъ (М. Павлик. М. П. Драгомановъ. 1845—1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів. Львів. 1896. Стр. 86—87).

ны. Драгомановъ и его взгляды—явленіе, принадлежащее уже исторіи. Они родились и развивались въ эпоху, которая уже прожила, и носятъ на себѣ слѣды и вліяніе этой эпохи. Взгляды Драгоманова могутъ быть поэтому правильно изучены и поняты только въ связи съ тѣмъ временемъ и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать. Наше время значительно ушло впередъ, многіе вопросы углубились; взгляды Драгоманова подлежатъ критикѣ, пересмотру. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ близкимъ къ М. П. Драгоманову человѣкомъ и его ученикомъ д-ромъ И. Франкомъ. „Намъ,—пишетъ д-ръ И. Франко,—непосредственнымъ потомкамъ и наслѣдникамъ духовнаго наслѣдства М. П. Драгоманова, не менѣе важно видѣть недостатки и пробѣлы въ идеалахъ Драгоманова, какъ и ихъ положительныя стороны. Тѣ „драгомановцы“, которые изъ имени Драгоманова и его произведеній дѣлаютъ какой-то фетишъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ можно только хвалить, но никакъ не критиковать, дѣлаютъ этимъ плохую услугу не только украинскому національному развитію, но также и репутаціи „драгомановской школы“¹⁾. И. Франко писалъ это въ 1905 году. Съ того времени замѣчается къ Драгоманову отношеніе болѣе критическое и научно-объективное. Этому немало способствовало то обстоятельство, что сочиненія М. П. Драгоманова, особенно политическія, сдѣлались болѣе доступными для публики.

„Политическія сочиненія М. П. Драгоманова“ были впервые собраны и изданы за границей, редакціей „Освобожденія“ въ 2-хъ томахъ, „по инициативѣ и на средства украинцевъ-демократовъ“²⁾. Редакторъ „Освобожденія“ П. Б. Струве такъ опредѣлялъ значеніе политической дѣятельности М. П. Драгоманова: „Драгомановъ,—писалъ П. Б. Струве отъ имени редакціи „Освобожденія“ въ предисловіи къ 1-му тому „Политическихъ сочиненій“,—первый изъ русскихъ публицистовъ далъ русской демократіи широкую и ясную политическую программу. Онъ первый рѣзко и отчетливо выяснилъ русскому обществу смыслъ и значе-

¹⁾ Ив. Франко. Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова, „Літ.-Наук. Вістн.“ Львів. 1906 г. Кн. VIII, стр. 226—241.

²⁾ Собрание политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. 2 тома. Paris. 1905—1906. Ко второму тому приложена обширная біографія М. П. Драгоманова (VIII—LIX стр.), принадлежащая перу г. Б. К.

ніе конституціоннаго порядка и, въ особенности, правъ личности, начало самоуправленія. Но онъ былъ только формальнымъ конституціоналистомъ и чисто политическимъ демократомъ. Человѣкъ большихъ знаній и глубокой политической мыслитель, онъ понималъ, что отъ такого теченія мысли и жизни, какъ социализмъ, нельзя и даже смѣшно отдѣлываться отрицаніемъ. Будучи и въ политикѣ настоящимъ ученымъ, онъ ясно улавливалъ всю огромную важность и сложность социальной борьбы нашего времени, и вопросъ о социализмѣ онъ ставилъ какъ проблему политическаго и социально-экономическаго творчества, осуществленнаго въ реальной политикѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ представителемъ не псевдо-научнаго, доктринальнаго, а истинно-научнаго, или позитивнаго социализма“.

Въ 1908 г. въ Москвѣ было предпринято изданіе „Политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“ подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. Изданіе предполагалось въ четырехъ томахъ и должно было вмѣщать въ себѣ и сочиненія, изданныя редакціей „Освобожденія“. Но вышелъ только одинъ первый томъ съ портретомъ М. П. Драгоманова, съ обстоятельной біографіей и характеристикой его какъ литературнаго и общественнаго дѣятеля, написанной живо и интересно Б. А. Кистяковскимъ. Въ первомъ томѣ собраны статьи, касающіяся взаимныхъ отношеній центра и окраинъ въ Россіи и затѣмъ Галиціи. Статьи эти не потеряли своего значенія и для нашего времени. Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніяхъ между центромъ и окраинами засталъ русское общество совершенно врасплохъ послѣ 17-го октября 1905 г. Русское правительство и общество на окраинѣ видѣло только Польшу. Думали, что, рѣшивъ вопросъ о Польшѣ, регулируютъ вообще окраинный вопросъ. Интересы Литвы, Бѣлоруссіи, Украины не принимались во вниманіе и были русскому обществу неизвѣстны. На важность ихъ между тѣмъ давно указывалъ Драгомановъ. „Съ какой стороны ни возьмемъ,—писалъ онъ еще въ 1872 г.,—вопросъ о децентрализациі и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный вопросъ для Россіи“ (т. I, 205). Жизнь въ концѣ-концовъ властно поставила свои требованія, и вопросъ о правахъ разныхъ національностей въ Россіи шире уже начинаетъ ставиться прогрессивной частью рус-

скаго общества, а не сводится только къ правамъ Польши и Финляндіи, какъ раньше.

Что касается отношеній въ Галиціи, то, какъ замѣчаетъ Б. А. Кистяковскій, „Драгомановъ неопровержимо доказываетъ, что культурное единство галицкихъ русиновъ съ русской націей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ возсоздаться только путемъ украинства, т.-е. посредствомъ украинской литературы и украинскихъ культурныхъ формъ. Напротивъ, насажденіе великорусскаго языка и великорусскихъ литературныхъ и культурныхъ формъ, которыя за отсутствіемъ надлежащей почвы не могутъ развиваться и осуждены на прозябаніе, создаетъ только деморализацію и обостряетъ національные антагонизмы“¹⁾.

Изданіе „Политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“ подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского остановилось, къ сожалѣнію, пока на первомъ томѣ, и, кажется, въ настоящее время мало надежды на то, чтобы оно было продолжено. Между тѣмъ оно, несомнѣнно, необходимо въ интересахъ болѣе широкаго политическаго воспитанія обновляющейся Россіи.

Политическіе и общественные свои взгляды М. П. Драгомановъ высказывалъ и обосновывалъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигала тѣ или другіе вопросы. При такихъ условіяхъ пробѣлы неизбежны. Тѣмъ не менѣе рѣдко у кого изъ современныхъ общественныхъ дѣятелей по ихъ литературнымъ трудамъ можно съ такой полнотой, стройностью и послѣдовательностью возстановить ихъ политическое и общественное міросозерцаніе, какъ у М. П. Драгоманова. На много общественныхъ вопросовъ онъ откликался, ставилъ и разбиралъ ихъ широко и всесторонне. Благодаря этому многія статьи Драгоманова не потеряли своей свѣжести, интереса и значенія и въ наше время, когда прошло уже много лѣтъ послѣ ихъ появленія и, казалось бы, рѣзко измѣнились условія жизни.

Критическое изученіе политическихъ взглядовъ М. П. Драгоманова потребовало бы много мѣста и времени. Врядъ ли оно и можетъ быть произведено объективно и безпристрастно. Вопросы, которыхъ касался М. П. Дра-

¹⁾ М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія. Москва, 1908 г., т. I, стр. LXXX.

гомановъ, не рѣшены и въ наше время и составляютъ въ жизни предметъ жаркой политической борьбы разныхъ партій. Мы ограничимся поэтому только изложеніемъ наиболѣе существенныхъ политическихъ взглядовъ М. П. Драгоманова, не входя въ ихъ оцѣнку. Самъ Драгомановъ не считалъ своего слова послѣднимъ. Онъ былъ эволюціонистомъ по убѣжденію. Единственно правильнымъ считалъ онъ только тотъ взглядъ, который руководитъ всею наукою. На свѣтѣ нѣтъ ничего постоянного, стоячаго (статичнаго); вездѣ видна перемѣна (эволюція), движеніе (динамика). „Вся практическая мудрость людская, — говоритъ Драгомановъ въ своихъ „Чудацкихъ думкахъ“, — можетъ быть только въ томъ, чтобы замѣтить направленіе мірового движенія, его размѣры, законы, и пользоваться тѣмъ движеніемъ. Иначе движеніе то пойдетъ противъ насъ, раздавить насъ“.

Въ основѣ міросозерцанія М. П. Драгоманова лежалъ социализмъ какъ идеаль. Драгомановъ считалъ, однако, возможнымъ достиженіе его только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ¹⁾. „Сколько бы ни говорили, что социальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, — замѣчаетъ онъ, — но вопросъ не самаго непосредственнаго голода, а организации постепеннаго спасенія людей отъ этого голода есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго“. Драгомановъ поэтому отрицалъ совершенно возможность разрѣшать социальный вопросъ путемъ возстаній.

Исходные пункты своего политическаго міросозерцанія Драгомановъ изложилъ въ „Переднемъ словѣ“ до „Громады“. Его конечнымъ, очень отдаленнымъ, правда, идеаломъ было, какъ онъ выражается, „безначальство“: своя воля каждому, свободное общество и товарищество людей и товариществъ. „Въ товариществѣ, въ равенствѣ и въ совмѣстномъ (спільному) господствѣ надъ всѣмъ, что необходимо людямъ, — говоритъ онъ, — заключается корень воли и для людей, которые имѣютъ свои государства, и для тѣхъ, которые его не имѣютъ“. Большая группа (купа) людей „не можетъ, однако, быть однимъ товариществомъ; въ противномъ случаѣ она перестала бы быть и

¹⁾ Автобіографія Драгоманова въ „Быломъ“, 1906 г., июнь, стр. 206.

вольнымъ товариществомъ. Она должна сдѣлаться товариществомъ товариществъ, союзомъ (спілкою) общинъ (громадъ), свободныхъ во всѣхъ дѣлахъ; въ противномъ случаѣ какія-нибудь общины (громады) будутъ принуждены дѣлать не то, что они хотятъ и не тамъ, гдѣ они хотятъ“. „Не будетъ равной свободы и тогда, когда кто-нибудь будетъ во всемъ дѣлать за другого, какъ это бываетъ въ выборныхъ государствахъ (въ выборныхъ державахъ). Выборный тогда только не сдѣлается начальствомъ, когда онъ просто сдѣлаетъ то дѣло, за которымъ выслалъ его другой, напередъ знавшій, что то за дѣло, и указавшій, какъ его нужно сдѣлать. Изъ этого ясно,—продолжаетъ Драгомановъ,—что на самомъ дѣлѣ свободными могутъ быть только маленькія государства или, лучше сказать, общины (громады), товарищества. На самомъ дѣлѣ, вольнымъ союзомъ можетъ быть только союзъ товариществъ, которыя непосредственно или черезъ выборныхъ людей въ каждомъ особомъ случаѣ, для каждаго дѣла, обращаются за помощью; обѣщая ее съ своей стороны, къ другимъ товариществамъ, съ которыми имъ ближе всего, легче всего и выгоднѣе быть въ союзѣ для необходимыхъ имъ дѣлъ“. „Община (громада) тоже только тогда будетъ дорога каждому, когда та не будетъ никого принуждать къ тому, чтобы быть въ ней или не быть. Община (громада) должна быть союзомъ свободныхъ личностей. Дойти до того, чтобы союзы людей, большіе и малые, составлялись изъ такихъ вольныхъ людей, которые добровольно сходились бы для совмѣстной работы и помощи въ свободныя товарищества,—это, по мнѣнію М. П. Драгоманова, и есть та цѣль, къ которой стремятся люди и которая совсѣмъ не похожа на теперешнія государства, свои или чужія, выборныя или не выборныя“¹⁾. Драгомановъ называетъ эту цѣль, какъ мы видѣли, безначальствомъ; въ переводѣ на употребительный языкъ это будетъ анархизмъ. Но цѣль эта возможна только какъ идеалъ, осуществленіе котораго лежитъ въ очень отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время существуетъ государство, и Драгомановъ имѣлъ его въ виду, когда развивалъ свои политическіе и общественные взгляды.

Для государства и его правильного прогрессивнаго раз-

1) „Передне слово“ до „Громади“, Женева, 1878, стр. 39—41.

вита́я нужна политическая свобода. „Политическая свобода,— говорил Драгомановъ,—это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, потомъ правъ группъ, самоуправленіе общинъ и областей“¹⁾. „Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учреждений, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ и народовъ“²⁾.

Россія, какъ государство, состоитъ изъ многихъ народовъ. „На пути своего расширенія русское государство приняло въ себя различныя области и племена, изъ коихъ инныя были гуще населены и больше образованы, чѣмъ коренныя; многія добровольно присоединились къ русскому государству, ища въ немъ защиты отъ чужеземцевъ“³⁾. Вопросъ о децентрализаци и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный для Россіи. Какъ же обезпечить свободу этимъ національностямъ?

Путь къ этому, по мнѣнію Драгоманова, лежитъ не въ сепаратизмѣ, а въ федерализмѣ. Драгомановъ всегда рѣшительно высказывался противъ сепаратизма и сепаратистическихъ стремленій, понимая подъ ними „стремленіе къ государственной обособленности, которое можетъ проявиться и безъ всякой этнографическо-національной окраски, какъ это было, напр., во время возстанія южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго союза, когда именно и вошло въ моду слово сепаратизмъ и когда дѣло шло о томъ, чтобы собственно въ одной національности сдѣлать два государства“⁴⁾. Съ принципиальной стороны противъ сепаратизма Драгомановъ ничего не имѣлъ. „Въ принципѣ,—говоритъ онъ,—не только всякая нація или племя имѣетъ право на особое государство, но даже всякое село. Есть же и до сихъ поръ посреди Италіи республика С.-Марино, и, вѣроятно, населеніе ея имѣетъ свои основанія, чтобы

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 218.

²⁾ Тамъ же, стр. 259.

³⁾ М. П. Драгомановъ. Политич. сочиненія. Москва. 1908 г., т. I, стр. 204 и слѣд.

⁴⁾ „Листи на Наддніпряську Україну“ Михайла Драгоманова. Коломия, 1899 г., стр. 75.

оставаться отдѣльнымъ государствомъ. Захотѣли двѣ части Апенцеля подѣлиться на особые полукантоны и живутъ такъ, и т. д., и т. д.,—то почему бы не то, что Украинѣ, а даже Миргороду и Сорочинцамъ не быть особыми государствами, если бы они этого захотѣли и имѣли силу поставить на своемъ?¹⁾ Драгомановъ отрицалъ сепаратизмъ съ практической точки зрѣнія или какъ нецѣлесообразный и невыгодный, какъ въ Польшѣ, или какъ не имѣющій подъ собой никакого реального основанія, какъ на Украинѣ. „Польскій край въ Россіи,—говоритъ Драгомановъ,—можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства“²⁾. То же самое онъ говоритъ и про украинцевъ. По его мнѣнію, „сколько-нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ украинскаго населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связаны съ свободою и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная,—но, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе ненужная для какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа“³⁾.

Для украинскихъ дѣятелей Драгомановъ находилъ поэтому „благоразумнѣе по политическому вопросу усвоить программу не сепаратистическую, а федералистическую, въ каждомъ государствѣ,—въ Россіи, въ Галиціи, въ Буковинѣ, въ Венгріи,—сообразную съ мѣстными условіями и въ союзѣ съ мѣстными демократическо-федеральными элементами“.

Не видя почвы для государственнаго украинскаго сепаратизма, Драгомановъ былъ и всегда оставался приверженцемъ политической автономіи украинцевъ, въ формѣ автономіи земской (selfgovernment): общинъ (громадъ), уѣздовъ, областей⁴⁾.

Политическую свободу въ Россіи всѣ національности, по мнѣнію Драгоманова, могутъ получить, только объединив-

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—76.

²⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 255.

³⁾ Тамъ же, стр. 301.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 77.

шись съ лучшими русскими людьми на ясно сознанной программѣ, которая должна быть федеральною, съ признаемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей¹⁾. На упреки по этому поводу въ объединительствѣ Драгомановъ отвѣчалъ въ „Чудацкихъ думкахъ“ : „Я, въ самомъ дѣлѣ, всегда хотѣлъ видѣть объединеніе просвѣщенныхъ, хорошихъ и честныхъ людей на нашей родинѣ и по сосѣднимъ странамъ и народамъ возлѣ работы для свободы, просвѣщенія, улучшенія жизни всѣхъ тамошнихъ людей; всегда я боролся противъ всякаго разъединенія, которое вноситъ среди людей неволя, непросвѣщенность и слѣпое самолюбіе, даже и тогда, когда всѣ эти темныя силы прикрываются одеждою народолюбства“.

Драгомановъ составилъ и проектъ федеральнаго устройства Россіи. Хотя проектъ этотъ касается „основъ политическаго переустройства Россіи и необходимѣйшихъ для нея социальна-экономическихъ реформъ“, но ему приданъ характеръ программы, приспособленной къ краю, наиболѣе извѣстному Драгоманову и „населенному преимущественно украинскимъ или малорусскимъ племенемъ, отъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго до предгорій Кавказа“²⁾. Проектъ федеральнаго устройства изложенъ въ видѣ устава украинскаго политическаго общества и носить названіе Вольнаго Союза (Вільна Спілка). Основныя идеи такого общества Драгомановъ видѣлъ еще въ „обществѣ соединенныхъ славянъ 1824—1825 г.“ и затѣмъ въ Кирилло-Меовдіевскомъ братствѣ 1840-хъ годовъ.

Достиженіе политической свободы, „безъ которой невозможно успѣшное движеніе Россіи ни внѣшнее, ни внутреннее“, должно составлять главную задачу „союза“. Введеніе конституціоннаго образа правленія еще не означаетъ, что политическая свобода лица, какъ „прежде всего свобода лица, его вѣры, равно какъ и невѣрія, его группированія съ другими“, осуществлена. „Самодержавный парламентъ, извѣстнымъ образомъ составленный, — замѣчаетъ Драгомановъ, — можетъ всего этого и не дать и даже по большей части не даетъ, особенно въ централизованныхъ государствахъ“. Поэтому для всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, въ высшей степени важно не только провоз-

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 255.

²⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 276—277.

глашеніе личной неприкосновенности, но и широкая организация мѣстнаго самоуправленія. Только при этихъ двухъ условіяхъ, по мнѣнію Драгоманова, и возможна какая-нибудь дѣйствительная политическая свобода. Интеллигентные конституціоналисты заняты мыслью больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія и оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу. Между тѣмъ только съ широкимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія можетъ быть заполнена та пропасть, которая отдѣляетъ конституціонныя стремленія интеллигенціи отъ народа и устранена опасность, чтобы парламентъ (земскій соборъ) „не сдѣлался новымъ орудіемъ централизаціи и источникомъ новой бюрократіи и насилія надъ личностями и мѣстностями“. Развитіе мѣстнаго самоуправленія,—говоритъ Драгомановъ,—„необходимо въ Россіи тѣмъ болѣе, что при разбросанности ея населенія и слабости его образованія въ этой странѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, угрожаетъ опасность подтасовокъ центрального правительства, а также всякаго рода направленныхъ на него *coup d'état*, отъ чего это представительство можетъ быть охранено только тогда, когда оно будетъ связано съ народными массами не формально, моментальными, болѣе или менѣе механическими выборами, а реально, постояннымъ дѣйствіемъ посредствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и когда это послѣднее живо заинтересуетъ населеніе въ дѣлѣ коллективнаго правленія“¹⁾.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго, и мѣстнаго самоуправленія служить,—думаетъ Драгомановъ,—лучшей гарантіей и правъ національныхъ, которыя, въ сущности, не что иное, какъ права личныя²⁾.

Наиболѣе цѣлесообразнымъ государственнымъ устройствомъ для Россіи Драгомановъ считаетъ федерацію областей въ видѣ російскаго государственнаго союза³⁾ на подобіе Швейцаріи съ Государственной Думой и Союзной Думой, соотвѣтствующими швейцарскимъ *Nationalrath'y* и *Ständerath'y*. Государственное устройство Швейцаріи, въ которой долго жилъ Драгомановъ, оказало большое вліяніе на выработку его политическихъ взглядовъ и на составленный имъ проектъ „Вільной Спілки“, гораздо большее,

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 339.

2) Тамъ же, т. I, стр. 262.

3) Тамъ же, т. I, стр. 285.

чѣмъ, напримѣръ, государственное устройство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Это видно изъ того, что Драгомановъ въ своихъ разъясненіяхъ къ проекту „Вільной Спілки“ подробнѣе и основательнѣе говоритъ о Швейцаріи, чѣмъ о Сѣверной Америкѣ¹⁾. Несомнѣнно также, что подъ вліяніемъ швейцарскаго государственнаго устройства Драгомановъ въ основу дѣленія на области положилъ не національный, а территориальный принципъ, гдѣ многія области, подобно швейцарскимъ кантонамъ, имѣютъ смѣшанный національный составъ²⁾. Въ этомъ отношеніи Драгомановъ рѣзко расходится съ современными украинскими политиками,—напр., съ проф. М. С. Грушевскимъ, который выставляетъ національно-территориальный принципъ для областного дѣленія государства и отстаиваетъ широкую децентрализацию государства и организацию самоуправления въ национальныхъ территоріяхъ, опредѣляемыхъ ихъ національными границами“. Только такимъ путемъ, по мнѣнію проф. М. С. Грушевскаго, можно „создать такія условія, въ которыхъ народности государства получили бы возможность своего національнаго развитія и не были бы въ немъ стѣсняемы“³⁾.

Драгомановъ принципиально также не былъ противникомъ національно-территориальнаго принципа и находилъ вполне естественнымъ дѣленіе областей по національностямъ въ государствахъ разнонациональныхъ. Относительно Польши, напр., онъ не соглашался съ польскими націоналистами, отрицалъ объединеніе Польши исторической, а признавалъ только этнографическую. „Края, лежащіе за границами этнографической Польши,—говорилъ онъ,—должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ и колоній“. Драгомановъ стоялъ поэтому за выдѣленіе Холмщины изъ Царства Польскаго, „такъ какъ Холмско-сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами и даже до раздѣловъ польскаго государства входилъ въ составъ Литвы“⁴⁾. Но „априорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ, на области съ созданіемъ въ каждой изъ нихъ своего

¹⁾ Ср. т. I, стр. 321, 324, 326—328.

²⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 316—317.

³⁾ Проф. Мих. Грушевскій, Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ, Спб., 1907 г., стр. 74—75.

⁴⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 253.

рода представительства“ Драгомановъ считаль „слишкомъ доктринерскимъ“. Онъ опасался, что такое раздѣленіе могло бы создать въ каждой области своего рода національные централизмы, какъ въ Австріи, очень опасные для другихъ національностей, живущихъ въ данной области¹⁾.

Такъ какъ собственно національные права ограждаются, по мысли Драгоманова, признаніемъ правъ человѣка и гражданина, которыхъ они составляютъ часть, то поэтому „всякій національный языкъ,—главный и имѣющій наиболѣе практическаго значенія признакъ національности,—т.е. языкъ сколько-нибудь значительной группы населенія, должны пользоваться неотъемлемымъ правомъ употребленія въ школѣ, судѣ и другихъ публичныхъ учрежденіяхъ“. Неприкосновенность національныхъ языковъ въ обученіи, особенно начальномъ, достаточно можетъ быть ограждена общиннымъ и уѣзднымъ самоуправленіемъ²⁾.

Отстаивая права каждой національности въ самомъ широкомъ ихъ видѣ, Драгомановъ рѣшительно протестовалъ противъ націонализма, или „національства“, какъ онъ называлъ его по-украински. Свои мысли въ этомъ отношеніи Драгомановъ развилъ въ рядѣ писемъ въ „Народѣ“ за 1891 г., изданныхъ затѣмъ отдѣльно подъ названіемъ „Чудацькі думки“. Название объясняется тѣмъ, что Драгомановъ многихъ изъ читателей приводилъ своими разсужденіями въ недоумѣніе, и они считали его за чудака, а его мысли чудацкими.

„Національность,—говорить въ своихъ „Чудацкихъ думкахъ“ Драгомановъ,—это одно, а единеніе національности въ государствѣ—другое. Последнее не всегда можетъ вести къ большей свободѣ: мысль о національности можетъ быть причиною и насилія надъ людьми и причиною большой неправды. Она не можетъ поэтому служить основаніемъ для устройства государственныхъ (державныхъ) дѣлъ. Для этого необходимо поискать всемірной правды, которая была бы обща всѣмъ національностямъ. Между тѣмъ существуетъ мнѣніе, что національность это — самая главная вещь для человѣка, а всемірная человѣчность (людскість) это что-то скверное. Въ зависимости отъ этого существуетъ два взгляда на національность. Одинъ признаетъ за каждой національностью право управляться у себя дома, по своему

¹⁾ Тамъ же, стр. 263.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 316.

желанію, и пользоваться во всем своим національным языкомъ. Другой представляет собой какое-то принудительное „національство“, котораго обязанъ держаться каждый человекъ, независимо отъ того, хочетъ ли онъ или не хочетъ, и принудительная ненависть къ другимъ національностямъ“. „Говорю,—продолжаетъ Драгомановъ,—какое-то національство, такъ какъ никто не можетъ точно сказать, что это такое, напр., за нѣмецкій разумъ, нѣмецкое сердце. Никто не можетъ точно указать, въ тѣхъ обычаяхъ, какіе вѣками вошли въ жизнь нѣмцевъ, какіе обычаи дѣйствительно принадлежать нѣмцамъ, а какіе чужимъ народамъ“. Такимъ образомъ, видно, на какую шаткую почву мы становимся, когда оставляемъ мысль о всемірной человечности и становимся на почву принудительнаго „національства“. Только мысль о всемірной человечности (все-світної людськості) можетъ дать самое прочное основаніе для стремленія къ національной вольности.

Націонализмъ, „національство“ можетъ быть свойственно не только господствующей, а всякой народности. Между украинцами Драгомановъ также находилъ много „національства“ и притомъ національства довольно не мирнаго свойства. „Послушайте,—говоритъ онъ,—съ какою ненавистью говорятъ иногда наши люди про москалей, поляковъ, евреевъ, и подумайте, что случилось бы съ тѣми сосѣдями нашими на Украинѣ, если бы удалось нашимъ національникамъ взять управленіе на Украинѣ въ свои руки. Какое бы они имъ „обукраиненіе“ прописали! А пока-что такое людоненавистническое національство вредитъ тѣмъ, что будитъ къ намъ враждебныя чувства и у нашихъ сосѣдей, тогда какъ теперь, какъ на войнѣ, нужно уменьшать ненависть среди людей, хотя бы такъ, какъ дѣлаетъ это всемірное общество „Краснаго Креста“ въ своей области“.

Мы, конечно, не можемъ здѣсь вдаваться въ болѣе или менѣе подробное изложеніе взглядовъ Драгоманова на различные вопросы, которые выдвигала жизнь и на которые она откликалась. Онъ, напр., подробно останавливался на польскомъ вопросѣ и написалъ даже обширный политическій трактатъ объ „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“¹⁾. Драгомановъ всесторонне разсматривалъ

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I.

вопросъ украинскій ¹⁾, касался вопроса еврейскаго, разрѣшеніе котораго связывалъ съ равноправіемъ евреевъ, обращалъ при этомъ большое вниманіе и на экономическую сторону еврейскаго вопроса ²⁾; много интересныхъ мыслей высказано имъ по вопросамъ: университетскому ³⁾, славянскому, а также о политическихъ и культурныхъ задачахъ Россіи среди славянства и на Ближнемъ Востока ⁴⁾.

Литературные споры Драгоманова съ различными, въ особенности, съ революціонными теченіями въ русской общественной жизни представляетъ собой любопытное явленіе въ исторіи русской политической мысли и даютъ цѣнный матеріалъ для уясненія историческаго хода. Драгомановъ рѣшительно и безусловно отрицательно высказывался противъ появленія множества партійныхъ программъ, которыя, по его мнѣнію, только дробятъ и обезсиливаютъ образованныхъ сторонниковъ прогресса и мѣшаютъ, безъ нужды объединенію ихъ силъ для общаго дѣла.

Для общественныхъ и политическихъ дѣятелей, онъ всегда требовалъ серьезнаго политическаго образованія. Поэтому онъ рѣшительно высказывался противъ преждевременнаго вовлеченія молодежи въ политическую борьбу и считалъ, что „прямой интересъ противниковъ настоящаго политическаго, соціальнаго и культурнаго строя въ Россіи“ заключается въ томъ, чтобы удерживать молодежь отъ преждевременной активной политической дѣятельности и поддерживать въ этой молодежи мысль „о необходимости политическаго образованія (при профессиональномъ, конечно), для политической дѣятельности“ ⁵⁾.

Въ политической дѣятельности Драгомановъ особенно большое значеніе придавалъ этическому элементу. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“,—таковъ былъ его девизъ. По поводу мнѣнія, высказаннаго В. А. Зайцевымъ, что „всякій не только революціонеръ, но просто честный чело-
вѣкъ, заподозрѣвъ лицо въ шпіонствѣ, не только имѣетъ

¹⁾ Въ разныхъ статьяхъ въ парижскомъ изданіи и въ I томѣ московскаго изданія (М., 1908), а также въ „Чудацкихъ думкахъ“, въ „Листахъ на Наддніпрянську Україну“ и въ своей перепискѣ „М. Драгомановъ. Листи до Ів. Франка і іншихъ“. Львів. 1906 и слѣд.

²⁾ Парижское изданіе, т. II, стр. 320, 525, 541. Московское изданіе, т. I, стр. 217—267.

³⁾ Парижское изданіе, т. II, стр. 447, 453—465, 658.

⁴⁾ Въ различныхъ статьяхъ 2-го тома парижскаго изданія.

⁵⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 356 и слѣд.; т. II, стр. 446 и слѣд.

право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго“, Драгомановъ выступилъ съ рѣзкимъ и категорическимъ протестомъ. „Нравственно развитое общество,—писалъ онъ,—должно не только требовать нелегкомысленности обвиненій, но также не одобрять и примѣшиванія къ слѣдствію надѣ предполагаемымъ шпіономъ личныхъ и, въ частности, своекорыстныхъ цѣлей, а также употребленія, для уличенія заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ, шпіонскихъ же средствъ“.

Нарушеніе этихъ принциповъ, по мнѣнію Драгоманова, „угрожаетъ образовать даже около самой кристаллической „соли земли“ такую грязь, въ которой не различишь, гдѣ оканчивается прокуроръ свободы, а гдѣ начинается шулеръ и гдѣ оканчивается шпіонство революціонное, а гдѣ начинается правительственное“¹⁾.

Драгомановъ былъ безусловнымъ противникомъ и всегда убѣжденно ратовалъ противъ такихъ пріемовъ борьбы, какъ обманъ населенія, самозванство, кража и даже разбой, съ цѣлью добыванія средствъ для революціонной дѣятельности. Онъ доказывалъ непригодность и опасность этихъ средствъ не только съ моральной, но и съ практической точки зрѣнія²⁾. Особенно рѣшительно выступалъ онъ противъ системы террора. „Сколько-нибудь дальновидные политическіе дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы,—пишетъ онъ,—должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убійства въ систему политической борьбы или придать убійству видъ принципиальнаго законнаго дѣйствія“. Это сузило бы самую политическую борьбу, натравивъ ее противъ личностей, а не противъ извѣстнаго порядка; затѣмъ, примѣняя убійство, сторонники политической свободы дѣйствовали бы въ поддержку противнаго имъ принципа. „Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личныхъ, и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни, послѣ самыхъ широкихъ гарантій судебной справедливости. Но убійство, по личному замыслу, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйствія личнаго произвола, убійство же по постановленію тайнаго политическаго обще-

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. II, стр. 373—375.

²⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 362 и слѣд.; т. II, стр. 285, 344 и слѣд., 369 и слѣд., 378—380.

ства есть прежде всего казнь по приговору тайнаго суда, безъ выслушанія защиты подсудимаго,—суда, котораго члены суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, т.-е. дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу,—продолжаетъ Драгомановъ,—можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то представленіе тайнаго суда заговорщиковъ дѣйствіемъ законнымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только подкапываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина, которыя, по смыслу понятія о свободѣ, должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ и нарушение которыхъ не можетъ пройти безнаказанно для цѣлаго этого порядка и его развитія, въ первой линіи, именно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія¹⁾).

На основаніи изученія историческихъ фактовъ, Драгомановъ пришелъ къ заключенію, что „убійства представляютъ для политическихъ партій орудіе обоюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и установленія другого“. Факты давали Драгоманову, „основаніе ожидать, что въ Россіи монархическая реакція въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ сама прибѣгнетъ къ политическимъ убійствамъ и къ расправамъ какихъ-нибудь московскихъ мясниковъ“. Поэтому Драгомановъ заранѣе рекомендовалъ участникамъ организованной борьбы „вмѣсто того, чтобы увлекаться обоюдною политикою страстей и непосредственныхъ чувствъ“, заняться заранѣе широкой пропагандой истинно-свободныхъ политическихъ идей и прочной организаціей для защиты свободныхъ учреждений. Только такимъ образомъ, по его мнѣнію, можно парализовать кровавыя расправы реакціи²⁾. Драгомановъ писалъ это въ 1884 году. Реакція послѣ 1905 г. показала, насколько онъ былъ правъ.

На этомъ мы закончимъ изложеніе его политическихъ взглядовъ. Конечно, мы ихъ далеко не исчерпали; вопроса, напримѣръ, о земскомъ либерализмѣ, его исторіи и значе-

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 364—365.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 371—372.

нии для истории освободительного движения, какъ его представлялъ Драгомановъ, мы совершенно не касались; не касались мы и мнѣній Драгоманова объ организаціи, равно какъ о силѣ и значеніи общественнаго мнѣнія. „Единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учреждений, вполне ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда,—думаетъ онъ,—обезоруживало самыя реакціонныя правительства“¹⁾. Мимо цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, которыхъ касался Драгомановъ, мы также прошли мимо, такъ какъ статья наша и безъ того сильно разрослась.

Мы не имѣли въ виду, какъ уже раньше говорили, сдѣлать критическій разборъ политическихъ взглядовъ Драгоманова. Намъ только хотѣлось отмѣтить важность взглядовъ Драгоманова для политическаго воспитанія разныхъ народностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Политическіе взгляды Драгоманова и его сочиненія особенно, думается намъ, важны потому, что они лишены доктринерства. Драгомановъ высказывалъ сужденія, рѣшалъ вопросы общественной жизни и намѣчалъ программы, ни на минуту не упуская изъ виду истории, западно-европейскаго опыта и дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ въ Россіи и группировки ихъ въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ. Если сравнить поэтому мнѣнія М. П. Драгоманова и программы, намѣченные имъ, съ тѣми мнѣніями и программами, которыя были выдвинуты и намѣчались еще въ недавнее время, то, конечно, послѣднія окажутся гораздо шире, но зато при существующихъ условіяхъ жизни и менѣе исполнимыми.

Нельзя не согласиться съ М. П. Драгомановымъ, что широкая постановка программы, внѣ условій времени и мѣста, приводитъ къ не совсѣмъ нормальнымъ послѣдствіямъ. Невозможность сразу осуществить все то, чего требуетъ теорія, „ведетъ за собою сначала реакцію,—говоритъ Драгомановъ,—а потомъ вредный оппортунизмъ, т.-е. уступчивость качественную, а не количественную“. Современные событія русской жизни какъ нельзя болѣе ясно подтверждаютъ справедливость словъ М. П. Драгоманова. Въ дѣлѣ реформы, по его мнѣнію, главнымъ должно быть „ясное опредѣленіе направленія, въ какомъ безпovo-

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 837.

роотно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія“¹⁾).

Самому факту народнаго представительства Драгомановъ придавалъ большое значеніе. Отстаивая всеобщее избирательное право, онъ тѣмъ не менѣе находилъ, что какое бы ни было по составу народное представительство, оно будетъ все-таки лучшимъ инициаторомъ реформъ, чѣмъ чиновники.

Найдемъ мы много и ошибокъ у Драгоманова но то обстоятельство, что многія изъ его сочиненій сдѣлались прямо-таки пророческими для Россіи черезъ 25 лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Драгомановѣ мы имѣемъ крупнаго и глубокаго политическаго знатока и мыслителя, сочиненія котораго полезно изучать политическимъ дѣятелямъ въ Россіи. Многія его статьи и до сихъ поръ не потеряли своей свѣжести, написаны точно вчера. Такъ мало еще въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ ушла впередъ наша политическая жизнь, такъ много сохранилось въ ней стараго, противъ чего еще четверть вѣка тому назадъ боролся М. П. Драгомановъ.

Н. В.

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 266.

Коцюбинскій и Винниченко.

Въ непрекращающихся, несмотря на достаточно „почтенную“ давность „украинского вопроса“, спорахъ о границахъ „допустимой“ самостоятельности украинской культуры самымъ убѣдительнымъ аргументомъ, несомнѣнно, является развитіе украинской художественной литературы. При достаточномъ вниманіи къ голосу этого „аргумента“ должно, напр., весьма поблекнуть утвержденіе о томъ, что все современное украинское движеніе носить характеръ интеллигентской надуманности. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ художники украинскаго слова создавали художественныя, культурныя цѣнности, все болѣе и болѣе привлекающія нынѣ къ себѣ вниманіе „со стороны“. Оцѣнка ихъ созданій, какъ вклада въ общечеловѣческое творчество культуры, запечатлѣннаго своеобразіемъ украинскаго творческаго генія, очевидно, не за горами. Предлагаемый очеркъ не претендуетъ быть опытомъ подобной оцѣнки, его задача исчерпывается краткой литературной характеристикой двухъ наиболѣе выдающихся современныхъ украинскихъ писателей-художниковъ — М. Коцюбинскаго (род. 1864 г.) и болѣе молодого В. Винниченка (род. 1880 г.) ¹⁾.

I.

За исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ раннихъ произведеній М. Коцюбинскій въ своемъ творчествѣ всегда былъ на стоящимъ художникомъ, органически воспринявшимъ положеніе Тургенева: „въ дѣлѣ искусства вопросъ: какъ?— важнѣе вопроса что?“ Его талантъ никогда не служилъ постороннимъ цѣлямъ, находя удовлетвореніе „въ самомъ себѣ“. Что бы ни приковывало къ себѣ его художе-

¹⁾ Русскій читатель имѣетъ возможность ознакомиться съ главнѣйшими произведеніями обоихъ писателей въ переводахъ: рассказы М. Коцюбинскаго въ 2-хъ томахъ изданы товариществомъ „Знаніе“ (въ переводѣ пишущаго эти строки); 1-й и 2-й томы рассказовъ В. Винниченка въ авторскомъ переводѣ изданы „Московскимъ книгоиздательствомъ“. Кстати отмѣтимъ, что сборники рассказовъ Коцюбинскаго изданы на польскомъ (Варшава), нѣмецкомъ (Вѣна), шведскомъ (Стокгольмъ) и чешскомъ (Прага) языкахъ.

ственное вниманіе, — тяжелый ли конфликтъ интересовъ единицы съ интересами общаго блага („Ради общаго блага“), драматическія ли коллизіи, общественныя и психологическія, выдвинутыя эпохой „освободительнаго движенія“ („Смѣхъ“, „Неизвѣстный“, „Въ дорогѣ“), или примитивная жизнь дикой Гуцульщины, гдѣ еще рѣютъ „Тѣни забытыхъ предковъ“, — всегда художникъ смотритъ на свои задачи „глазами поэта“, всегда его перомъ водить только то, что образомъ легло на душу писателя. Отличительной, кардинальной чертой его художественнаго темперамента является жадность къ яркой образности, яркимъ краскамъ, выпуклости и выразительности. Оттого, когда „сосредоточенное отраженіе“ окружающей жизни способно дать лишь образы безкрасочные, унылые, расплывающіеся („Поединокъ“, „Куколка“, первая часть хроники „Fata-morgana“), онъ ищетъ выхода изъ тѣсныхъ рамокъ этой жизни и даетъ свои крымскіе и бессарабскіе шедевры („На камнѣ“, „Подъ минаретами“, „Ради общаго блага“ и пр.). Высоко поднявшіяся волны общественнаго оживленія возвращаютъ художника „на родину“, но волны эти схлынули, оставивъ разбитое корыто. Ничто не измѣнилось въ потрясающей нищетѣ и культурной безпомощности народныхъ массъ („Что записано въ книгѣ жизни“), неприкосновенной осталась властная пошлость жизни („Сонъ“) и художникъ противопоставляетъ этой пошлости феерію сна, гдѣ на фонѣ южнаго моря и горъ расцвѣтаетъ неумирающая поэзія любви. Но чарованіе сна не побѣдитъ мрака убогой дѣйствительности и, повинувся голосу своей внутренней жадности къ яркому образу, къ яркимъ краскамъ, опять вырывается художникъ за предѣлы „окружающей“ дѣйствительности, рисуя, какъ въ дикой Гуцульщинѣ течетъ „жизнь скота и людей, сливаясь вмѣстѣ, какъ два горные ручейка въ одинъ потокъ“ („Тѣни забытыхъ предковъ“). Въ связи съ отмѣченной чертой художественнаго темперамента писателя надо отмѣтить необыкновенную образность и красочность его стиля, создающія одухотворенность и пластичность. Коцюбинскій внесъ въ свое литературное творчество всю образность и символику народной пѣсни, одухотворенную символику народнаго языка. „Смѣхъ“ сыпался изъ ея горла, какъ лѣсные орѣхи въ хрустальную вазу („Въ дорогѣ“). „Тучи залегли на горизонтѣ, какъ разбойники во рвахъ“ („Поѣздка въ Крини-

цу"). „Снизу поднимался и заливалъ горы глухой говоръ рѣки, а въ него отъ времени до времени капалъ прозрачный звонъ колокольчика“ (пасущейся въ горахъ коровы). Въ русскомъ переводѣ не только невозможно передать всю прелесть образности языка писателя, неожиданныхъ и мѣткихъ сравненій и уподобленій, но часто они могутъ казаться даже надоедливыми, а нѣкоторые изъ реалистическихъ сравненій даже грубыми.

Художественное мастерство Коцюбинскаго достигло своего совершенства въ области разсказа и новеллы. Единственная у него повѣсть „На вѣтру“ принадлежитъ къ самымъ раннимъ произведеніемъ писателя, и всѣ недостатки ея композиціи—растянутость, персонажи и эпизоды, не имѣющіе никакого отношенія къ развитію дѣйствія повѣсти,—кажутся продуктомъ технической неопытности писателя. Устраняя же всѣ эти недостатки, писатель логически пришелъ къ формѣ разсказа. Разсказъ и новела на - ряду съ уже отмѣченными выше внѣшними чертами художественнаго дарованія писателя обнаружили присущую ему гармоничность и эстетическую уравновѣшенность таланта. Эти драгоценныя качества не измѣняютъ писателю даже тогда, когда онъ обращается къ художественной интерпретаціи ирраціональныхъ движеній человѣческой души („Дебютъ“) или даетъ образъ мятущихся душевныхъ переживаній террориста, въ тюремномъ одиночествѣ ожидающаго казни („Неизвѣстный“). Человѣкъ и его душевныя переживанія—всюду главный предметъ интереса художника, но жизнь человѣка развертывается въ неразрывной связи съ жизнью Космоса, и если „равнодушная природа“ перестаетъ быть равнодушной, одухотворяется и очеловѣчивается въ пантеистическомъ міроощущеніи, то и трагедія человѣческаго духа теряетъ характеръ случайности, временности и ничтожности, сливаясь съ вѣчной жизнью природы, въ которой все значительно и непреходяще, несмотря на гибель преходящихъ формъ и явленій. У Коцюбинскаго нѣтъ противопоставленія природы человѣку, нѣтъ изображенія жизни человѣка на фонѣ природы. У него человѣкъ и природа—одно гармоническое цѣлое. Съ особой одухотворенной прозрачностью объ этомъ свидѣлствуетъ „акварель“ „На камнѣ“.

Несложная тема разработана съ удивительнымъ мастерствомъ: нѣжный лиризмъ согрѣваетъ гармоническое цѣлое, исполненное съ исключительною четкостью и пластичностью рисунка.

Музыкальной симфоніей кажется „Intermezzo“, въ которомъ душа, утомленная ужасами дѣйствительности, ищетъ и находитъ успокоеніе на лонѣ природы. Значительны по содержанію и отличаются тѣми же внѣшними и внутренними художественными достоинствами рассказы изъ эпохи освободительной борьбы: „Смѣхъ“, „Неизвѣстный“, „Онъ идетъ!“, „Въ дорогѣ“. По формѣ „Въ дорогѣ“ опять-таки симфонія красокъ, цвѣтовъ, буйной жизни природы. А по содержанію это своего рода „Проступокъ аббата Мурэ“, рассказъ о томъ, какъ уставшій въ атмосферѣ партійной работы „товарищъ Кирилль“ потянулся къ личной жизни, на минуту забылъ о партійныхъ обязанностяхъ и отдался солнцу, лугамъ, лѣсу, цвѣтамъ и любви. Его „отрезвляетъ“ неожиданная встрѣча со старыми партійными товарищами, опустившимися до обычнаго обывательскаго „семейнаго счастья“... Добродѣтель какъ-будто торжествуетъ, но за этимъ торжествомъ явственно слышится тоскующая нота о бѣдной, убогой жизни, въ которой солнце, цвѣты и любовь приходится приносить ради „спасенія души“ въ жертву суровому долгу... Эпизодически этотъ мотивъ звучитъ и въ рассказѣ „Неизвѣстный“. Террористъ вспоминаетъ, какъ образъ матери заставилъ его на минуту прислушаться къ голосамъ жизни: „Слушалъ, какъ музыку... счастливый и опять свободный, опять сынъ земли, а не гнѣвъ народа... И исчезъ противный профиль“... (сановника, на жизнь котораго онъ готовилъ покушеніе). Но счастье почувствовать себя обыкновеннымъ сыномъ земли и продолжалось недолго: „Какъ? Исчезъ? Прочь все изъ сердца! Я—неизвѣстный“...

Рассказы „Онъ идетъ!“ и „Смѣхъ“ — изъ смутныхъ октябрьскихъ дней, забрызганныхъ кровью и грязью. Глубокая мысль и волнующее настроеніе, въ нихъ вложенныя, запечатлѣны въ яркихъ, незабываемыхъ образахъ, трактованныхъ съ психологической тонкостью и проникновенностью.

Очерки „деревенскихъ настроеній“ подъ заглавіемъ „Fatamorgana“—это цѣлая „хроника“ деревни, достойная

занять мѣсто среди немногихъ истинно-художественныхъ созданий, посвященныхъ ей. Предъ читателемъ проходить и будничная радость и горе, и никогда не умирающія надежды на грядущій раздѣлъ земли, и бурныя событія 1905 года,—сначала мирная забастовка, затѣмъ погромъ, само-судъ. Широкая картина деревенской жизни разворачивается въ ея отраженіяхъ на судьбахъ одной крестьянской семьи.

Упомянемъ въ заключеніе небольшой рассказъ „Поѣздка въ Криницу“, написанный импрессионистски. Въ немъ явственно звучать нотки своеобразнаго юмора, родственнаго гамсуновскому, причемъ писатель однако сохраняетъ неприкосновеннымъ своеобразие своей художественной манеры.

II.

Существенно иными чертами характеризуется художественный темпераментъ и талантъ В. Винниченка. Эстетической уравниловки въ немъ нѣтъ и слѣда. Наоборотъ, онъ весь неуравновѣшенность, порывъ и мятежное исканіе. Не художественныхъ, а моральныхъ и общественныхъ цѣнностей ищетъ неутомимо писатель, съ головой бросившись въ самую гущу жизни, переходя отъ увлеченія къ увлеченію, подвергая переоцѣнкѣ всѣ цѣнности, ничего не принимая на-вѣру. Въ соотвѣтствіи съ такими данными художественный талантъ писателя достигаетъ своего пышнаго расцвѣта именно въ интерпретаціи бурной эпохи освободительнаго движенія. „Моментъ“, „Купля“, „Зина“, „Нѣчто большее насъ“, „Глумленіе“,—лучшіе и наиболѣе художественно законченные рассказы,—всѣ черпаютъ оттуда. Исканіе душевной цѣлостности, внутренней гармоніи чувства и разсудка выдвигаетъ на первый планъ вопросы объ индивидуализмѣ и общественности, а надъ ними, превыше всѣхъ вопросовъ, всѣ вопросы окрашивая своимъ свѣтомъ,—вопросъ объ инстинктахъ пола или, какъ недавно выражались, проблема пола.

Пристальнымъ взоромъ вглядывается художникъ въ ирраціональныя силы, въ то нѣчто, что больше и мнѣе насъ, нѣчто темное и стихійное, что разрушаетъ нашу душевную цѣлостность, торжествуетъ свою побѣду надъ нами и нашими чувствами... Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ уже явственно звучать тѣ мотивы, которые потомъ въ болѣе

рѣзкой, прямолинейной и схематической постановкѣ развиты въ драмахъ и повѣсти, написанной по-русски, „Честность съ собою“¹⁾. Но острые углы своеобразной „идеологии“ еще не прорываютъ художественной ткани. Разсказъ согрѣтъ тонкимъ лирическимъ юморомъ, достигающимъ особой красоты выраженія въ „Зинѣ“, „Куплѣ“, обвѣявъ чарующимъ идеализмомъ героической юности, претворяющимъ въ поэзію даже самыя ошибки. Но вотъ „проблема пола“ получаетъ для художника превалирующее значеніе, она затопляетъ собой всѣ проблемы, и въ ея свѣтѣ рѣшается другая, основная для всего творчества Винниченко, проблема индивидуализма и общественности. Художникъ дѣлаетъ послѣдніе выводы и низвергаетъ „Великаго Молоха“—общественность, связывающую человѣка обязанностями. Во имя полного освобожденія провозглашается стремленіе въ внутренней правдѣ, достигаемой „честностью съ собою“. Герой драмы „Ступени жизни“ Миронъ Антоновичъ съ гордостью говоритъ о себѣ: „Ну да, я животное, и ты—животное, что же въ этомъ? Когда, наконецъ, люди перестанутъ пугаться этого?“ Но на этомъ не заканчивается реализація мечты поэтического „Моментѣ“ о вѣрности инстинктамъ. Какъ полемическій отвѣтъ критикамъ пьесы „Ступени жизни“ экспансивный художникъ пишетъ „Честность съ собою“. Въ томъ, что замыселъ и все построеніе повѣсти являются полемической тенденціей, уже содержится ея эстетическая оцѣнка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточное основаніе не считаться всерьезъ съ ея прямолинейной „идеологіей“, доводящей до конца проповѣдь животныхъ инстинктовъ. Въ повѣсти только намѣчена обратная сторона „честности съ собою“, являющейся нечестностью въ отношеніи другихъ. Проповѣдникъ „честности съ собой“ Миронъ и не думаетъ отрицать этого, заявляя: „Я никогда не „проповѣдывалъ“ правдивости и честности съ другими“... А почти одновременно написанная пьеса „Ложь“ („Брехня“) обращена въ эту сторону и проповѣдуетъ... счастье хотя бы цѣною лжи. Героиня пьесы говоритъ любимому юношѣ-поэту:

1) Интересно отмѣтить, что „Честность съ собою“ писатель началъ по-украински, но закончилъ по-русски, узнавъ отъ редакціи „Літературно-Наукового Вѣстника“, что читатели его начали массово отказываться отъ подписки на журналъ изъ-за „безнравственности“ произведеній Винниченка, а „Честность съ собою“, по его мнѣнію, фактъ-разъ должна была нанести „больше всего оскорбленій нравственности этихъ почтенныхъ господъ“.

„О, людямъ совѣтъ не нужны ни правда, ни ложь, имъ нужно счастье, понимаешь,—счастье, покой. Если ложь можетъ это дать, слава жи! Слава!“ Она вышла замужъ безъ любви—„изъ гордости, изъ абстрактной любви къ человѣчеству, она знала, что мужъ ея, Андрей, талантливъ, и хотѣла черезъ него дать человѣчеству „новыя цѣнности“,—„ну, вотъ, какъ, скажемъ, революціонеры идутъ на смерть, на жертву за други своя“. И „осанну“ жи ей приходится защищать, ибо правда разрушить жизнь и счастье цѣлаго ряда людей, ей близкихъ, на что она не можетъ рѣшиться... Выходить, такимъ образомъ, что ложь „проповѣдывается“ во имя счастья другихъ и является не столько оборотной стороною „честности съ собою“, сколько ея недвусмысленнымъ ограниченіемъ, предохранителемъ отъ тѣхъ опустошеній, какими угрожаетъ прямолинейное слѣдованіе съ такимъ шумомъ провозглашенной морали свободныхъ. „Ложь“, мало обратившая на себя вниманіе критики, любопытна не потому, что, сопоставляя ее съ правдою „Честность съ собою“, можно „ловить“ автора на „противорѣчіяхъ“; въ этой пьесѣ явственно ощущается зерно того настроенія, какое должно вывести талантливаго художника изъ тупика анархической проповѣди прямолинейнаго индивидуализма, въ подчиненіи элементарнымъ животнымъ инстинктамъ видящаго „рожденіе со зрячими глазами души“. Не въ проповѣди жи во имя счастья людей героини пьесы, а въ томъ внутреннемъ чувствѣ, которое мѣшаетъ ей во имя „честности съ собою“ переступить черезъ счастье, а можетъ быть и жизнь другихъ, заключается зерно этого новаго настроенія художника. И слишкомъ ясно, что изъ этого зерна, если его не заглушать софизмы и ложныя теоріи, должна вырасти реабилитація ниспровергнутой морали, а вмѣстѣ съ ней и общественности. Исканія и блужданія художника, самыя его ошибки и паденія не пропадутъ, однако, даромъ. Они навсегда привьютъ его душѣ святую ненависть къ мѣщанству и пошлости, обратившихъ великія силы устроенія личной и общественной жизни людей въ идоловъ угнетенія и порабощенія. Свободная моральная общественность не будетъ „Великимъ Молохомъ“, она проложитъ пути къ возстановленію цѣлостности человѣческой личности.

Имѣя въ виду основную линію мятежныхъ исканій плодovitаго художника, мы не коснулись цѣлаго ряда его

разсказовъ и новеллъ, стоящихъ до нѣкоторой степени внѣ русла бурной рѣки, волнамъ которой вручилъ свою ладью Винниченко. Объ одной серіи этихъ разсказовъ, отмѣченныхъ печатью большого художественнаго таланта, слѣдуетъ упомянуть хотя бы вскользь. Мы говоримъ о серіи разсказовъ, характеризующихъ отраженіе на жизни деревни соціально-экономической эволюціи, освѣщенной съ точки зрѣнія цѣльнаго міросозерцанія. Въ яркихъ краскахъ, въ конкретныхъ фигурахъ развертывается передъ читателемъ экономическій кризисъ деревни, выбрасывающей недавнихъ самостоятельныхъ хозяевъ въ ряды уходящихъ на заработки, сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ экономіяхъ и пр. „Это—идушіе на заработки. Это—тѣ, которыхъ нужда выбрасываетъ изъ села, которые больше не нужны ему. Обкраденные, ободренные тѣми, кто можетъ ободрать, они идутъ продавать себя, свои силы, свое здоровье, свое тѣло, стыдъ, любовь, они идутъ наняться къ сытымъ, распутнымъ, ненужнымъ людямъ, у которыхъ есть земля и деньги, но которые не обрабатываютъ этой земли, ибо у нихъ есть другая работа: ѣсть, пить и наслаждаться развратомъ. И они идутъ—эти люди, они должны идти, иначе голодъ, жадный какъ ихъ глаза, съѣстъ ихъ: они вынуждены продавать себя, ибо дома ждетъ ихъ невыплаченная дань „обществу“, ждутъ оцѣнщики, ждутъ земскіе, урядники, холодная, тюрьма. И они идутъ. Ни материнскія слезы, ни сила привычки къ родному краю, ни любовь, ни дружба, ни тихіе лѣса, ни лунная ночь, ничто не можетъ устоять противъ страшнаго голоса „нужды“... И художникъ въ рядѣ разсказовъ освѣщаетъ намъ духовный міръ этихъ обездоленныхъ людей („Рабъ красоты“, „Кузь и Грицунъ“ и др.), ихъ злословія („Голодъ“, „Кто врагъ?“), даетъ цѣлую галерею типовъ земледѣльческихъ рабочихъ („Голота“) съ ихъ обыденной жизнью на экономической кухнѣ, съ ихъ разговорами о Богѣ и необходимости вѣры въ него для рабочаго („Безъ Бога нашъ братъ—не человѣкъ... рабочій скотъ“), набрасываетъ яркую картину работы и отношеній „У машины“... Многіе разсказы этой серіи напоминаютъ лучшія произведенія Горькаго, вскрывая въ этомъ омутѣ тяжелаго труда, оброшенности и обездоленности своеобразный духовный міръ съ легкимъ налетомъ романтизма.

Чисто бытовой захватъ художника, какъ впрочемъ видно отчасти изъ предыдущаго, не ограничивается соціальною средой пролетаризуемой деревни. Немало вниманія удѣлено имъ и мѣщанско-чиновничьимъ кругамъ украинскаго общества. Если въ художественномъ отношеніи изображеніе духовной атмосферы этихъ общественныхъ слоевъ запечатлѣно нѣкоторымъ сгущеніемъ темныхъ красокъ, иногда незамѣтно переходящимъ въ шаржъ („Співочі товариства“), то это. является только плодомъ неуравновѣшеннаго художественнаго темперамента, не жалѣющаго темныхъ красокъ и при изображеніи интеллигенціи, даже партійной интеллигенціи, мнящей себя солью земли. Какъ характерную черту художественнаго таланта Винниченка отмѣтимъ его несравненный, тонкій юморъ, равно привлекательный какъ тогда, когда онъ является своего рода фактомъ отношенія къ жизни („Зина“), такъ и тогда, когда ему дается обличительное направленіе („Истинно-украинець“), или когда онъ логически вытекаетъ изъ существа положенія, какъ, напр., въ разсказѣ „Записная книжка“, въ которомъ агитаторамъ, задержаннымъ крестьянами съ полицинымъ, удастся обмануть ихъ и добиться освобожденія.

При глубокомъ пессимизмѣ многихъ сторонъ своего міросущенія В. Винниченко, однако, неустанно развиваетъ убѣжденіе въ необходимости бодрого, энергическаго жизнестроительства, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія даже тѣ его драмы, которыя мы вкратцѣ характеризовали съ отрицательной стороны ихъ аморальныхъ тенденцій, особенно „Ступени жизни“. Протестъ противъ „гнили“ и лицемѣрія звучитъ здоровыми нотами. То же въ отрицательной формѣ доказывается печальною судьбою героя разсказа „Мое послѣднее слово“, кончающаго самоубійствомъ въ сознаніи, что „безъ любви жить нельзя“ и что онъ долженъ умереть, ибо былъ курицей, захотѣвшей летать... На Божьемъ пиру мѣсто уготовано только способнымъ къ строителству „ступеней жизни“, непрерывная цѣль которыхъ создаетъ преемственность работы поколѣній.

Винниченко выше всего ставитъ полноту, яркость жизни, все, что повышаетъ ея интенсивность, укрѣпляетъ біеніе ея пульса. Вслѣдъ за однимъ изъ героев своихъ произведеній художникъ можетъ повторить: „Слава всему, что на

радость жизни!" Если „на радость жизни"—ложь,—слава лжи! „На радость жизни" создана и пресловутая теорія „честности съ собою", и нѣтъ ничего, посягнуть на что художникъ не отважился бы во имя повышенія „радости жизни", ощущенія ея полноты. И всѣми своими ошибками, блужданіями во тьмѣ страстныхъ исканій, страстными парадоксами и софизмами художникъ неустанно поетъ „осанну" жизни, защищаясь отъ призрака поднимающагося откуда-то со дна его души глубокаго пессимизма и невѣрія, больше всего скрываемыхъ отъ самого себя...

Мих. Могилянскій.

За украинскій университетъ.

(Письмо изъ Галиціи).

Удивительную картину мѣсяцъ тому назадъ представлялъ „главный и королевскій городъ“ Львовъ. Безконечныя, повторявшіяся и днемъ, и позднимъ вечеромъ демонстраціи; толпы народа, съ пѣніемъ „Jeszcze Polska nie zginęła“ марширующія по улицамъ; митинги, на которыхъ ораторы призывали присутствующихъ отвратить „новое бѣдствіе“, готовое упасть на „родину“; пламенные статьи въ газетахъ, призывающія дать отпоръ новому посягательству на „неотъемлемыя права“ націи....

Непосвященному могло бы показаться, что или въ въ странѣ готовится вооруженное возстаніе, или центральное правительство приготавливаетъ какой-то *coup d'état*, долженствующій отнять у націи ея старыя, освященные обычаемъ права.

Въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе. Несчастье, отъ котораго представлялось необходимымъ спасти „отечество“, было совсѣмъ другого характера.

Украинскій университетъ или, вѣрнѣе, лишь призракъ его—вотъ была причина, мобилизовавшая всѣхъ истинно-польскихъ людей Львова.

Наблюдая эту патріотическую вакханалію, видя представителей угнетенной націи въ роли угнетателей; профессоровъ, призывающихъ учащуюся молодежь къ погрому украинцевъ; студентовъ, съ палками въ рукахъ и... съ „*Z dymem rozagów*“ на устахъ клянущееся „не оставить камня на камнѣ“ на будущемъ „гайдамацкомъ“ университетѣ,—казалось, что присутствуешь при невозможномъ соціологическомъ явленіи: помѣшательствѣ цѣлой націи. Конечно, если подъ націей понимать кучку политическихъ банкротъ, которая, однако, до сихъ поръ даетъ тонъ всей политической жизни края. Психіатръ, немного ознакомленный къ тому же съ галицкою общественною жизнью, навѣрное, назвалъ бы то изступленіе, въ которое попали

львовскіе патріоты, „delirium furibundum“. Потому что симптомы этого delirium,— поступки, основанные на совершенно несоотвѣтствующихъ дѣйствительности представленийъ или иллюзіяхъ,—были на-лицо. Такою иллюзіею въ данномъ случаѣ является убѣжденіе поляковъ въ страшномъ вредѣ украинскаго университета для всей Польши.

Безусловно, вопросъ объ украинскомъ университетѣ имѣетъ громадное значеніе, далеко выходящее за границы края. Объ этомъ свидѣлствуетъ хотя бы та страстность, съ которой дебатруется этотъ вопросъ не только во Львовѣ, но и въ Кіевѣ, Варшавѣ, Петербургѣ, Вѣнѣ и даже въ... Грацѣ!¹⁾ Вопросъ, около котораго сталкиваются интересы цѣлыхъ классовъ, націй и даже государства, очевидно, имѣетъ не только культурное, но и политическое значеніе. Сперва, однако, нѣсколько словъ изъ исторіи львовскаго университета, необходимыхъ для пониманія настоящаго положенія интересующаго насъ вопроса.

Львовскій университетъ былъ основанъ въ концѣ XVIII в. императоромъ Іосифомъ II. До самаго 1848 г. университетъ носилъ чисто нѣмецкій характеръ. Только нѣкоторые предметы (на богословскомъ факультетѣ) читались по-латыни. Съ 1848 г. права украинскаго языка въ университетѣ официально признаются и все болѣе и болѣе расширяются. Сперва былъ основанъ (правда, временно) лицей для украинскихъ богослововъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія, въ 1849 г. учреждена каѳедра украинскаго языка и литературы, въ 1862—двѣ каѳедры на юридическомъ факультетѣ и еще нѣкоторыя. Но всѣ эти уступки носили спорадическій характеръ и были только терпимыми исключеніями въ чисто нѣмецкомъ по закону университетѣ. Распоряженіе министра народнаго просвѣщенія отъ 11-го іюля 1871 г. измѣнило положеніе.

Это распоряженіе начинается слѣдующими словами: „Его императорское и королевское апостольское величество высочайшимъ постановленіемъ 4-го іюля 1871 г. всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ, чтобы ограниченія, пре-

¹⁾ Недавно грацкая „Tagespost“, считающаяся полуофициозомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, помѣстила статью, доказывающую важность украинскаго университета какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики монархіи.

пятствующія чтенію лекцій на польскомъ и украинскомъ языкахъ на факультетъ права и администраціи, а также и философскомъ львовскаго университета, были устранены и чтобы въ будущемъ къ занятію кафедръ на названныхъ факультетахъ были допускаемы лишь кандидаты, совершенно свободно владѣющіе однимъ изъ обоихъ областныхъ языковъ. Высочайшее распоряженіе его императорскаго и королевскаго апостольскаго величества стремится открыть во львовскомъ университетѣ свободное поле для науки на обоихъ языкахъ мѣстнаго населенія“ и т. д.

Это императорское распоряженіе было послѣднимъ, регулирующимъ права польскаго и украинскаго языковъ во львовскомъ университетѣ.

Какъ это ясно видно изъ буквального смысла приведеннаго распоряженія, права обоихъ языковъ были сравнены. Университетъ былъ признанъ,—какъ говорятъ въ Галиции,—„утраквистическимъ“. Съ этого времени начинается однако не утравквизація, а... полная полонизація университета. Благодаря совершенно естественному въ то время большому количеству кандидатовъ-поляковъ, способныхъ занять университетскія кафедры, въ очень непродолжительномъ времени большинство львовскаго университетскаго сената оказалось въ польскихъ рукахъ. Это выгодное положеніе было поляками очень искусно использовано въ цѣляхъ недопущенія въ университетъ въ качествѣ профессоровъ (или доцентовъ) молодыхъ украинскихъ научныхъ силъ.

Напримѣръ, д-ръ Студинскій, украинецъ, былъ габилитованъ ¹⁾ въ Краковѣ на основаніи работы, забракованной львовскими профессорами. Такъ же точно украинецъ д-ръ Зобківъ, забракованный львовскимъ университетомъ, былъ габилитированъ въ Аграмѣ, и т. д. Такихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о крайней тенденціозности львовской профессорской корпораціи по отношенію къ молодымъ украинскимъ ученымъ, можно бы было привести не одинъ и не два. Нѣтъ ничего удивительнаго, что украинцевъ,

¹⁾ Желающій получить доцентуру въ австрійскомъ университетѣ долженъ по достиженіи докторской степени предложить факультету самостоятельную научную работу. По одобреніи работы факультетомъ и послѣ пробной лекціи кандидатъ становился „габилитованнымъ доцентомъ“ и получалъ право на занятіе кафедръ.

желающихъ габилитироваться во львовскомъ университетѣ, становилось все меньше и меньше. Это обстоятельство стало въ послѣдствіи однимъ изъ главныхъ аргументовъ поляковъ противъ требованія украинцами своего университета. „Для чего имъ университетъ,—писали польскія газеты,—когда они не только не имѣютъ, но и не стараются создать необходимыя научныя силы“.

Ненормальное положеніе украинскаго языка во львовскомъ университетѣ побудило, наконецъ, украинскую молодежь поднять знамя борьбы за свой собственный храмъ науки. Сначала требованія украинскаго студенчества въ Галиціи не шли дальше аналогичныхъ требованій ихъ російскихъ земляковъ въ настоящее время. Учрежденіе нѣсколькихъ кафедръ — этимъ ограничивались всѣ притязанія украинскаго студенчества. Только лишь въ 1899 г. выдвигается требованіе основанія отдѣльнаго украинскаго университета.

Одновременно съ этимъ борьба принимаетъ все болѣе и болѣе острые формы. Нетактичность сената и національная нетерпимость польскихъ профессоровъ—неразрѣшеніе сходовъ украинскихъ студентовъ, непризнаніе правъ украинскаго языка при имматрикуляціи и проч.—привели скоро къ цѣлому ряду періодически повторяющихся эксцессовъ, послѣднимъ изъ которыхъ были трагическія событія 1-го іюля 1910 г. Съ этого времени „ukrainische Universitätsfrage“ уже не сходитъ съ порядка дня въ Австріи. Въ послѣдніе мѣсяцы вопросъ вступилъ въ особенно острую стадію своего развитія. 7-го апрѣля наст. года начались вызванные украинской обструкціей въ парламентѣ переговоры между польскими и украинскими политиками при посредничествѣ правительства о способахъ и возможности учрежденія украинскаго университета. Эти переговоры—съ различными перерывами—продолжаются до сихъ поръ. Эти же переговоры, въ которыхъ украинцы вполне конкретно поставили свои требованія, всполюшили всю „патріотическую“ мыслящую часть польскаго общества въ Галиціи. Къ тому же изъ Вѣны стали приходить неясные слухи, что коло, состоящее въ большинствѣ изъ людовцевъ и консерваторовъ, готовится „продать“ интересы „націи“... Нужно было дѣйствовать рѣшительно. Отечество было объявлено въ опасности, и во главѣ движенія, долженствующаго оказать да-

вление на коло и правительство, встали вшехполяки,—партия, которой вся история съ университетомъ вышла какъ нельзя болѣе на-руку. Скомпрометтировать своего непримиримаго врага—нашестника—и одновременно рекламировать себя какъ единственныхъ „спасителей отечества“—перспектива слишкомъ заманчивая, чтобы за нее не ухватились люди, терявшіе уже, какъ казалось, почву подъ ногами. Настроение уже было подготовлено прессой. Затѣмъ слѣдоваль рядъ митинговъ. Наконецъ, одна за другой поѣхали въ Вѣну депутаціи. Одной изъ первыхъ отправилась протестовать противъ учрежденія украинскаго университета депутація городского совѣта. Въ составъ депутаціи входили: гг. Найманъ, Теренкочи, Шляйхеръ, Ридль и Адамъ. Читатель не долженъ смущаться нѣсколькими странными, какъ-будто не совѣмъ польскими именами членовъ депутаціи. Какъ въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ истинно-русскіе люди, такъ въ Галиціи истинно-польскіе носятъ преимущественно нѣмецкія фамиліи. Депутація вручила министрамъ и колу „меморіаль“ съ требованіемъ не допустить до учрежденія украинскаго университета во Львовѣ, такъ какъ „Львовъ—польскій городъ“ (между прочимъ этотъ „польскій“ городъ имѣетъ немногимъ болѣе 50% поляковъ, остальные—украинцы и евреи). Депутаціи съ аналогичными требованіями были посланы профессорскою коллегіей, провинціальными городскими совѣтами, разными учрежденіями и сословіями.

Одновременно началась во Львовѣ та митинговая вакханалія, о которой я упомянулъ въ началѣ статьи. На одномъ изъ этихъ митинговъ проф. Грабскій призывалъ собравшихся не допустить до основанія украинскаго университета „хотя бы физическою силою“. Слова Грабскаго были покрыты бурей аплодисментовъ...

Геройскими усиліями „спасителей отечества“ удалось достигнуть желательнаго результата. Стремленія вшехполяковъ „охватить пожаромъ, по словамъ „Przegląd’a“, всю восточную часть края, уничтожить спокойствіе и порядокъ и выкопать пропасть между двумя народами“, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. 22-го мая вѣнское коло приняло единогласно резолюцію по поводу украинскаго университета. Въ резолюціи, которая начиналась высокопарными словами о томъ, что поляки „никогда не отрицали за

украинскимъ народомъ правъ на культурное развитіе“, коло великодушно соглашалось на учрежденіе украинскаго университета. Однако, лишь при томъ условіи, чтобы: 1) университетъ не былъ во Львовѣ, 2) былъ признанъ закономъ польскій характеръ существующаго львовскаго университета, 3) всѣ лабораторіи, институты, библіотеки, коллекціи останутся при польскомъ университетѣ, 4) украинцы прекратятъ обструкцію въ сеймѣ. Резолюція была принята, какъ я уже отмѣтилъ, единогласно. Это значить, что за нее голосовали и польскіе демократы, благодаря своему „глубокому демократизму“ желанные гости на многихъ польскихъ соціалистическихъ собраніяхъ. Какъ теперь выяснилось, вышеупомянутая резолюція коло появилась на свѣтъ исключительно благодаря террору незначительной группки вшехполяковъ, развившихъ бѣшеную агитацію въ краѣ. Сперва коло готово было согласиться на Львовъ какъ на мѣсто для будущаго украинскаго университета. Еще передъ принятіемъ резолюціи сказалъ премьеръ гр. Штиргкъ президіуму украинскаго клуба дословно слѣдующее: „Seien sie beruhigt meine Herren, ich habe für Lemberg die Mehrheit des [Polenklubs gewonnen“ („Будьте спокойны, господа, мнѣ удалось приобрести согласіе большинства кола на Львовъ“). Агитация національ-демократовъ перевернула все кверху ногами, и вмѣсто Львова украинцы получили проектъ императорскаго распоряженія по университетскому вопросу, написанный подъ диктовку группы, не располагающей въ колѣ даже десяткомъ голосовъ. Проектъ признаетъ за украинцами право на университетъ, не упоминая, впрочемъ, о мѣстѣ или о времени его учрежденія, а взамѣнъ этой „милости“ требуетъ: 1) признанія польскаго характера львовскаго университета и 2) прекращенія обструкціи въ сеймѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что украинскій клубъ объявилъ подобныя условія не только неприемлемыми, но даже немогущими служить основою для обсужденія. Одновременно съ этимъ клубъ началъ обструкцію въ комиссіяхъ. Трудно сказать, какъ сложатся обстоятельства въ ближайшемъ будущемъ.

Правительству необходимо—наипозже черезъ двѣ недѣли—имѣть уже утвержденный военный законъ (Wehrgesetz).

Обструкція украинскаго клуба явилась для прави-

тельства совершенно нестати, и оно дѣлаетъ попытки устранить ее. Начались новые польско-украинскіе переговоры. Извѣстное давленіе на правительство—въ цѣляхъ скорѣйшого урегулированія украинскаго университетскаго вопроса—оказываютъ и другія партіи. Ожидать, однако, какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ отъ вновь начавшихся переговоровъ было бы слишкомъ оптимистично.

Не иначе смотреть на вещи, повидимому, и временно исполняющій обязанности премьера министръ внутреннихъ дѣлъ бар. Гайнольдъ. Нѣсколько дней назадъ окрыленный, очевидно, успѣхами венгерскаго Столыпина—гр. Тиссы,—бар. Гайнольдъ пригрозилъ представителямъ партій въ случаѣ украинской обструкціи примѣнить австрійскую 87-ю ст.—знаменитый § 14-й. Удастся ли шефу правительства привести свою угрозу въ исполненіе,—большой вопросъ. Австрія является менѣе удобной почвой для всякихъ государственныхъ переворотовъ сверху, чѣмъ полуазиатская Венгрія. Кромѣ того, какія бы то ни было угрозы совершенно не къ лицу министру, не имѣющему даже постоянного большинства въ парламентѣ.

Какъ бы, однако, ни сложилось будущее, отказываться отъ своего главнаго требованія—учрежденія университета во Львовѣ—украинцамъ не представляется возможнымъ. Не представляется возможнымъ уже потому, что университетъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городкѣ—вдали отъ библіотекъ, музеевъ, институтовъ—былъ бы просто абсурдомъ. Не могутъ этого не понимать поляки, и потому ихъ нежеланіе видѣть украинскій университетъ во Львовѣ равносильно полному нежеланію дать украинцамъ университетъ вообще. Не выдерживаютъ критики и прочіе аргументы съ польской стороны, пытающіеся доказать утопичность украинскихъ притязаній. Особенно часто говорятъ о недостаткѣ научныхъ силъ у украинцевъ. Этотъ недостатокъ, конечно, ощущается, но, во-первыхъ, онъ сильно преувеличенъ, а во-вторыхъ, гдѣ же эти силы будутъ вырабатываться? Въ существующемъ польскомъ университетѣ во Львовѣ это почти невозможно. Кромѣ того, не было бы ничего ненормальнаго, если бы нѣкоторыя кафедры сперва были заняты не украинцами, а, напримѣръ, нѣмцами или чехами, которые въ теченіе двухъ — трехъ лѣтъ обязаны были бы выучиться по-украински.

Вѣдь не иначе обстояло дѣло при полонизаціи львовскаго университета. Въ свое время львовскій университетъ, а также агрономическій факультетъ въ Краковѣ, ветеринарная школа во Львовѣ приглашали на свои кафедры или русскихъ и познанскихъ поляковъ, или попросту нѣмцевъ, и никто не видѣлъ въ этомъ ничего ненормальнаго. Нѣтъ никакой необходимости къ тому же основать сразу цѣлый университетъ. Чешскій университетъ въ Прагѣ явился на свѣтъ сначала только лишь съ двумя факультетами. И только десять лѣтъ спустя университетъ имѣлъ всѣ четыре факультета.

Этими немногими замѣчаніями не думаю исчерпать всей очень сложной, культурной стороны вопроса, такъ какъ хочу обратить здѣсь вниманіе на его болѣе важную политическую сторону. Къ тому же и сами поляки препятствуютъ учрежденію украинскаго университета исключительно по политическимъ мотивамъ. Нигдѣ, можетъ быть, такъ ясно, какъ въ университетскомъ вопросѣ, не проявились убожество и ограниченность національной политики польской шляхты. Почти все польское общество, смущенное напоромъ русскаго и германскаго націонализма, охвачено однимъ стремленіемъ: упорной работою на „окраинахъ“ вознаградить потери своего „состоянія обладанія“ въ этнографической Польшѣ. Украинскій университетъ во Львовѣ сильно бы помѣшалъ этой полонизаторской работѣ въ восточной Галиціи, и поэтому-то поляки такіе упорные его противники.

Подняться хоть немного надъ узкими галицкими интересами, посмотрѣть на украинскій вопросъ вообще и на требованіе украинскаго университета въ частности съ точки зрѣнія интересовъ польскаго народа, какъ цѣлаго,—среди поляковъ почти никто не въ состояніи. Единственный голосъ,—голосъ трезваго, дальновиднаго политика,—прозвучалъ со страницъ „Przegląd'a“ (кромѣ нѣкоторыхъ единичныхъ органовъ въ Россіи, какъ, напр., „Dzien. Petersb.“, и польской социалистической прессы). Привожу мнѣніе этой газеты въ университетскомъ вопросѣ, какъ свѣтлое пятно на темномъ фонѣ общаго непониманія, близорукости и ограниченности. Статья была помѣщена въ началѣ мая и называлась „Позиція кола польскаго въ Думѣ“. Въ ней говорится, что теперь коло думское изолировано

и не имѣть союзниковъ. Иначе было бы, если бы въ Россіи выросло въ серьезную политическую силу украинское національное движеніе. Тогда поляки и украинцы, имѣя общие интересы, могли бы быть въ Думѣ союзниками“. „Можно,—пишетъ газета,—смотрѣть на украинское движеніе съ двухъ точекъ зрѣнія: съ общепольской и галицкой. Если станемъ на послѣднюю точку зрѣнія и не будемъ думать о томъ, что можетъ случиться въ остальныхъ польскихъ земляхъ, то, конечно, должны считать украинцевъ за нашихъ враговъ... и обращаться съ ними такъ, какъ теперь обращаются съ ними вшехполяки... Стоя на этой точкѣ зрѣнія, можно, конечно, всякими средствами мѣшать развитію украинства, не позволять ни учрежденія школъ, ни университета... Не будетъ это, однако, ни разумно, ни политично, этимъ мы только переложимъ наши заботы на плечи будущихъ поколѣній. Иначе будетъ смотрѣть на этотъ вопросъ полякъ, подходящий къ украинскому движенію съ общепольской точки зрѣнія. Онъ скажетъ прежде всего, что никогда еще никакого національнаго движенія ни въ одномъ государствѣ не могли подавить полицейскими средствами... Далѣе онъ скажетъ, что перспектива пріобрѣтенія себѣ союзника въ русскихъ украинцахъ (газета выражается еще опредѣленнѣе; къ сожалѣнію, этого мѣста я не могу привести дословно) для Польши такъ цѣнна, что для нея стоитъ пожертвовать тѣми мелочами, которыя такъ пугаютъ нашихъ шовинистовъ въ Галиціи. Украинскій университетъ во Львовѣ, хотя бы онъ сталъ солнцемъ, къ которому спѣшила бы изъ цѣлой южной Россіи украинская молодежь, ...сталъ бы очень важнымъ факторомъ ея политическаго и національнаго самосознанія“.

Газеты, осмѣливающіяся, однако, такъ писать,—это бѣлые вороны въ черной шовинистичной стаѣ. Впрочемъ, было бы несправедливо отрицать у галицкихъ поляковъ совершенно присутствіе далекихъ плановъ и „широкихъ перспективъ“, въ украинскомъ, въ частности въ университетскомъ вопросѣ. „Принципіальная политика“, стремящаяся оградить интересы заграничныхъ земляковъ путемъ противоукраинскаго соглашенія съ Россіей,—о которой мнѣ уже приходилось писать,—какъ кажется, и въ послѣдней антиуниверситетской кампаніи играла у вшехпольскихъ политиковъ не послѣднюю роль.

Въ № отъ 30-го апрѣля „Słowo Polskie“ безъ обиняковъ, какъ на одинъ изъ аргументовъ противъ учрежденія украинскаго университета, указываетъ на... рѣзко отрицательное отношеніе къ этой „затѣ“ Россіи. Для вѣдшей убѣдительности выдвигаютъ на сцену даже призракъ войны! Въ своихъ статьяхъ по этому вопросу названная газета, „Gazeta Nerodowa“ и др. выступили прямо какъ агенты Россіи!

И въ этомъ безнадежномъ непониманіи верховодовъ польской политики значенія украинскаго движенія для самихъ же поляковъ,—непониманіи, которое еще разъ блестяще показало себя въ университетскомъ вопросѣ,—и проявилась та крайняя ограниченность польскихъ „отцовъ отечества“, на которую я указалъ выше. Впрочемъ, возможно, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ ограниченностью, а... съ вполне яснымъ политическимъ разсчетомъ. Недавно „Słowo Polskie“ (одинъ изъ майскихъ номеровъ) и „Kurjer Warszawski“ (30/IV) пришли къ здравому убѣжденію, что политика уступокъ галицкимъ украинцамъ, спекулирующая какъ на возможнаго союзника на украинское движеніе въ Россіи, опасна для поляковъ, потому что „поляки на Украинѣ, Волыни и Подоліи не могутъ для какой-нибудь доктрины жертвовать своимъ довольно сильнымъ „состояніемъ обладанія“. Галицкіе польскіе политики должны считаться съ этимъ фактомъ и учитывать его“. Украинское движеніе, какъ образно выражается одна изъ названныхъ газетъ,—„палка о двухъ концахъ“: какъ движеніе демократическое, оно можетъ принести большой вредъ польскому, преимущественно помѣщичьему, элементу на Украинѣ. Поэтому-то галицкіе поляки съ такимъ недовѣріемъ относятся къ политикѣ кокетничанія съ украинцами въ Галиціи, которую они считаютъ игрою съ огнемъ. Какъ бы то ни было, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ политическимъ разсчетомъ или политическимъ недомыслиемъ,—фактъ остается фактомъ. „Ukrainam esse delendam“!—этотъ постоянный рефренъ всѣхъ польскихъ политиковъ никогда, быть можетъ, не звучалъ такъ отчетливо, какъ при обсужденіи университетскаго вопроса.

Какъ ни велико, однако, политическое значеніе обостренія національныхъ отношеній въ Галиціи въ результатъ борьбы за украинскій университетъ, главное, сим-

птоматическое значеніе этой борьбы заключается не въ этомъ. Послѣ принятія коломъ извѣстной резолюціи „St. P.“ съ чувствомъ моральнаго удовлетворенія писало: „Національная мысль пока-что побѣдила. А вмѣстѣ съ тѣмъ остался нетронутымъ принципъ, что польско-украинскія дѣла должны рѣшаться въ краѣ, а не въ Вѣнѣ“. Какъ извѣстно, основная идея польской политики въ украинскомъ вопросѣ та, что украинскій вопросъ домашній, польскій вопросъ, который лучше всего, если бы поляки рѣшили сами. Въ крайнемъ случаѣ можно согласиться на посредничество Вѣны, но и то лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы безъ поляковъ, путемъ непосредственныхъ переговоровъ украинцевъ съ центральнымъ правительствомъ украинскія дѣла не рѣшались. Главною цѣлью украинцевъ было, напротивъ, добиться такъ-называемой „Reichsunmittelbarkeit“ ¹⁾ (государственной непосредственности),—права быть трактованными наравнѣ съ прочими націями, какъ граждане не Рѣчи Посполитой, а Австрійской имперіи. Университетскій вопросъ тѣмъ и важенъ, что онъ впервые, кажется, пробилъ брешь въ старой польской системѣ. Подчеркивая, что они требуютъ университета не отъ поляковъ, а отъ правительства, не признавая *junctim* въ университетскомъ вопросѣ и вопросѣ объ избирательной реформѣ въ краѣ,—украинцы ясно поставили принципъ „государственной непосредственности“. На эту же точку зрѣнія начинаютъ становиться и въ вѣнскомъ политическомъ мірѣ. Недавно „Die Zeit“ писала, что поляки могутъ лишь заботиться о гарантированіи польскаго характера львовскаго университета, а рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ, какъ и когда возникнетъ университетъ украинскій, зависитъ всецѣло отъ правительства. Вообще украинскій вопросъ, какъ это констатируетъ вся нѣмецкая пресса, пересталъ быть чисто галицкимъ вопросомъ. Онъ вошелъ въ такую стадію, когда компромиссы на основѣ легкихъ измѣненій въ существующемъ status quo — совершенно безрезультатны. Правительству остаются двѣ дороги. Одна,—рекомендуемая уже и теперь нѣкоторыми нѣмцами-политиками ²⁾,—дорога уступокъ украинцамъ. Это значить вооружить противъ себя

¹⁾ Въ старо-нѣмецкой имперіи Reichsunmittelbare назывались особы, подчиненные непосредственно императору и государству.

²⁾ См. P. Samassa, Völkerstreiten Habsburgerstaat. Leipzig, 1911.

поляковъ. Другая — продолжать старую полякофильскую политику. Это неизбежно приведетъ къ тому, что, подобно чешскому, украинскій вопросъ станетъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ орѣховъ австрійской государственности.

Какъ выпутается правительство изъ своего положенія? Врядъ ли кто-нибудь въ Австріи взялъ бы на себя благодарную задачу отвѣтить на этотъ вопросъ. Что касается украинскаго университета, то этотъ вопросъ находится въ такомъ положеніи, что откладывать его рѣшеніе становится совершенно невозможнымъ. О томъ колоссальномъ значеніи, которое будетъ имѣть украинскій университетъ, нечего говорить. Значеніе университета, — правда, въ наивныхъ словахъ, — прекрасно опредѣлили г. Вергунъ еще десять лѣтъ назадъ. Вотъ что писалъ онъ тогда въ „Славянскомъ Вѣкѣ“. „Разъ малорусское нарѣчіе станетъ языкомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ русскаго университета, такъ это уже не нарѣчіе, а научный языкъ, значить, и русскихъ литературныхъ языковъ не одинъ, а ихъ два!“ Дѣйствительно, трагическая ситуація... Для москвофиловъ настолько трагическая, что они просто-на-просто приглашаютъ Россію объявить войну Австріи (см. „Галичанинъ“, № 93, и „Прик. Русь“, № 760) для борьбы „съ абсурдной и весьма опасной для идеи національнаго единства русскаго народа заразы“ („Пр. Р.“, № 181, V—12).

Вся исторія борьбы галицкихъ украинцевъ чрезвычайно поучительна для насъ. Прежде всего она не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что всякія, хотя бы и самыя торжественныя постановленія основныхъ законовъ о правѣ націи на самоопредѣленіе такъ же мало въ состояніи создать націю, какъ проекты г. Пихно декретировать несуществованіе какой-нибудь націи въ состояніи фактически вычеркнуть ее изъ списка живыхъ. Эти бумажныя постановленія о правахъ націи только тогда и постольку станутъ фактомъ, поскольку данной націи присуща энергія и воля къ жизни. Кромѣ того, исторія борьбы за украинскій университетъ въ сотый разъ доказываетъ, что въ политикѣ играетъ не сила аргумента, а аргументъ силы. Пока украинскіе студенты изъ года въ годъ посылали меморіалы и петиціи министрамъ, послѣдніе, несмотря на всю логичность и краснорѣчіе присылаемыхъ документовъ,

оставались глухи къ требованіямъ украинскаго студенчества. Какъ только, однако, украинцы прибѣгли во Львовѣ къ болѣе рѣшительнымъ способамъ борьбы, а въ парламентѣ началась украинская обструкція, грозившая отложить въ долгій ящикъ всѣ такъ-называемыя „Staatsnotwendigkeiten“, моментально весь кабинетъ и почти всѣ политическія партіи убѣдились въ справедливости украинскихъ желаній. Теперь врядъ ли найдется въ вѣнскомъ парламентѣ человѣкъ, принципиально не признающій за украинцами права на свой университетъ. И подумать только, что какихъ-нибудь 50 лѣтъ еще тому назадъ въ Галиціи велись серьезные разговоры на тему: нація ли украинцы или нѣтъ, а польскіе Струве доказывали, что украинскій языкъ лишь нарѣчіе польскаго!

Плохое предзнаменованіе для россійскихъ Струве—правыхъ и лѣвыхъ.

Бросая взглядъ назадъ на всю исторію университетской борьбы, съ увѣренностью можно сказать, что не мы, а поляки проиграли ее. Украинцы добились признанія права на свой университетъ, а въ ближайшемъ будущемъ это право реализуютъ. Поляки даже своихъ друзей заставили сомнѣваться въ наличности у нихъ какого бы то ни было государственнаго смысла. Того государственнаго смысла, который одинъ лишь можетъ гарантировать одной націи длительное господство надъ другой.

И тѣмъ хуже не для насъ, а для поляковъ, если украинцамъ до сихъ поръ, въ XX столѣтіи приходится обращаться къ нимъ со словами, написанными еще при существованіи Рѣчи Посполитой Коллонтаемъ: *Treba choci-aż popiołom tych, którzy układali konwecyę hadiacką, dotrzumac wiary*“...

P.S. Письмо было уже написано, когда въ тактикѣ Украинскаго Союза въ парламентѣ произошелъ совершенно неожиданный поворотъ. Послѣ того какъ правительству стало извѣстно отрицательное отношеніе Союза къ проекту императорскаго рескрипта, украинцамъ было обѣщано за прекращеніе обструкціи оглашеніе отъ имени правительства соотвѣтственной деклараціи по университетскому вопросу. Декларація, составленная въ духѣ желаній Украинскаго Союза, должна была стать новымъ базисомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Еще 31-го мая, Украинскій Союзъ, ознакомившись съ главными положеніями „декларациі“, призналъ ее непріемлемой, а на другой день, 1-го (14) іюня, обструкція была прекращена, и министр народнаго просвѣщенія Гусарекъ прочелъ въ бюджетной комиссіи свою „декларацию“.

Главные пункты „декларациі“ сводятся къ слѣдующему:

1) Будетъ изданъ императорскій рескриптъ объ украинскомъ университетѣ, о чемъ уже выше была рѣчь. 2) Срокъ основанія университета, по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, сокращается. 3) Количество украинскихъ доцентовъ въ существующемъ университетѣ будетъ постепенно увеличиваться. Въ общемъ, существующій „etap посеганс“ украинцевъ въ существующемъ университетѣ—впредь до основанія новаго—не можетъ быть уменьшенъ. 4) Мѣсто учрежденія университета должны опредѣлить законодательныя палаты. Поручкою, что обѣщанія правительства будутъ осуществлены, должна служить форма, въ которой эти обѣщанія будутъ изданы: императорскій рескриптъ.

Такова декларация правительства. Прежде всего та „абсолютная гарантія“ осуществленія обѣщаній правительства, каковую долженъ дѣлать императорскій рескриптъ, не представляется намъ уже столь абсолютною. Вся исторія Австріи послѣднихъ шестидесяти четырехъ лѣтъ, полная данныхъ нарушенныхъ присягъ, не позволяетъ намъ предаваться въ этомъ отношеніи излишнему оптимизму. Однако, наиважнѣйшимъ недостаткомъ декларациі является вопросъ о мѣстѣ университета. Отдать рѣшеніе этого вопроса всецѣло на волю парламента при настоящемъ соотношеніи силъ въ рейхсратѣ значить или совершенно утратить возможность когда-либо получить университетъ во Львовѣ, или достигнуть этого цѣною очень важныхъ уступокъ. Поэтому позиція, занятая въ этомъ вопросѣ Украинскимъ Союзомъ на засѣданіи 22-го мая, представляется намъ болѣе правильной. Тогда Украинскій Союзъ постановилъ, что „распоряженіе объ учрежденіи будущаго украинскаго университета безъ обозначенія Львова какъ мѣста нахожденія университета непріемлемо для украинской націи“.

Кромѣ того, сомнительно, удастся ли устранить новымъ проектомъ iunctim между учрежденіемъ университета и украинской обструкціей въ сеймѣ. Нѣсколько туманныхъ словъ

министерской деклараціи по поводу этого вопроса поляки уже интерпретируютъ такимъ образомъ, что, по мнѣнію правительства, учрежденіе украинскаго университета немыслимо безъ прекращенія украинской обструкціи въ сеймѣ. Такъ по крайней мѣрѣ высказался органъ польскаго кола въ Вѣнѣ „Polnische Korrespondenz“.

Переговоры, опять начатыя между коломъ польскимъ, Украинскимъ Союзомъ и правительствомъ, покажутъ, сыграли ли только-что окончившаяся украинская обструкция въ университетскомъ вопросѣ хоть какую-нибудь роль или нѣтъ. Эти же переговоры покажутъ, насколько правильно поступилъ Украинскій Союзъ прекращая обструкцію и выпуская изъ рукъ такое важное для парламентскаго меньшинства, оружіе въ борьбѣ за права своего народа.

Обструкция прекратилась не только въ комиссіяхъ. Нѣсколько дней спустя, 5-го іюня, Украинскому Союзу было прочитано министромъ внутреннихъ дѣлъ бар. Гайнольдомъ „письмо“ сѣдующаго содержанія:

„Его величество императоръ, котораго сначала удивило отношеніе украинцевъ къ военному законопроекту, съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію, что Украинскій Союзъ въ надлежащій моментъ измѣнилъ свое намѣреніе и занялъ болѣе примирительную позицію, соответствующую важности вопроса. Его величество императоръ, увѣренный въ патріотизмъ украинскаго народа и его вѣрности монарху, не сомнѣвается, что его представители и въ будущемъ не измѣнятъ своей политики относительно военнаго законопроекта“.

Это письмо произвело необыкновенное впечатлѣніе, и не только на украинцевъ, которые въ отвѣтъ на него объявили, что не только не будутъ производить обструкціи въ „пленумѣ“, но даже будутъ голосовать за военный законопроектъ. Страшное недовольство вызвало письмо въ польскомъ колѣ. Поляки, которые узнали о „письмѣ“, только послѣ его появленія, совершенно справедливо увидѣли въ самомъ фактѣ появленія „письма“, нарушеніе одного изъ основныхъ принциповъ австрійской политики въ Галиціи,— принципа, по которому ни одинъ правительственный актъ, такъ или иначе касающійся украинцевъ, не можетъ появиться безъ вѣдома и согласія поляковъ.

Не въ состояніи было успокоить поляковъ другое пись-

мо императора, по адресу кола польскаго. И дѣйствительно, письмо императора представляет собою акт совершенно исключительнаго характера. Всѣ газеты на всѣхъ австрійскихъ языкахъ ломають себѣ голову надъ вопросомъ: что за причины побудили правительство выдать *Fleiszettel* незначительной партіи въ парламентѣ, которая къ тому же какъ-разъ была единственной ставившей серьезныя препятствія военному законопроекту. Трудно понять, какія причины могли заставить правительство прибѣгнуть къ такому исключительному способу давленія на обструкціонующихъ украинцевъ, когда въ парламентарныхъ кругахъ были почти увѣрены, что въ „пленумѣ“ украинцы все равно продолжать обструкцію не будутъ.

Очевидно, причины изданія императорскаго письма были другія. И мы едва ли будемъ далеки отъ истины, утверждая, что этихъ причинъ нужно искать не въ интересахъ внутренней политики Австріи. Императорское письмо, хотя адресованное украинцамъ, прочтутъ и за границами Австріи, въ особенности же въ столицѣ той изъ „дружественныхъ“ Австріи державъ, гдѣ очень внимательно слѣдятъ за австрійской политикой въ Галиціи. Прочитанное тамъ, „письмо“, которое нѣкоторые разсматриваютъ какъ первую попытку примирить галицкихъ украинцевъ съ австрійскою государственностью, не было бы лишено извѣстнаго заходящаго за границы Габсбургской имперіи значенія. Хотя, конечно, скороспѣлыя заключенія, дѣлаемыя по поводу появленія „письма“—объ измѣненіи всей системы австрійской политики въ Галиціи,—врядъ ли имѣютъ какое-либо основаніе.

Если бы авторы „письма“ дѣйствительно такъ его понимали и если бы польское коло не случайно не было поставлено въ извѣстность объ его предстоящемъ оглашеніи, тогда мы имѣли бы право утверждать, что австрійское правительство, повидимому, начало сознавать непримиримое противорѣчіе между иностранной политикой государства и того *raison d'état*, которая до сихъ поръ господствуетъ въ Галиціи.

Это обстоятельство, а также нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи парламента къ польско-украинскому спору и тѣ незначительныя уступки, которыя правительство сдѣлало украинцамъ въ „деклараци“,—вотъ положительные результаты украинской обструкціи.

Дм. Донцовъ.

На текущія темы.

Импровизированные арабы и увеличеніе доходности.—На знаменахъ и въ дѣйствительности.—*Cui prodest?*—„Съ петербургскаго Синая“.—Злой геній современности и маленькая коллекція современныхъ анекдотовъ.—О безграмотности.—Невознаградимая затрата.

Львовскому университету,—тому самому, въ которомъ и профессора, и студенты больше блюдутъ, чтобы не потерпѣлъ ущерба польскій „*Stan posiadania*“, чѣмъ учатся,—грозитъ новая національная опасность. Опасность эта появилась съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ее ожидать: внезапно произошелъ наплывъ... арабовъ въ среду студенчества этого многострадальнаго университета¹⁾. Почему? Откуда? Зачѣмъ? *Quo modo? Quibus auxiliis?*—какъ говорили въ доброе старое время ученые люди. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно непостижимо, гдѣ набралось въ Галичинѣ такое количество арабовъ, которое способно было бы вызвать патріотическій испугъ, создавъ опасность для польскаго „*Stan posiadania*“? А если это пришлый элементъ, то почему онъ возлюбилъ именно львовскій, въ научномъ отношеніи довольно бесплодный, чтобы не сказать болѣе, университетъ? Это одна изъ современныхъ загадокъ, разъясняющаяся только по нѣкоторымъ знакомствѣ съ національными отношеніями въ Галичинѣ и тѣмъ положеніемъ, которое такъ отстаиваетъ тамъ господствующая нація, въ своемъ націонализмѣ не уступающая слишкомъ знакомымъ намъ поборникамъ истинно-русской идеи.

Ларчикъ, въ сущности, открывается весьма незамысловато. Студенты львовскаго университета евреи обратились къ ректору съ заявленіемъ, чтобы ихъ записывали въ университетскихъ документахъ лицами еврейской національности. Повидимому, что можетъ быть естественнѣе такого желанія,—по крайней мѣрѣ у насъ, гдѣ патріоты своего отечества изловчились до седьмого колѣна распознавать еврейскую кровь, это наизаконнѣйшее желаніе было бы ми-

¹⁾ „Рада“, 1912, № 65.

гомъ удовлетворено и евреевъ прекрасно бы разъяснили на основаніи процентной нормы. Но въ Австріи таковой, къ большому сожалѣнію патріотовъ австрійскаго отечества, не существуетъ. Существуетъ, наоборотъ, законъ, не признающій евреевъ отдѣльной націей, а милостиво предоставляющій имъ по желанію именоваться нѣмцами, чехами или поляками „іудейскаго исповѣданія“. И ректоръ-законникъ, конечно, отказалъ евреямъ въ правѣ именоваться евреями. Но такъ какъ въ Австріи никому не возбраняется именовать себя арабомъ, то евреи, протестуя противъ законнаго насилія ректора, начали записываться арабами, лишь бы избѣжать насильственного причисленія къ польской національности.

Импровизированнымъ арабамъ львовскаго университета удалось проломить націоналистическую стѣну и выйти на свободу, хотя и съ нѣкоторымъ ущербомъ, такъ какъ подъ чужимъ паспортомъ. При настойчивомъ желаніи это всегда удастся, хотя и всегда, конечно, сопряжено съ болѣе или менѣе значительными жертвами. Вотъ другой примѣръ. Волынской архіепископъ во славу истинно-русскаго націонализма воспретилъ браки православныхъ съ католиками. На Волыни, какъ извѣстно, проживаетъ довольно много крестьянъ-католиковъ, по языку, обычаямъ и образу жизни ничѣмъ не отличающихся отъ своихъ сосѣдей-православныхъ. И тѣ, и другіе—украинцы, живутъ „по-сосѣдски“, и браки между ними—обычное явленіе. Но вотъ вышло упомянутое запрещеніе, и это, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Рады“, очень выгодно отразилось на бюджетѣ духовенства сосѣдней подольской епархіи. Въ послѣдней смѣшанные браки не воспрещены, и подольскіе батюшки тотчасъ учли свое въ нѣкоторомъ родѣ привилегированное по сравненію съ волынскими положеніе, возвысивъ цѣну за таинство брака до 50—100 рублей и даже болѣе ¹⁾. Для крестьянина это, можетъ быть, нѣсколько дорого, но для торжества православія что значить такая жертва со стороны католическаго населенія?..

Подобными примѣрами въ буквальный смыслъ хоть прудъ пруди,—столько даетъ ихъ наша нынѣшняя, націоналистическая по преимуществу, дѣйствительность. Приводить ихъ въ большомъ количествѣ было бы совершенно

¹⁾ „Рада“, 1911 г., № 291.

излишне, ибо каждый может подобных же случаев сколько угодно припомнить из своей личной практики. Можно поэтому ограничиться двумя вышеприведенными примѣрами, чтобы разобратся въ нелишнемъ интереса вопросѣ: кому нужны націоналистическія мѣропріятія и каковы ихъ непосредственные результаты? Ректоръ-націоналистъ, запрещая евреямъ именоваться евреями, дѣйствовалъ, конечно, на пользу и во славу польскаго націонализма и ни въ коемъ случаѣ не желалъ содѣйствовать увеличенію арабскаго населенія. Точно также и волынской владыка, нужно полагать, имѣлъ въ виду лишь торжество православія и истинно-русскихъ началъ, и, навѣрное, ему и въ голову не приходило о возможности увеличенія отъ придуманной имъ комбинаціи причтовыхъ доходовъ и притомъ въ сосѣдней епархіи. Однако, въ результатѣ націоналистическихъ мѣропріятіи какъ-то само собой, нечаянно получилось не приумноженіе польскаго населенія въ Галичинѣ и не торжество православія и истинно-русскихъ началъ, а нѣкоторое, хотя и номинальное, приращеніе арабской національности и вполнѣ реальное приумноженіе доходовъ подольскихъ батюшекъ. Результаты не соотвѣтствуютъ ни намѣреніямъ, ни затраченнымъ усиліямъ и сказываются совершенно неожиданными явленіями въ совершенно иной плоскости. Какое, спрашивается, дѣло ректору львовскаго университета до несуществующихъ въ Галичинѣ арабовъ или волынскому преосвященному до бюджета духовенства чужой епархіи,—а между тѣмъ на этихъ абстрактныхъ арабовъ и это чужое духовенство падаютъ вполнѣ неожиданно выгоды націоналистической политики, минуя непосредственно заинтересованныхъ, ради которыхъ собственно и предпринимались тѣ или иные практическіе шаги. Получается въ концѣ-концовъ, что націоналистическіе замыслы даютъ въ результатѣ или круглый нуль, или же скромную, но вполнѣ реальную выгоду для отдѣльных классовъ или даже лицъ, для которыхъ она вовсе не предназначалась.

Въ этомъ заключается основной порокъ всѣхъ вообще націоналистическихъ замысловъ, рождающихся среди націй, національной жизни которыхъ ничто не угрожаетъ. Замыслы эти никогда не достигаютъ непосредственной цѣли, ради которой якобы возникаютъ, всегда размѣниваясь на рядъ мелкихъ, постороннихъ цѣлей, распыляясь гораздо

ранѣ достиженія какого-нибудь результата. Принципъ, ради котораго они вводятся въ жизнь, никогда не получаетъ поддержки, но люди, около этого принципа кормящіеся, всегда сумѣютъ извлечь мимоходомъ нѣкоторую выгоду для себя лично. На знаменахъ гордо развѣвается: „благо націи“, „торжество истинно-русскихъ началъ“, „борьба съ засильемъ“, но на практикѣ эти гордые лозунги роковымъ образомъ превращаются въ нуль для націи и торжество для лицъ, сумѣвшихъ присосаться къ знаменамъ. Больше ничего съ точки зрѣнія интересовъ господствующей націи не получается. Зато по адресу подозреваемыхъ въ томъ или иномъ „засильѣ“ и потому съ чистою совѣстью угнетаемыхъ возникаетъ могучее средство еще большаго угнетенія. Что касается послѣдняго, то результаты націоналистической политики несомнѣнны и настолько значительны, что въ суммѣ даютъ громадное общественное зло, въ нѣкоторомъ родѣ социальное бѣдствіе, послѣдствія котораго въ настоящее время трудно даже придумать и учесть во всей полнотѣ ихъ. Противоестественно зародившійся и ненормально разбухшій націонализмъ господствующихъ націй, выражающійся исключительно актами насилія и произвола, лишенный совершенно творческихъ силъ и ограничивающійся разрушительнымъ вліяніемъ на уже сложившіяся отношенія, является, можно сказать, злымъ гениемъ современности. Вліяніе этого злого генія сказывается буквально во всѣхъ сферахъ современной жизни, и внимательному наблюдателю ея не приходится даже выискивать иллюстрацій для этого, такъ какъ онѣ сами бросаются въ глаза, переплетаясь въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ, являясь въ самыхъ изысканныхъ формахъ, придающихъ имъ зачастую анекдотическій характеръ. Одна бѣда: слишкомъ дорого обходятся эти современные анекдоты...

Читатель, навѣрное, помнитъ восторженный гимнъ великаго мастера слова русскому языку: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Воистину такъ!—повторите вы вслѣдъ за Тургеневымъ, такъ какъ знаете, что языкъ Тургенева,—вели-

кій, могучій, правдивый и свободный" языкъ,—не силился стать таковымъ за счетъ другихъ языковъ: онъ самъ по себѣ великъ. Но вотъ г. Струве уже этимъ не удовлетворяется: для него русскій языкъ великъ по инымъ основаниямъ,—какъ нѣкоторая „аристократическая верхушка—потому что на немъ творили великіе художники слова, добытчики нашей міровой славы, на немъ съ петербургскаго Синая изрекало свою волю великодержавное государство“¹⁾. И къ этимъ восторгамъ, такимъ образомъ выраженнымъ, вы, несомнѣнно, отнесетесь уже гораздо сдержаннѣе, если не совсѣмъ отрицательно. Слишкомъ уже бьетъ въ глаза „задаваніе“ дурного тона, безцеремонно и назойливо тыкающее вамъ своимъ превосходствомъ. Тѣмъ болѣе, если отъ этого напыщеннаго „петербургскаго Синая“ вы перейдете къ мелкой, повседневной практикѣ, особенно у насъ, на Украинѣ, богатой иллюстраціями, во что обращается „великій, могучій, правдивый, свободный“ языкъ.

„Съ петербургскаго Синая великодержавное государство“ изрекло между прочимъ такую свою неизмѣнную волю и въ послѣднее время неоднократно ее подтвердило, чтобы на Украинѣ вся общественная жизнь, всѣ публичныя учрежденія, всѣ присутственныя мѣста, всѣ школы пользовались исключительно русскимъ языкомъ. Въ силу необходимости принуждено этимъ языкомъ въ официальныхъ случаяхъ пользоваться и населеніе. И пользуется. И получается не тотъ языкъ, которымъ по справедливости восторгался такой художникъ слова, какимъ былъ Тургеневъ, а нѣчто до такой степени уродливое, чудовищное и гнусное, чему нѣтъ на человѣческомъ языкѣ достаточно выразительнаго имени. „Просятъ повернуть Сибѣ на лѣво“. „Чичась суда переходитъ портной мѣдникъ“. „Стрижеть и брѣть бородавка“. „Ноголечебныя кабинетъ. Ортопедическій сапожникъ. Лечить посредствомъ обуви всѣхъ болѣзней ноги“²⁾. Это маленькая коллекція изъ вывѣсокъ въ губернскомъ городѣ Житомирѣ, гдѣ администрація неукоснительно блюдетъ, дабы вывѣски были на русскомъ, а не на инородческихъ языкахъ. „Когда я хотѣлъ ити въ школу меня не пускали я зачалъ просить матери и они

¹⁾ „Русская Мысль“, 1912, кн. I, стр. 79.

²⁾ „Рада“, 1911, № 271.

меня пустили. Когда мы пришли на елку мы осматривали ее при свѣтломъ видѣ. Потомъ заткали окна и зажгли на елкѣ свѣчи и мы тогда осматривали при огненномъ видѣ" ¹⁾). Это пишетъ оканчивающій школу ученикъ, который, слѣдовательно, достигъ уже вѣнца своихъ познаний въ русскомъ языкѣ и едва ли будетъ въ состояніи пойти въ нихъ впередъ, а не назадъ. По крайней мѣрѣ, опытъ показываетъ, что сплошное большинство украинской грамотной массы говорить и писать по-русски не лучше, а хуже приведенныхъ примѣровъ, что русскій языкъ, прививаемый обрусительной школой, солдатчиной, официальными учрежденіями, вліяніемъ образованныхъ словей и т. д., обнаруживаетъ всѣ признаки вырожденія и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, свидѣтельствующаго объ упадкѣ всего мыслительнаго аппарата, орудіемъ котораго является живое слово. Это опасность, о которой дѣйствительно стоитъ подумать и по сравненію съ которой ливовскіе арабы лишь невинная шутка.

Безграмотность денационализующейся массы не является той чисто внѣшней безграмотностью, которая свидѣлствуетъ лишь о томъ, что данное лицо не усвоило извѣстныхъ грамматическихъ правилъ,—послѣднее вѣдь не препятствуетъ проявляться особенному чутью, духу языка, сообразоваться съ тѣми его требованіями, которыя всасываются съ молокомъ матери. Наоборотъ, замѣчено, что лица, совершенно неграмотныя и благодаря этому не подвергшіяся денационализаторскимъ вліяніямъ, говорятъ обыкновенно правильнымъ, красочнымъ, въ высшей степени образнымъ и живымъ языкомъ. Въ данномъ случаѣ безграмотность проникаетъ глубже и охватываетъ проявленія всей духовной жизни денационализированнаго субъекта; это органическая безграмотность, безграмотность духа, обезпложивающая творчество человѣка. Ни школа, ни всѣ иныя вліянія во всей своей совокупности не въ состояніи вытравить изъ души украинца всосанное имъ съ молокомъ матери,—они лишь внушаютъ презрѣніе къ этому неоцѣненному наслѣдію и въ замѣну даютъ нѣсколько десятковъ, въ лучшемъ случаѣ сотенъ, чужихъ словъ, которыми и предлагается выражать всѣ человѣческія понятія. Недостающее черпается по необходимости изъ того же запаса родного

¹⁾ „Рада“, 1912, № 14.

языка, но въ такомъ истерзанномъ и искалѣченномъ видѣ, который у людей со вкусомъ и съ чутьемъ языка можетъ вызвать лишь крайнее отвращеніе. Извѣстны особенно ходкія слова вкусившаго отъ плодовъ обрусенія украинца: скрозь (укр. скрізь—вездѣ) и образованное по типу этого извѣстнаго ему органически вездѣ, вонь (смѣшеніе великорусск. онъ и украинск. він), жонка (укр. жінка и великорусск. жена) и т. д. безъ конца, которыми пестритъ рѣчь такого украинца. Что можетъ онъ дать на этой убогой и отвратительной смѣси двухъ языковъ, недостаточной для выраженія даже повседневныхъ понятій,—онъ, который на каждомъ шагу запинается, инстинктивно чувствуя, какъ обрывается связь между его мыслями и словами? Поставить въ такое положеніе человѣка вѣдь это въ буквальномъ смыслѣ значить „выѣсть“, говоря словами Успенскаго, душу изъ него, опустошить сознаніе, оставивъ обладателя такого опустошеннаго сознанія „аки трость вѣтромъ колеблиму“ на жертву всѣмъ мимоидущимъ вліяніямъ. Упадокъ духовной жизни, творчества и оригинальности, умственная и нравственная неустойчивость, подверженность всѣмъ преходящимъ, большею частью губительнымъ вліяніямъ—вотъ результаты такой обезличивающей политики. Плоды ея въ украинской деревнѣ сказываются съ каждымъ днемъ ярче. Съ одной стороны, упадокъ родного творчества, съ другой—все растущее на почвѣ солдатско-лакейской цивилизаціи циническое хулиганство и полное безразличіе къ истинно-человѣческимъ запросамъ,—вотъ неразлучные спутники проникающаго сюда обрусенія. Политика, задающаяся цѣлью разводить ублюдковъ, иныхъ результатовъ, конечно, и не можетъ дать. Ублюдочныя, нежизнеспособныя, отвратительныя формы жизни—вотъ предъ какой опасностью стоимъ мы и, сами того не замѣчая, подталкиваемъ къ ней народъ да еще и восторгаемся распространеніемъ въ народѣ грамотности, за весьма немногими исключеніями приводящей въ сущности къ сугубой, квалифицированной безграмотности, опошленію и оподленію всего нравственнаго существа народа. „Вѣдь это тебя нарочно исказили. Вѣдь это тебя нарочно приучили, чтобы душу у тебя вынуть, а ты и не видалъ этого?“—вспоминается вопросъ одного изъ героев Успенскаго. И этотъ вопросъ въ особенности умѣстенъ по отношенію къ такъ-называемой общерусской интеллигенціи на

Украинѣ, вольно и невольно содѣйствующей обрусенію и, значитъ, опощленію и оподленію украинскаго народа.

„Не хочу ломать русскаго языка малороссійскимъ, ибо вездѣ смѣются, что мы не умѣемъ говорить правильно по-русски“¹⁾,—вотъ обычное оправданіе пассивныхъ обрусителей изъ „общества“. Они, видите ли, блюдутъ чистоту языка, котораго въ сущности тоже не знаютъ; они такъ чувствительны къ насмѣшкамъ по поводу этого незнанія... Скажите, пожалуйста, какая трогательная заботливость и какая институтская чувствительность! „Да вы бросьте этотъ хамскій языкъ! Это языкъ хамовъ, невѣжды,—культурные же люди всегда говорятъ по-русски“²⁾,—уже со злостью кричитъ обруситель активный, въ своемъ поистинѣ хамскомъ самоотверженіи не стѣсняющійся цѣловать туфлю чужой культуры только потому, что она чужая. Обратите только вниманіе на эти ходячіе аргументы людей изъ такъ-называемаго общества на Украинѣ. Какъ можно говорить о какомъ-нибудь самоуваженіи, чувствѣ собственнаго достоинства, безъ котораго не можетъ быть и чувства гражданственности, въ виду подобнаго настроенія? И эти люди съ опустошенной душой предъявляютъ претензіи на то, чтобы продѣлать ту же операцію и надъ народомъ. И продѣлываютъ... Вѣдь, примѣръ, заразителенъ,—и неудивительно, что воспитанники этихъ господъ, получившіе образованіе въ казармахъ и оказармленныхъ школахъ, въ духовной опустошенности соперничаютъ со своими воспитателями.

Къ счастью, далеко не всѣ; къ счастью, далеко не вездѣ и не всегда люди изъ народа проникаются лакейскими соображеніями; къ счастью, народная стихія въ цѣломъ упорно отстаиваетъ свое не только національное, но и просто человѣческое достоинство, сопротивляясь организованному походу съ цѣлью вынуть у него душу и замѣнить ее выработанной въ разнообразныхъ обрусительныхъ лабораторіяхъ трафареткой. И этотъ благородно-консервативный процессъ сохраненія жизни получаетъ въ послѣднее время все усиливающуюся поддержку въ видѣ проникающей въ нашу деревню украинской книги, газеты и вообще дѣятельности національно сознательной интеллигенции.

1) „Рада“, 1912, № 23.

2) „Рада“, 1912, № 120.

Предо мной лежить цѣлая кipa газетныхъ и иныхъ со-общеній о томъ, какъ благотворно вліяетъ на народныя массы этотъ новый факторъ общественной жизни, какъ подъ его вліяніемъ очень часто перерождаются даже тѣ, которые уже претерпѣли-было болѣзненную операцію опустошенія сознанія. Къ сожалѣнію, мнѣ не остается уже достаточно мѣста, чтобы использовать этотъ матеріалъ здѣсь полностью, и я ограничусь лишь однимъ изъ многихъ голосомъ изъ среды такихъ прозрѣвшихъ людей. „Наша молодежь,—пишутъ, напр., въ газету „Світова Зірниця“ съ хутора Ново-Владимірки Харьковской губ.,—проводившая прежде все свободное время за картами и бездѣльемъ, теперь сидитъ дома надъ листкомъ газеты и читаетъ строка за строкой, не опуская ничего. Есть и такіе, которые, прочитавъ газету, берутся за перо и пишутъ каждый своей редакціи, что кому придетъ на мысль. И такъ изъ насъ нѣсколькихъ выходитъ какъ одинъ человекъ. А отчего мы становимся такими дружными, живемъ одной мыслью? Отъ этихъ самыхъ газетъ, которыя учатъ насъ всему, чему только можетъ научить человекъ человека. Эти газеты—онѣ для насъ какъ отецъ и мать: онѣ наши совѣтчики добрые¹⁾. Въ трогательно-непосредственной формѣ, къ слову сказать, очень потерявшей въ своей красочности вслѣдствіе перевода, здѣсь ярко отмѣчена та громадная роль возрожденія собственного достоинства, очеловѣченія, связыванія распыленной массы въ единомушный организмъ, воспитыванія гражданственности, какую выполнять въ настоящее время дѣятельность національно сознательныхъ людей. Сравните только эту скромную дѣятельность съ крикливыми заявленіями обрусителей, ея плоды съ отмѣченными выше результатами денационализации и вы ясно почувствуете, гдѣ пролегаетъ для украинскаго народа путь настоящаго развитія.

Медленно двигается онъ этимъ путемъ, неся огромныя жертвы, платя тяжелую подать фетишу неосмысленной государственности и націоналистическимъ капризамъ. Жертвы эти, изнуряя и ослабляя народный организмъ, вполне бесплодны для націонализма господствующей народности. Мы видѣли, во что обращается „великій, могучій, правди-

¹⁾ Цит. по „Радѣ“, 1912, № 18.

вый и свободный русскій языкъ“ въ устахъ денационализированной, потерявшей собственную устойчивость массы. Передъ нами прошли примѣры безграмотности духа, вызванной націоналистическими претензіями „обрусить все нерусское“. Мы остановились, наконецъ, на тѣхъ жертвахъ, которыя приносятъ украинскій народъ принципу обрусенія,—жертвахъ, бесплодныхъ даже для самого обрусенія и дающихъ, быть можетъ, реальную выгоду лишь отдѣльнымъ рыцарямъ его, строящимъ на этихъ жертвахъ свои матеріальные и курьезные разсчеты. Съ другой стороны, мы видѣли и значеніе истинно-просвѣтительной дѣятельности, въ основу которой заложено уваженіе къ національному и человѣческому достоинству народа, и которая потому поднимаетъ его въ собственныхъ глазахъ, приводитъ его къ самоуваженію и истинной гражданственности. Позволительно спросить въ заключеніе, ради чего приносятся указанныя жертвы и не лучше ли считающимъ себя выше народа по образованію и развитію разъ навсегда покончить съ глупымъ и вреднымъ предразсудкомъ, раздѣляющимъ народности на культурныя и некультурныя, причемъ послѣднія обязаны служить навозомъ для первыхъ, поступаясь всѣмъ своимъ исторически сложившимся и выстраданнымъ строемъ? Кромѣ всего прочаго, послѣднее вѣдь и невозможно, принадлежа къ числу поистинѣ „безмысленныхъ мечтаній“,—для чего же въ немъ упорствовать?

„Каждый человѣкъ, оставившій Украину, каждая копейка, истраченная не на украинское дѣло, каждое слово, сказанное не по-украински, является затратой изъ украинской мужицкой сокровищницы,—затратой, которая при настоящихъ условіяхъ обратно въ нее не возвратится“,—писалъ десятилѣтія тому назадъ Драгомановъ. Пора, наконецъ, прекратить это безмысленное мотовство, эту ничѣмъ не оправдываемую расточительность, производя никому ненужныя и невознаградимыя затраты, притомъ, въ сущности, за чужой счетъ.

С. Ефремовъ.

Обзоръ украинской жизни.

Борьба за украинскій университетъ.—Фальсификація исторіи и фальсификація дѣйствительности.—Холмскій вопросъ.—Частная школа и украинскій языкъ.—Житомирская „Просвіта“.—Конференція к.-д. и украинцы.

Борьба за университетъ отодвинула на второй планъ всѣ другіе вопросы украинской жизни въ Галичинѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящая за всѣми перипетіями этой борьбы украинская пресса Галичины едва удѣлила вниманіе, напримѣръ, напечатанному въ буковинской социаль-демократической газетѣ „Борьба“ письму бывшаго тюремнаго надзирателя Семена Пилипчука, уѣхавшаго въ Америку и теперь раскрывающаго тайну побѣга изъ станиславской тюрьмы студента-украинца Мирослава Сичинскаго, осужденнаго за убійство намѣстника Галичины гр. Потоцкаго. Пилипчукъ пишетъ, что онъ поступилъ надзирателемъ въ тюрьму специально для того, чтобы устроить Сичинскому побѣгъ, такъ какъ признавалъ это для себя нравственнымъ долгомъ. Сичинскаго онъ освободилъ единолично, безъ участія кого-либо другого, и вывелъ изъ тюрьмы, переодѣвъ въ форму тюремнаго надзирателя. Это признаніе даетъ формальный поводъ для пересмотра дѣла о побѣгѣ Сичинскаго, по которому были осуждены непричастные къ нему, по словамъ Пилипчука, надзиратели Нуда и Тарновскій.

Благодаря той же борьбѣ за университетъ даже такой важный фактъ, какъ уходъ со своего отвѣтственного поста галицкаго маршалка гр. Бадени, не желающаго принимать на себя отвѣтственность за результаты обостренной борьбы, которая ведется въ сеймѣ между представителями украинскаго народа и своекорыстныхъ польскихъ партій, и замѣщеніе его консерваторомъ гр. А. Голуховскимъ, привлечь меньше вниманія, чѣмъ это было бы въ обычное время.

Университетскій вопросъ, это—альфа и омега настоящаго момента галицкой жизни. И это естественно. Въдь, въ борьбѣ за украинскій университетъ рѣшается карди-

нальнѣйшій вопросъ всей украинской жизни. Насколько украинство понимаетъ всю огромную важность этой борьбы, можно видѣть изъ того, что къ ведущимъ кампанію за украинскій университетъ въ парламентѣ галицкимъ депутатамъ-украинцамъ присоединились и украинскіе депутаты Буковины и даже украинство Россіи начинаетъ интенсивно откликаться на эту борьбу. Такъ, по этому поводу высказалось уже украинское общество Харькова, Одессы, Кіева и ряда меньшихъ городовъ (Балты, Кролевца и др.). Конечно, впереди идетъ украинская молодежь. Привѣты борцамъ за украинскій университетъ посланы харьковской украинской студенческой громадой, одесскими студентами-украинцами, кіевскими, петербургскими студентами. Это движеніе сочувствія захватило и народныхъ учителей, даже учащихся среднихъ школъ и, — что особенно знаменательно, — крестьянъ и рабочихъ (напримѣръ, кіевскіе рабочіе-украинцы выразили свое сочувствіе, и къ нимъ присоединились кіевскіе рабочіе другихъ національностей). Въ послѣднее время цѣлый рядъ сочувственныхъ писемъ, покрытыхъ массой подписей, печатается на страницахъ „Рады“ и „Діла“.

Такимъ образомъ, борьба за украинскій университетъ принимаетъ значеніе не спеціально галицкаго вопроса, а общенациональнаго, каковымъ она и на самомъ дѣлѣ является.

Въ настоящее время вопросъ можно считать принципиально рѣшеннымъ.

Учрежденіе украинскаго университета обезпечено. А это идетъ совершенно вразрѣзъ съ желаніями поляковъ, которые откровенно заявляютъ, что Галиція отъ Сяна до Днѣстра подлежитъ полонизаціи. Въ своемъ стремленіи къ ополяченію Львова польскіе шовинисты не останавливаются ни передъ чѣмъ, даже передъ подтасовками и фальсификаціей. Такъ, они фальсифицировали исторію, утверждая, что львовскій университетъ ведетъ начало отъ той іезуитской коллегіи, которой въ 1661 г. королемъ Яномъ-Казиміромъ были даны права академіи¹⁾; когда же эта фальсификація была раскрыта въ парламентѣ украинцами, внесшими запросъ по поводу празднованія 250-лѣтія львовскаго университета, то поляки начали изворачиваться и устами проф. Гломбинскаго заявили, что-де львовскій

¹⁾ См. ниже замѣтку „Кто основалъ львовскій университетъ“.

университетъ имѣеть связь съ іезуитской коллегіей по духу... Но на подлогахъ относительно историческихъ событій шовинисты обыкновенно не останавливаются, дополняя свою дѣятельность подлогами въ текущей жизни. Такъ, польскіе дѣятели Львова провели въ 1911 г. выборы въ городскую думу при помощи „мертвыхъ душъ“: какъ выяснилось, на этихъ выборахъ „голосовали“ нѣсколько тысячъ избирателей, давно уже нашедшихъ вѣчное упокоеніе на кладбищѣ. Эта операція съ „мертвыми душами“ и дала теперешній составъ львовской думы, въ которой 80 поляковъ, 20 ополяченныхъ евреевъ и ни одного украинца. Выборы эти признаны незаконными и отмѣнены. Быть можетъ, теперь украинцамъ удастся провести путемъ блоковъ хотя бы 1—2 своихъ представителей въ львовскую думу. Это, конечно, не дастъ имъ вліянія, но по крайней мѣрѣ дума не будетъ такъ, какъ была до сихъ поръ, еднородна въ своей украинофобской дѣятельности.

Въ то время, какъ „истинно-польскіе“ люди Галичины фальсифицируютъ исторію и дѣйствительность, въ Россіи не отстаютъ отъ нихъ „истинно-русскіе“ люди. Какъ извѣстно, наша націоналистическая пресса уже давно распинается за угнетенный „русскій народъ“ въ Австріи, разумѣя подъ „русскимъ народомъ“ не украинцевъ, составляющихъ коренное населеніе восточной Галичины, а ничтожную количественно и болѣе чѣмъ подозрительную качественно кучку „москофиловъ“, живущихъ на подачки изъ Россіи, и немногихъ сбитыхъ ими съ толку темныхъ крестьянъ. Послѣ выступленія гр. Бобринскаго въ „Times“ противъ притѣсненія этого „русскаго народа“ Австріей всероссійскіе націоналисты выступили съ такимъ же протестомъ въ циркулировавшемъ среди думскихъ депутатовъ „Меморандумѣ о притѣсненіяхъ русскаго народа и его культурной и религіозной свободы въ Галиціи“. Между прочимъ, меморандумъ этотъ клеветаетъ на галицкихъ украинцевъ, будто они „осыпаны всяческими дарами галицкаго и вѣнскаго правительства за то, что являются политическимъ орудіемъ противъ Россіи и служатъ осуществленію ягеллоновской идеи: Польша отъ моря и до моря“.

И это говорится о галицкихъ украинцахъ, которые безконечно, неустанно на каждомъ шагѣ принуждены отстаивать свои права отъ посягательствъ поляковъ, которые не-

суть такія жертвы, какъ Каганецъ, убитый во время выборной агитаціи, и Кацько, погибшій отъ польской пули во львовскомъ университетѣ; изъ среды которыхъ, наконецъ, вышелъ Сичинскій, стрѣлявшій въ гр. Потоцкаго „за обиды украинскаго народа“. Это ли не служба „ягеллоновской идеѣ“! Это ли не свидѣтельствуешь о „дарахъ галицкаго правительства“!.. Націоналисты въ Госуд. Думѣ подписали „Меморандумъ“ почти поголовно: Балашевъ, Шульгинъ, Потоцкій, Чихачевъ и т. д., и т. д. Такъ и должно быть. Ибо чего можно было ожидать отъ людей, которые уже достаточно показали себя хотя бы въ холмскомъ вопросѣ.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, прошель въ Гос. Думѣ „гладко“. Такой же гладкій, казалось, предстоялъ ему путь и черезъ Государственный Совѣтъ, который долженъ былъ разсмотрѣть его на курьерскихъ, чтобы успѣть провести черезъ согласительную комиссію. Но совершенно неожиданно при обсужденіи холмскаго вопроса въ совѣтской комиссіи произошли осложненія. Вышелъ скандалъ, члены комиссіи начали разбѣгаться, протестуя противъ насилія большинства надъ меньшинствомъ...

Но и здѣсь, какъ и въ Гос. Думѣ, столкнулись лишь двѣ стороны: отстаивающіе свое господство въ этомъ искони украинскомъ краѣ поляки и стремящіеся завладѣть имъ русскіе націоналисты. Только проф. Багалъй, да и то слишкомъ осторожно, выступилъ съ изложеніемъ украинской точки зрѣнія на вопросъ. Лично отъ себя, отрешиваясь отъ всякихъ партій, онъ доказывалъ, что Холмщина—край искони русскій (!) съ преобладаніемъ малороссовъ, что выдѣленіе ея оправдывается и исторіей, и интересами Россіи. Но, въ то же время, онъ признавалъ думскій проектъ декларативнымъ и лишеннымъ содержанія, почему онъ и долженъ быть отвергнутъ. Какъ видимъ, это нѣчто въ томъ почти родѣ, какъ защита г. Багалъемъ украинскаго языка для народныхъ школъ въ „глухихъ углахъ“, и столь же убѣдительно, какъ и всякая компромиссная, половинчатая точка зрѣнія, не удовлетворяющая друзей, не импонирующая противникамъ.

Только одно—и, надо сказать, совершенно неожиданное—удовлетвореніе дали наши думскіе законодатели украинскому народу. Это—принятіе законопроекта о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Раздѣломъ шестымъ этого законопроекта, принятымъ несмотря на протесты представителя

министерства народного просвѣщенія, учредителямъ частныхъ учебныхъ заведеній предоставляется право самимъ выбирать языкъ преподаванія въ учреждаемой школѣ. Конечно, голосовавшіе за этотъ пунктъ октябристы не имѣли въ виду украинскаго народа. Они просто рѣшили, очевидно, сыграть въ „либерализмъ“ передъ выборами. Но косвенно эта игра отразилась и на интересахъ украинцевъ. Въ законопроектѣ относительно ихъ правъ никакихъ ограничительныхъ оговорокъ нѣтъ, и, слѣдовательно, онъ предоставляетъ право открывать частныя (а слѣдовательно, земскія, городскія, общественныя) школы всѣхъ типовъ, начиная отъ низшихъ и кончая высшими, съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ.

Впрочемъ, таковъ законопроектъ лишь послѣ перваго чтенія въ Гос. Думѣ, такъ сказать, въ черновомъ видѣ. Что получится изъ него при послѣдующихъ чтеніяхъ и при прохожденіи черезъ тѣснины Гос. Совѣта,—это дѣло будущаго. Но едва ли можно думать, что этотъ пунктъ не получить такого „разъясненія“, которое сдѣлаетъ его несуществующимъ для украинскаго народа. Если бы этого, паче чаянія, не случилось, частной школѣ суждено было бы сыграть въ дѣлѣ возрожденія украинскаго народа огромную роль. Въдѣ, стремленіе къ просвѣщенію народа на родномъ языкѣ живетъ въ украинскомъ обществѣ, несмотря на закрытіе „Просвѣты“, которыхъ теперь, послѣ закрытія житомирской „Просвѣты“, осталось только двѣ—три на всю Украину.

Впрочемъ, житомирская „Просвѣта“ рѣшила не сдаваться безъ боя, какъ сдались кievская, а затѣмъ черниговская. Очевидно, пробужденіе украинскаго общества сказалось и въ этомъ случаѣ. На ликвидационномъ собраніи своей „Просвѣты“ житомирскіе украинцы, какъ сообщаетъ „Рада“, рѣшили поглотить съ ликвидацией и обжаловать постановленіе о закрытіи. Нельзя не привѣтствовать такого шага. Если даже жалоба житомирской „Просвѣты“ и останется безрезультатной, это все-таки является показателемъ того, что украинцы перестаютъ пассивно подчиняться рѣшеніямъ администраціи, что они начинаютъ не только сознать свои права, но и свое право на защиту этихъ правъ отъ административнаго произвола. Это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о пробужденіи украинскаго общества.

Пробужденіе украинства въ Россіи заставило и каде-

товъ спохватиться,—не сдѣлали ли они оплошности, игнорируя украинскіе интересы въ такой мѣрѣ, какъ это проявилось въ Гос. Думѣ хотя бы, напр., во время холмскихъ дебатовъ. Теперь, передъ выборами въ новую Гос. Думу, они начинаютъ побаиваться, не отразится ли это на судьбѣ кадетскихъ кандидатовъ. На состоявшейся въ маѣ предвыборной конференціи к.-д. партіи поднять былъ, какъ сообщаетъ „Рѣчь“, вопросъ относительно извѣстной статьи г. Струве по поводу украинскаго вопроса. Статья эта признана была конференціей лишь выраженіемъ личнаго взгляда г. Струве, партійнымъ же отношеніемъ къ украинскому вопросу конференція признала мнѣнія, высказанныя съ думской трибуны г. Милюковымъ.

Едва ли это заявленіе кадетскаго органа способно исполнить удовлетворить украинцевъ. Правда, выступленія Милюкова въ Гос. Думѣ нельзя не признать болѣе тактичными и принципиально выдержанными, чѣмъ выступленія, напр., Родичева. Но и въ нихъ сквозила все та же мысль, что украинское движеніе поддерживается притѣсненіями и что если притѣсненія будутъ уничтожены, то само собой уничтожится и украинство.

Во всякомъ случаѣ, украинцы едва ли склонны придавать много вѣры предвыборнымъ обѣщаніямъ. Слишкомъ недавни еще либеральныя заигрыванія съ поляками въ вопросѣ о Холмщинѣ для того, чтобы украинцы успѣли забыть о нихъ. И хотя кадетская конференція дѣлаетъ теперь шагъ въ сторону украинцевъ, но едва ли послѣдніе склонны будутъ удовольствоваться голыми предвыборными обѣщаніями. На дорогѣ къ дѣйствительному соглашенію будутъ стоять плоды тѣхъ посѣвовъ, которые сдѣланы въ Гос. Думѣ во время обсужденія вопроса о Холмщинѣ.

С. Б.

Изъ украинской печати.

Если говорить объ украинской прессѣ въ Россіи, то приходится имѣть въ виду собственно одну только ежедневную „Раду“ да еще недавно начавшій выходить въ Харьковѣ еженедѣльникъ „Сніп“. Эти два изданія только и являются политическими органами въ собственномъ смыслѣ слова. Остальныя украинскія изданія представляютъ изъ себя или литературные журналы, или изданія народно-популярныя; и въ тѣхъ, и въ другихъ помѣщаются статьи по общественно-политическимъ вопросамъ, но если исключить статьи на современныя темы проф. М. С. Грушевскаго, печатавшіяся до недавняго времени въ „Літературно-Науковому Вістнику“ и этимъ придававшія журналу руководящее значеніе, то придется ограничить составъ политической украинской печати упомянутыми двумя изданіями.

„Сніп“ съ самаго начала занялъ весьма опредѣленное направленіе, наиболѣе характерной чертою котораго является сведеніе насущныхъ вопросовъ украинской жизни къ постулатамъ чисто-національнаго характера. Конечно, мы не видимъ ничего удивительнаго въ этомъ выдвиганіи національнаго момента впереди другихъ запросовъ жизни со стороны представителей національности, со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу ограничиваемой именно въ своихъ элементарнѣйшихъ національныхъ правахъ, но думаемъ, что жизнь украинскаго народа выдвигаетъ въ настоящее время такъ много другихъ насущныхъ вопросовъ въ области соціально-экономической и культурной, что, ограничиваясь однимъ только національнымъ вопросомъ, это значитъ ограничивать собственную роль, какъ органа общественной мысли, суживать кругъ читателей, интересующихся всѣми сторонами жизни украинскаго народа. Въ своихъ передовыхъ статьяхъ,—надо отдать имъ полную справедливость, всегда полныхъ сильнаго увлеченія и огня, вообще талантливыхъ и интересныхъ,—„Сніп“ становится на довольно непримиримую позицію, заявляя, напримѣръ, что все прогрессивное русское общество, безъ исключеній,

враждебно относится къ украинству, обобщая явленія и факты не совсѣмъ одного порядка, вынося за однѣ скобки „и лѣвыхъ и правыхъ, и прогрессивные и регрессивные элементы русскаго общества“, якобы „одинаково непріязненно относящіеся къ украинству, какъ движенію, въ которомъ есть зародыши твердой самостоятельной жизни“.

Само по себѣ довольно растяжимое понятіе о „національномъ ренегатствѣ“ та же статья „Снопа“ (№ 17) распространяетъ и на „пользующихся уваженіемъ украинской интеллигенціи „бывшихъ“ украинцевъ, теперь русскихъ писателей, всякихъ Корлобенковъ (?) и пр.“.

Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что прогрессивное русское общество съ достаточнымъ вниманіемъ относится къ украинству,—причины этого печальнаго явленія не мѣсто здѣсь выяснять,—но думаемъ, что нельзя ставить въ вину всему русскому обществу поступокъ чигиринскаго предсѣдателя уѣздной земской управы, удалившаго со службы двухъ женщинъ-врачей за выписываніе ими украинской „Ради“, или же извѣстную статью Струве, ибо такимъ фактамъ можно всегда противопоставить факты искренно сочувственнаго отношенія къ украинству со стороны выдающихся представителей русской науки и литературы. И если идеальнымъ положеніемъ вещей является не „война“, а „миръ“ въ отношеніяхъ русскаго и украинскаго общества, то культивированіе такихъ чувствъ и распространеніе такихъ идей, какія мы встрѣчаемъ на страницахъ „Снопа“, врядъ ли поведетъ къ установленію желанныхъ добрыхъ отношеній. Что же касается практики нынѣшняго момента, то не знаемъ, что путнаго можетъ выйти изъ осуществленія избирательной платформы, опубликованной въ № 22-мъ „Снопа“, въ которой имѣется между прочимъ такой пунктъ: „Въ томъ избирательномъ округѣ на Украинѣ, гдѣ есть только одинъ украинецъ, онъ обязанъ подать голосъ за себя, какъ за кандидата украинскаго“.

Среди статей „Снопа“ за послѣдніе два мѣсяца заслуживаетъ особаго вниманія горячо написанная статья о маломъ развитіи національнаго самосознанія среди украинскихъ женщинъ и о проистекающемъ изъ этого факта большомъ вредѣ для успѣха украинскаго національнаго движенія. Еще Дреперомъ была высказана совершенно

справедливая мысль, что для націи самымъ тяжелымъ, даже убійственнымъ ударомъ является конфискація женщинъ побѣдителемъ. Такая конфискація происходитъ постоянно у насъ на Украинѣ при помощи руссификаціи женской молодежи въ школахъ: „дѣвушки нашей націи въ школахъ съ давнихъ поръ воспитываются такъ, что изъ нихъ выходятъ настоящія янычарки. Про высшіе классы нечего и говорить. Но даже дѣвочка, взятая изъ семьи еще совсѣмъ украинской, изъ низшихъ классовъ, по окончаніи школы дѣлается совсѣмъ чужою для своей націи. Школа научила ее презирать родную націю, пренебрегать своимъ народомъ. Школа сдѣлала изъ дѣвочки моральную кастратку, которая возвратившись въ свою семью, своимъ вліяніемъ деморализируетъ близкихъ людей. Про женскія гимназіи и институты на Украинѣ можно сказать безъ преувеличенія, что это наибольшіе разсадники денаціонализаціи, самыя сильныя крѣпости нашихъ враговъ. Воспитывать своихъ дѣтей въ такихъ школахъ—это сознательное самоубійство со стороны украинскаго общества, это значить посылать своихъ дѣтей на вѣрную гибель“...

Статья проводитъ параллель между польской и украинской женщиной: „современная полька это—женщина, одушевленная лучшими, могучими патріотическими чувствами, которыя дѣлаютъ изъ нея героиню повседневной борьбы за права своего народа, въ то время какъ украинка—это скверный червь-точитель, который грызетъ и подтачиваетъ еще глубоко скрытые, еще живые послѣдніе корни нашего національнаго существованія. Куда не могутъ проникнуть вражскія намѣренія, гдѣ безсильны всякіе циркуляры, тамъ ведетъ разрушительную работу украинка не за страхъ, а за совѣсть, ведетъ съ тупой увѣренностью кастратки, что она совершаетъ культурное дѣло“. Всѣ надежды авторъ статьи возлагаетъ на женщину изъ низшихъ классовъ, еще не затронутую деморализирующимъ вліяніемъ школы. О денаціонализаціи въ современной школахъ на Украинѣ какъ женской, такъ и мужской украинской молодежи не разъ уже писалось въ украинской прессѣ, это одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нашей жизни; но если придавать въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе вліянію школы, то, надо полагать, ея денаціонализаторская роль измѣнится лишь съ допущеніемъ къ преподаванію украинскихъ дис-

циплинъ, а еще болѣе—съ введеніемъ преподаванія хотя бы этихъ дисциплинъ на украинскомъ языкѣ.

„Рада“ по самому своему положенію единственной ежедневной газеты на украинскомъ языкѣ не можетъ замыкаться въ рамкахъ какой-нибудь строго опредѣленной партійности и, не представляя изъ себя „парламента мнѣній“ въ нововременскомъ смыслѣ, даетъ часто мѣсто для высказыванія взглядовъ авторамъ теченій съ извѣстными различіями оттѣнковъ общественной мысли. Посвященная главнымъ образомъ освѣщенію и отстаиванію интересовъ украинства, ознакомленію читателей со всѣми проявленіями національно-общественной жизни на Украинѣ, газета не всегда, однако, даетъ исчерпывающее изображеніе этой жизни. И въ смыслѣ регистрированія фактовъ, и въ смыслѣ информированія читателей относительно содержанія украинскихъ періодическихъ изданій и тѣхъ иноязычныхъ, которыя пишутъ объ украинствѣ, „Рада“ частенько являетъ большіе пробѣлы. Достаточно упомянуть о совершенномъ отсутствіи въ газетѣ отдѣла „Изъ украинской печати“, какъ-будто для читателя „Ради“ совершенно неинтересно, какъ высказывается о томъ или иномъ вопросѣ тотъ или другой украинскій періодическій органъ. Отъ этого страдаютъ прежде всего интересы самой газеты, отъ которой большинство читателей ожидаетъ прежде всего возможно большей полноты інформаціонныхъ свѣдѣній.

Насколько позволяютъ современныя условія свободы обсужденія политическихъ вопросовъ, „Рада“ посвятила за послѣднее время рядъ статей выясненію тактики украинцевъ на предстоящихъ выборахъ въ Думу, на основаніи опубликованной въ печати платформы украинскихъ прогрессистовъ. Наиболѣе интересны статьи г. Выборця, развивающія и выясняющія какъ программно-теоретическіе, такъ и практическіе вопросы избирательной тактики. Въ одной изъ этихъ статей (№ 123) развивается глубоко-правильная мысль о необходимости популяризаціи во время избирательной кампаніи на Украинѣ идеи областныхъ интересовъ, главнымъ образомъ финансово-экономической децентрализаціи, идея которой понятнѣе и ближе для многихъ, въ особенности для представителей другихъ, живущихъ на Украинѣ народностей, чѣмъ интересы чисто національные: „установленіе такого политическаго порядка, при которомъ была бы осуществлена широкая децентра-

лизація во всѣхъ областяхъ жизни, въ которомъ мѣсто бюрократіи заняли бы мѣстныя силы общинъ, уѣздовъ, губерній и цѣлаго края,—становится насущною потребностью не только національною, одного украинскаго народа, но и интернаціональною, дѣломъ всѣхъ національностей Украины—евреевъ, поляковъ и пр.

...Областные интересы,—интересы главнымъ образомъ экономическіе,—понятны даже для культурно отсталыхъ, національно несознательныхъ массъ. Они касаются самыхъ больныхъ шкурныхъ вопросовъ народной жизни. Вотъ почему областное самосознаніе легко зарождается даже тамъ, гдѣ еще не пришло время для самосознанія національнаго“.

Г-нъ Выборецъ, въ связи съ этимъ, говорить о необходимости въ виду выборовъ распространять возможно шире идею областного самосознанія, которое неминуемо должно перейти въ самосознаніе національное. „Только тогда, когда мы на каждомъ шагѣ хозяйственной и государственной жизни выяснимъ тѣсную связь національныхъ нуждъ съ экономическими нуждами трудящихся массъ украинскаго народа, мы больше всего поспособствуемъ популяризаціи украинскихъ національныхъ требованій среди украинскаго демоса, этого матеріальнаго субстрата украинскаго движенія.

Только въ томъ случаѣ, если мы передъ всѣми національностями Украины раскроемъ общіе имъ всѣмъ областные интересы, а въ украинствѣ покажемъ идею отстаиванія областныхъ интересовъ, мы создадимъ прочную базу для извѣстной солидаризаціи созвучныхъ національныхъ теченій въ области политической дѣятельности. Только въ такомъ случаѣ мы дѣйствительно используемъ новые думскіе выборы въ интересахъ украинства“.

Основная тенденція, которую высказываютъ всѣ авторы статей „Рады“ относительно практики предстоящихъ выборовъ, это—осторожность при заключеніи блоковъ, обезпеченіе себя заранѣе извѣстными условіями относительно отстаиванія украинскихъ интересовъ будущими депутатами, и вообще опредѣленная постановка украинскихъ національныхъ требованій. Въ такомъ же духѣ высказывается въ послѣднемъ № и „Рідний Край“, еженедѣльникъ, посвящающій свое вниманіе преимущественно вопросамъ украинской литературы, искусства, отчасти и старины. Въ статьѣ „Сила или безсиліе“ (№ 8) „Рідний Край“

припоминаетъ исторію выбора отъ Кіева проф. Лучицкаго, который, получивъ украинскіе голоса и самъ будучи украинцемъ, совершенно не отстаивалъ украинскихъ интересовъ въ Думѣ; припоминаетъ исторію недавнихъ выборовъ правленія полтавскаго Общества взаимнаго кредита, когда кадеты и евреи вошли въ союзъ съ черносотенцами противъ украинскихъ кандидатовъ,—и рекомендуетъ „стараться возможно больше объ увеличеніи собственныхъ избирательныхъ силъ. Можетъ быть, наши силы и не такъ уже малы, можетъ, нашихъ людей, сознательныхъ украинцевъ, и не такая уже ничтожная горсточка, такое *quantité négligeable*, какъ это было еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Выборы въ 4-ю Думу послужать провѣркою этого“.

М. Ж—ко.

Опроверженіе.

(Печатается на основаніи ст. 12-й прилож. къ ст. 114-й Уст. Цензурн.).

Въ апрѣльской книгѣ журнала „Укр. Жизнь“ помѣщена статья г. Ефремова подъ названіемъ „На текущія темы“; въ первой своей части (стр. 53—63) она посвящена разбору доклада моего объ южно-русскомъ сепаратизмѣ, сдѣланнаго въ мартѣ с. г. въ петербургскомъ „Окраини. О-вѣ“ и воспроизведеннаго въ томъ же мѣсяцѣ на столбцахъ газеты „Кіевлянинъ“. Г. Ефремовъ называетъ мой докладъ „лживымъ“ и „гнуснымъ“, а меня, какъ автора этого доклада, обвиняетъ въ „извращеніи прочитаннаго“, „подтасовываніи фактовъ“, „фальсифицированіи цитатъ“ и „нелѣпныхъ измышленійхъ“. Почти одновременно ознакомился я со статьей г. Ефремова въ майской книгѣ журнала, гдѣ онъ (стр. 59—64) снова возвращается къ моей статьѣ и моей личности, обвиняя меня въ „доносительно-фальсификаторскихъ подвигахъ“, въ „совершеніи подлоговъ“ и „прочихъ... предосудительныхъ дѣянійхъ“. Тяжесть возлагаемаго на меня обвиненія ставить меня въ необходимость дать отвѣтъ на всѣ обвинительные пункты.

Пользуясь правомъ, предоставляемымъ мнѣ ст. 12-й прилож. къ ст. 114-й Уст. Ценз. по прод. 1906 г., прошу редакцію дать мѣсто нижеслѣдующимъ объясненіямъ и поправкамъ.

Изложеніе моего доклада напечатано было въ „Кіевлянинѣ“ по соглашенію редакціи этой газеты съ „Окр. О-вомъ“, въ распоряженіе коего я предоставилъ черновыя замѣтки, служившія мнѣ пособіемъ при докладѣ. Статья появилась въ свѣтъ до моего возвращенія въ Кіевъ изъ отпуска. Поэтому, беря на себя отвѣтственность за фактическое содержаніе статьи, я лишень возможности сдѣлать это относительно довольно многочисленныхъ опечатокъ; я не имѣлъ также возможности внести нѣкоторыя корректурныя и редакціонныя поправки.

Обращаюсь прежде всего къ тѣмъ мѣстамъ доклада, которыя г. Ефремовъ называетъ моими „бреднями и сплетнями“.

Фраза о томъ, что въ полтавской масонской ложѣ нашли себѣ выраженіе планы отдѣленія Малороссіи отъ Россіи и что въ ложѣ этой „ораторствовали“ И. Котляревскій, заимствована мною изъ монографіи Л. Яновскаго „Uniwersytet Charkowski“. Kraków. 1911. Str. 128—142. Вторая половина фразы находитъ себѣ подтвержденіе и въ „основныхъ учрежденіяхъ“, выработанныхъ масонствомъ въ Германіи (въ XVIII в.), согласно которымъ особенной орденовской степени было предоставлено знакомить братьевъ съ исторіей масонскаго союза, съ его цѣлями и т. д.; въ кругъ занятій этой степени входила только доктрина (Брокгаузъ-Эфронъ. „Энци. Слов.“. Спб. 1902. XXVIa, 507).

Г. Ефремовъ цитируетъ (стр. 58) мою фразу: „Грушевскій (въ 1898 г.) шлетъ въ Россію тучу приглашеній на столѣтній юбилей возрожденной украинской литературы“. Въ печатномъ текстѣ моего доклада такой фразы нѣтъ; объ указанномъ событіи я писалъ такъ:

Въ 1898 г. львовское научное общество празднуетъ 100-лѣтній юбилей выхода въ свѣтъ „Энеиды“ Котляревскаго. Грушевскій шлетъ въ Россію тучу приглашеній отъ имени „обиженного исторіей украинско-русского народа, второго по численности въ славянщинѣ, который поднимается изъ своего униженія“.

Пользовался я выдержками изъ текста приглашенія по брошюрѣ проф. Флоринскаго („Малор. языкъ и т. д.“. Спб. 1900), гдѣ (стр. 130) сказано:

„Товариство“ создало изъ этого „юбилея“ (столѣтней годовщины выхода въ свѣтъ „Энеиды“ К-го) большой культурный и національный праздникъ... Въ приглашеніяхъ за подписью М. Грушевскаго, какъ „головы“ юбилейнаго комитета, посланныхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ въ Россію, между прочимъ, сообщалось, „что украинско-рускій народъ, второй по численности въ славянщинѣ... поднимается изъ своего униженія“, что онъ „покривденный историчными обставинами“ и т. д.

Фразѣ моей „украинскіе клубы двухъ первыхъ Гос. Думъ издавали украинскія газетки“ г. Ефремовъ отказываетъ въ фактической достовѣрности. Я разумѣлъ здѣсь защищавшія платформу украинства газеты „Наша Дума“ и „Рідна Справа“. О клубахъ я нашелъ указаніе въ календарѣ львовск. Просвѣты на 1910 г. (стр. 103).

Вже в першій державній Думі заклала ся українська громада—український парламентарний клуб... Скоро лише зібрала ся друга Дума, „така Громада заснувала ся в Думі. Вона почала навіть видавати у Петербурзі... свою власну газету „Рідна Справа—Вісті з Думи“.

Ср. также „Лит.-Наук. Вістн.“. 1910. IX. 542.

Къ числу фактовъ въ кавычкахъ г. Ефремовъ причисляетъ приписываемое мною „Радѣ“ сужденіе о популярности на Югѣ Россіи идеи уніи съ Римомъ. Въ моемъ докладѣ сказано, что „Рада“ грозитъ уніей съ Римомъ, которая будто бы имѣетъ „много сторонниковъ въ украинской интеллигенціи и даже въ простомъ народѣ“. Въ № 118 „Рады“ за 1911 г. статья „Про церковну мову на Україні“ заканчивается словами: „...унія з Римом знаходить собі все більше й більше прихильників серед українських інтелігентних класів й навіть в простому народі“.

Мои слова о томъ, что харьковская студенческая громада рѣшила бойкотировать невѣсть-великороссіянокъ, основаны на харьковской корреспонденціи „Рады“ (1910. 285). Корреспонденція, описывая собраніе студенческой „громады“ университета, передаетъ слова оратора г. П. о томъ, что „посеред нашого громадянства на Україні... здебільшого не має українського подружжя і не має українських родин, а це ж та початкова клітина, з якої мусить розвирнутися українське громадянське життя“. „Щирі уваги юнака П.,—поясняетъ корреспондентъ,—були ніби покликом до молоді, щоб вона дбала про українське подружжя“. По поводу вопросовъ, поднятыхъ въ собраніи, корреспондентъ добавляетъ, что тамъ „не знімалося ні діскусій, а ні суперечок, робилися лишъ уваги або додатки“.

Со статью г. Стешенка („Южн. Зап.“, 1905. 13) я познакомился по большим выдержкам из нея в „Гражданин“ (1905. 29); дѣла о ней замѣтки, я отмѣчалъ кавычками сущность программы г. Ст. (какъ я ее понималъ), чтобы не смѣшать съ нею умозаключений референта. По корректурному недосмотру моему (коего причины я указывалъ) кавычки попали, къ сожалѣнію, въ печать, но самая интерпретація моя является лишь выводомъ изъ словъ г. Ст., начиная съ того мѣста его статьи, гдѣ авторъ говоритъ о „самой широкой автономіи для всѣхъ народностей Россіи“.

„Эта (автономія), по словамъ г. Ст., не ведетъ, однако, къ тому, въ чемъ такъ безсмысленно обвиняли не разъ украинцевъ, т.-е. къ сепаратизму, отдѣленію Украины отъ Россіи. Украинцы прежде всего стремятся къ единенію, и потому идеальная форма государственнаго строя есть для нихъ федерація. Эта форма укрѣпилась въ стремленіяхъ украинцевъ еще съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, т.-е. со времени Кир.-Меевъ братства, и съ теченіемъ времени выростала въ ихъ сознаніи все больше. Этому стремленію нисколько не противорѣчатъ недавно появившіеся толки о „незалежности“ Украины. Но эта только какъ-будто „незалежность“ выставляется только, какъ переходная ступень къ федеративности и, во всякомъ случаѣ, есть дѣло слишкомъ отдаленнаго будущаго. Вызвано это стремленіе тяжелымъ положеніемъ украинской народности въ Россіи, но вѣдь такое положеніе не вѣчно. Оно безусловно будетъ улучшаться и въ далекомъ или недалекомъ будущемъ дойдетъ до такого хорошаго состоянія, что говорить о „незалежности“ не придется. Такъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается вопросъ о послѣдней, которая къ тому же есть достояніе умовъ немногихъ. Во всякомъ же случаѣ степень федеративныхъ стремленій Украины всецѣло зависитъ отъ степени благоприятной для нихъ политики Россіи; чѣмъ больше будетъ въ Россіи благоприятныхъ условий для развитія украинскаго народа, тѣмъ больше будетъ дорожить этотъ народъ связью со всей Россіей, гарантирующей ему свободное національное и вообще политическое существованіе“.

Называя эту „только какъ-будто независимость“ достояніемъ умовъ немногихъ и дѣломъ отдаленнаго будущаго, г. Стешенко готовъ отъ нея вовсе отказаться, если связь украинскаго народа съ Россіей будетъ гарантировать этому народу свободное національное и политическое существованіе; при этомъ положеніи дѣла, независимость выставляется, какъ переходная ступень къ федеративности; федерація же есть идеальная форма государственнаго строя для украинцевъ по той причинѣ, что они стремятся къ единенію. Вотъ тѣ тезисы г. Стешенка, которые легли въ мою фразу: „...потомъ независимости, но лишь какъ переходной ступени къ федераціи Южной Россіи съ Галиціей“.

Въ послѣднихъ пяти словахъ я передалъ мысль г. Ст. такъ, какъ я ее понялъ по его фразѣ: стремленіе украинцевъ къ единенію.

Г. Ефремовъ приводитъ изъ моего доклада цитату объ „основномъ тезисѣ“ проф. Грушевскаго, какъ исторіографа Украины, и ставитъ ее въ параллель съ подходящимъ текстомъ изъ сочиненія самого г. Грушевскаго. Приведенное мною опредѣленіе заимствовано между тѣмъ изъ „Рады“ и лишь дополнено упоминаніемъ объ антахъ.

Источники:

„Київська держава, його (?) право, побут і культура були утвором української національності"... „право і культура ці в великоруській народності з'являються тільки, якъ

У меня сказано:

Основной его (Грушевскаго) тезисъ таковъ: „Законы, бытъ и культура кievскаго великокняжескаго періода были созданы не русской, а особой украинской народности,

рецепція, так як, напр., культура візантійська, або польська в життю українського народу"... вся суть думок проф. Грушевського надъ історією України зконцентрувалась в цій именно тезі („Рада". 1910. 286).

„В Антах маємо предків українсько-руських племен" (Груш. М. „Іст. Укр.-Руси". Т. I. Вид. II. Львів. 1904. Стр. 156).

Если бы не спѣшность составленія замѣтокъ для доклада, то-я, конечно, включилъ бы эпитетъ „мионическихъ" въ скобки, но и при настоящемъ положеніи дѣла трудно предположить, чтобы я или мои слушатели (resp. читатели) приписали такую квалификацію антовъ самому профессору.

Украинское слово „право" переведено мною чрезъ „законы", согласно Словарю Б. Гринченка (III. 400).

Г. Ефремовъ ставитъ другое мѣсто моего доклада въ параллель съ отрывкомъ статьи г. Грушевскаго изъ № 3 журн. „Укр. Вѣстникъ" за 1905 г. Журнала этого я не имѣлъ подъ руками, а заимствовалъ свои цитаты изъ другого сборника, гдѣ авторъ эту статью перепечаталъ. Цѣлаго разсужденія я, по его величіи, процитировать въ докладѣ не могъ и ограничился выдержками, сохраняющими въ полной неприкосновенности мысль автора о слабой силѣ сцѣпленія между отдѣльными народностями Россіи.

Груш. М. „Освобожд. Россіи и т. д.". Стр. 60.

Мой докладъ („Кіевлянинъ". 76).

Теперь, когда возставшій народъ разбиваетъ двери всероссійской бастиліи, тюремщики поднимаютъ крикъ, пугая народъ тѣмъ, что, въ случаѣ ея разрушенія, готовы разбѣжаться всѣ эти заключенныя „княженія и царства", „покоренные народы", и эти крики дѣйствительно вызываютъ извѣстное впечатлѣніе среди массъ, столько вѣковъ воспитанныхъ въ упоеніи своего „господства". Представители „покоренныхъ народовъ" отвѣчаютъ увѣреніями, что они... останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи. Такія заявленія повторяются въ послѣднее время на разные лады, какъ со стороны угнетенныхъ народностей, такъ и сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества, увѣряющихъ, что эти народности отнюдь не хотятъ выйти изъ состава Россійскаго государства и не выйдутъ, что они дорожатъ единствомъ Россіи и т. д. Я думаю,

Сопричисливъ украинцевъ въ Россію къ „покореннымъ народамъ", г. Грушевскій указываетъ на „неубѣдительность увѣреній представителей этихъ народностей, что они останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи; неосновательны такія заявленія и со стороны сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества".

однако, что эти увѣренія... не имѣютъ ни для кого особой убѣдительности... Увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которыя даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается, и своею стихійною силой беретъ верхъ надъ трактатами и формулами... Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорию и обладающей достаточными задатками и энергією развитія.

Свое мнѣніе о томъ, что профессоръ распространяетъ психическія переживанія „покоренныхъ народовъ“ и на украинцевъ, я составилъ, основываясь на содержаніи всей упомянутой статьи; поэтому мною и употребленъ глаголь „сопричисливъ“, а не „назвавъ“ или „отождествивъ“. На упрекъ г. Ефремова, что я „оборвалъ фразу г. Грушевскаго на полусловъ“ и „скрылъ отъ читателя цѣлыя страницы, на которыхъ авторъ развиваетъ свое положеніе о томъ, чѣмъ можетъ быть сохранено единство Россіи“,—я могу отвѣтить, что я привелъ (въ связной формѣ и, надѣюсь, безъ ущерба для смысла) лишь выдержки изъ нѣсколькихъ фразъ г. Гр. исключительно ради экономіи времени, какимъ я располагалъ для доклада; цитатъ изъ слѣдующихъ страницъ статьи г. Гр., трактующихъ объ единствѣ Россіи, я не приводилъ уже потому, что эти цитаты выходили бы изъ рамокъ моей темы—объ единствѣ русскаго народа.

„Клятвы на кандалахъ, даваемые невольниками предъ ихъ выпускомъ на свободу, не внушаютъ довѣрія; жизнь стихійно возьметъ верхъ надъ трактатами и формулами“.

Въ заключеніе лидеръ украинства наставительно подчеркиваетъ: „Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ логическимъ завершеніемъ запросовъ (по опечаткѣ — „вопросовъ“) національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности“.

Г. Ефремовъ протестуетъ противъ моего утвержденія, что „Заповіт“ Шевченка направлень противъ великороссовъ (москалей). Мое мнѣніе, однако, не является единичнымъ. Укратиофилъ М. Лободовскій пишетъ, что „співання“ („Заповіту“ Ш—ка) хороше; але не слід, як на мою думку, співати весь „Заповіт“, а кінчати словами; „як реве ревучий...“, щобъ не дратувати а ні орударства, а ні велькоруссівъ, а ні ворогівъ українства“ („Переглядъ п. „Марія“. Харьковъ. 1910. Стр. 68). Извѣстный писатель, другъ и менторъ Шевченка П. Кулишъ, приведя варіантъ трехъ строкъ изъ его „Заповіта“ [„Як понесе славутиця у Чорне море кров ворожу...“] вмѣсто редакціи болѣе распространенной „Як понесе (Дніпро) з України у синее море кров ворожу...“], замѣчаетъ: „Яку вже се кров ворожу, якого се ворога кров мусивъ бы Дніпро-славутиця нести в Чорне море и за що, про се спитайте в кого россудливого, а не в такого божевильнѣго, якимъ був Шевченко при своему кгеніальнѣму дарі слова“ (Полн. собр. соч. Кіевъ. 1909. Т. III. Примѣч. Стр. 28—29).

Г. Ефремовъ справедливо указываетъ мнѣ, что въ стихотвореніи Франка „Не пора“ не имѣется фразы: „Народъ украинскій возстанетъ, встряхнетъ Кавказомъ и Карпатами и прокатить по Черному морю кличъ свободы“, каковую фразу я отнесъ къ этому произведенію поэта. Охотно признаю свою ошибку: слова эти у Франка есть, но въ другомъ стихотвореніи (см. Крушельницкий А. „Іванъ Франко. Поезія“. Коломия. Стр. 237). Оговариваюсь притомъ, что вмѣсто видоваго понятія „Бескидь“, стоявшаго въ текстѣ, мною употреблено родовое понятіе „Карпаты“, выясняющее смыслъ цитаты.

Въ первой статьѣ своей г. Ефремовъ высказываетъ увѣренность (стр. 56), что я, выступая со своимъ докладомъ, „собираюсь поражать сепаратизмъ“. Задача моя въ дѣйствительности гораздо скромнѣе: она состоитъ въ характеристикѣ украинскаго движенія, въ попыткѣ освѣтить его этиологическіе моменты и указать на желательность профилактическихъ законодательныхъ мѣръ противъ нѣкоторыхъ патологическихъ формъ этого движенія.

Въ той же статьѣ г. Ефремовъ, обвиняя меня въ цѣломъ рядѣ неблагоприятныхъ проступковъ, усматриваетъ (стр. 62) у меня желаніе „при этомъ прикрываться служебнымъ положеніемъ и даже пользоваться имъ какъ щитомъ“. Заявляю опредѣленно, что я выступилъ со своимъ публицистическимъ рефератомъ (докладомъ) не въ качествѣ чиновника, а въ качествѣ рядоваго обывателя Южной Россіи; во вступленіи къ докладу я упомянулъ о моей службѣ (въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати) съ единственною цѣлью объяснить знакомство мое съ нѣкоторыми произведениями печати, которая легальнаго обращенія въ Россіи не имѣютъ.

Пересмотръ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ сводить, такимъ образомъ, критику г. Ефремова къ уличенію меня въ 2—3-хъ редакціонныхъ и корректурныхъ недосмотрахъ. Полагаю, что такіе формальные дефекты, мелкіе и несущественные, даютъ слишкомъ недостаточный и даже неподходящій матеріалъ для предъявленія мнѣ обвиненій въ „гнусности“, „лживости“ и „подлогахъ“.

Сергій Щеголевъ.

Кіевъ.
1-го іюня 1912 г.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Культуртрегеры. Существующее въ г. Лохвицѣ (Полтавщина) «Лохвицкое О-во сельскихъ хозяевъ» издаетъ свою газету «Лохвицкое Слово», въ которой помѣщаются между прочимъ и статьи на украинскомъ языкѣ. На одномъ изъ засѣданій Общества былъ поднятъ вопросъ объ образованіи редакціоннаго комитета въ помощь якобы редактору, причемъ изъ дебатовъ выяснилось, какъ пишутъ «Радѣ» (№ 99), что комитетъ необходимъ для того, чтобы въ газетѣ не появлялись статьи, написанныя «украинскимъ волапокомъ», «совершенно непонятнымъ для всего населенія», какъ заявилъ авторитетно земскій агрономъ, великороссъ по національности, и чтобы предупредить появленіе перепечатокъ изъ «Рады». Другой культуртрегеръ, крупный землевладѣлецъ Х., повелъ кампанію на засѣданіи Общества противъ украинской буквы «є». Выступали еще нѣкоторые господа, «искренне уважающіе Шевченка и Котляревскаго», однако всѣ они успѣха не имѣли, и вопросъ съ украинскими статьями и съ «перевернутой» въ нихъ буквой «э» былъ снятъ съ очереди самымъ правленіемъ Общества.

— Кобелякское (Полтавщина) «Общество содѣйствія просвѣщенію» открываетъ въ г. Кобелякахъ библіотеку, причемъ изъ 216 рублей, истраченныхъ на выписку періодическихъ изданій, Общество удѣлило на украинскія изданія всего лишь 6 рублей, выписавъ только «Раду». Украинскихъ книгъ въ открываемой библіотекѣ почти нѣтъ. Неужели новообразовавшееся Общество, игнорируя украинскую литературу и прессу, руководилось тѣми же соображеніями, что и лохвицкіе культуртрегеры, т. е. что украинскій языкъ населенію г. Кобелякъ «совершенно непонятенъ»?

— Въ харьковскую газету «Сніп» (№ 19) сообщаютъ, что константиноградская уѣздная земская управа разослала каталогъ книгъ для библіотекъ начальныхъ училищъ, одобренный училищнымъ совѣтомъ. Изъ украинскихъ писателей попало въ этотъ каталогъ всего только два украинскіе классика—Т. Шевченко и М. Вовчокъ. «Но и подъ этими великими именами,—говоритъ корреспондентъ «Снопа»,—преподносится народу вмѣсто ихъ оригинальныхъ произведеній вотъ что:

«У тебя красotka дочка
И не одиночка:
Няньчить, холить у запечка

Москаля сыночка.
Чернобровымъ завелася...
Вмѣстѣ знать грѣшили!»

Это отрывокъ изъ «Катерины» Т. Шевченка...

Преподнесеніе народу произведеній его родныхъ писателей въ переводѣ на чужой и чуждый языкъ,—произведеній, приоб-
рѣтенныхъ, къ тому же, на трудовую копейку того же народа,
является актомъ глубоко-оскорбительнымъ для національнаго
чувства. Но врядь ли могутъ, къ сожалѣнію, понять это гг. куль-
туртрегеры.

— Изъ Александріи (Херсонщина) сообщаютъ «Радѣ»
(№ 120) нѣкоторыя интересныя данныя о дѣятельности новаго
директора учительской семинаріи. Дѣятельность этого господина
съ момента вступленія его въ семинарію началась съ борьбы
съ «украинофильствомъ». «Хотя,—говоритъ корреспондентъ,—
проявленія «ложнаго направленія мыслей» и незамѣтно въ се-
минаріи, но оно, по мнѣнію директора, должно быть», такъ
какъ и въ городѣ, и въ уѣздѣ до сихъ поръ еще идутъ разго-
воры на тему о высказанномъ на сѣздѣ учителей въ 1911 г.
пожеланіи ввести обученіе въ школахъ на родномъ языкѣ.
«Да вы бросьте этотъ хамскій языкъ,—кричитъ обыкновенно
директоръ, поймавъ какого-нибудь «преступника»,—это языкъ
хамовъ, невѣждъ, культурные же люди всегда говорятъ по-рус-
ски. Есть, правда, чудаки и изъ интеллигенціи, которые пытаются
говорить и даже писать на этомъ нарѣчій, но напрасно, потому
что и языкъ-то этотъ некультурный!» Священникъ семинаріи
тоже не отстаётъ отъ директора въ своемъ культуртрегерствѣ
и насажденіи кваснаго патріотизма среди воспитанниковъ-семи-
наристовъ.

— Сообщенный нами за «Радой» въ майской книжкѣ
журнала фактъ обнаруженія инспекторомъ хорольскаго реаль-
наго училища г. Разинкинымъ книжки журнала «Л.-Н. Вѣстникъ» у
одного изъ воспитанниковъ училища принялъ слѣдующій обо-
ротъ: когда педагогическій совѣтъ училища не согласился исклю-
чить «провинившагося» ученика, какъ того добивался г. Разин-
кинъ, тогда выпытали у воспитанника, гдѣ онъ досталъ «кра-
мольную» книжку, и, узнавъ, что послѣдняя была дана ученику
женой училищнаго врача г-жеи Л., предложили врачу,—какъ
сообщаютъ «Радѣ» (№ 123),—подать въ отставку, «какъ человѣ-
ку, распространяющему украинскую литературу»; на его же мѣ-
сто назначили «истинно-русскаго» врача-гомеопата Дюкова.

Вандалы. «Радѣ» (№ 105) сообщаютъ изъ Конотопа о про-
явленіи слѣдующаго вандализма конотопскими землями. Извѣст-
ный библиографъ С. И. Пономаревъ подарилъ конотопскому зем-
ству весьма цѣнную бібліотеку, насчитывавшую массу бібліо-
графическихъ рѣдкостей, въ томъ числѣ первыя изданія Бѣлин-
скаго, Пушкина, Гоголя, Котляревскаго, Квитки-Основьяненка,
Шевченка, М. Вовчка и т. п. Этотъ богатѣйшій даръ долго
валялся въ сараѣ, а затѣмъ когда земство открыло въ Конотопѣ
прогимназію, то незначительная часть книжнаго богатства была

обращена на образование гимназической библиотеки, а остальные заправили земства рѣшили... продать старьевщику.

Библиотека им. Т. Шевченка безъ «Кобзаря». Что можетъ быть позорнѣе для культурнаго общества, какъ существованіе библиотеки имени какого-либо писателя безъ его сочиненій? Въ такомъ положеніи находится библиотека им. Т. Шевченка въ его родномъ селѣ Кирилловкѣ Звенигородскаго уѣзда. «Радѣ» (№ 109) пишутъ отсюда, что эта библиотека была учреждена блаженной памяти кievскимъ Обществомъ грамотности и впоследствии закрыта администраціей. Книжки хранились сначала въ сельской расправѣ, а затѣмъ перенесены были въ квартиру учителя церковно-приходской школы. Украинскихъ книжекъ здѣсь, кромѣ одного лѣчебника, нѣтъ. Нѣтъ также ни одного экземпляра «Кобзаря».

Давно пора. Кіевская городская дума поручила архитектору В. Кричевскому спроектировать отдѣлку въ украинскомъ стилѣ фойе театра Троицкаго народнаго дома, гдѣ играетъ постоянная украинская труппа (Н. К. Садовскаго). Сдѣлать это давно пора, какъ и дать мѣсто портретамъ украинскихъ писателей и артистовъ.

Национальное самосознаніе. Корреспондентъ «Радѣ» (№ 103) изъ х. Оржицкаго (Полтавщина) сообщаетъ объ открытіи тамъ библиотеки-читальни, въ которую много книжекъ подарено сознательными крестьянами-украинцами. Большая половина книжекъ въ читальнѣ украинскихъ, онѣ никогда не залеживаются въ читальнѣ и всегда на рукахъ. Больше всего читаютъ Шевченка, Гринченка и книжки Чикаленка по сельскому хозяйству.

— Изъ с. Шкаровки (Кіевщина) сообщаютъ «Радѣ» (№ 99), что тамъ многіе изъ крестьянъ до сихъ поръ смотрятъ на книжку какъ на «панскую выдумку» и не интересуются, о чемъ тамъ въ газетахъ «паны пишутъ». «Однако большинство, — говоритъ корреспондентъ, — особенно изъ молодежи, родную книжку и газету читаютъ съ увлеченіемъ и съ интересомъ слѣдить за жизнью родного народа. Родное украинское все больше и больше вытѣсняетъ изъ села чужое, наносное». Объясняютъ это корреспондентъ тѣмъ, что благодаря существованію въ селѣ двухкласснаго училища (съ 1907 г.) тамъ народилась своя интеллигенція изъ народа.

— Не чѣмъ инымъ какъ только національнымъ самосознаніемъ нельзя объяснить и слѣдующее сообщеніе «Засіву» (№ 19) изъ Миргорода. Общественной библиотекой было приобретено въ 1909 г. 100 названій украинскихъ книжекъ; теперь же спросъ на украинскую книжку такъ возросъ, что количество ихъ въ библиотекѣ приближается къ 500. Въ началѣ читателей украинской книжки было немного, сейчасъ же доходить до 400. Сюда выписываются, кромѣ того, слѣдующія изданія: «Рада», «Засів», «Світло», «Українська Хата», «Літературно-Науковий Вістникъ» и «Украинская Жизнь». Книжный магазинъ тоже бойко торгуетъ украинскими книгами, особенно портретами украинскихъ писателей и календарями.

Предполагаемые украинскіе органы. На бывшемъ въ Полтавѣ сѣздѣ представителей отъ учреждений мелкаго кредита былъ поднятъ, по словамъ «Полтавск. Рѣчи», вопросъ объ изданіи кооперативнаго губернскаго органа. Много ораторовъ выступало съ доводами о томъ, что такой органъ слѣдуетъ издавать на украинскомъ языкѣ. Возраженій противъ изданія такого органа на украинскомъ языкѣ не было, наоборотъ, всѣ рѣчи за такое изданіе были покрываемы громомъ аплодисментовъ членовъ сѣзда.

— Въ Кіевѣ тоже предполагается издавать украинскій кооперативный журналъ, который будетъ обслуживать всѣ кооперативныя учрежденія на Украинѣ. Въ журналѣ предполагается помѣщать статьи теоретическаго и практическаго значенія по коопераціи.

Экскурсія на могилу Т. Шевченка. Кіевскій украинскій клубъ организовалъ 27-го мая для своихъ членовъ и ихъ гостей экскурсію на могилу Шевченка. Приняли участіе въ экскурсіи свыше 400 человекъ. Былъ представитель отъ труппы московскаго Художественнаго театра, гостившей въ это время въ Кіевѣ, Г. С. Бурджаловъ, возложившій на могилу поэта вѣнокъ съ выгравированной на мѣдной доскѣ надписью: «Геніальному Шевченкѣ земной поклонъ отъ московскаго Художественнаго театра». Другой вѣнокъ и живые цвѣты были возложены отъ кіевскаго украинскаго клуба. Экскурсія была разрѣшена кіевскимъ губернаторомъ при условіи, что панихиды на могилѣ не будетъ. Экскурсанты были встрѣчены массой народа; каневская уѣздная полиція, во главѣ съ исправникомъ, вся была стянута къ могилѣ поэта. Каневское духовенство на просьбу самихъ каневчанъ отслужить панихиду на могилѣ отвѣтило отказомъ въ виду полученныхъ распоряженій изъ Кіева.

Украинскія названія улицъ. Екатеринославская городская дума по предложенію проф. Эварницкаго постановила наименовать нѣкоторыя улицы г. Екатеринослава слѣдующими историческими именами Кошевая, Радная, Бунчуковая, Запорожская, Гайдамацкая, Хмельницкаго, Гетманская, Половецкая, Сирка. Въ Новомосковскѣ существуютъ уже такія названія главныхъ улицъ: Запорожська, Паланочна, Кошова, Гетманська, Калнишевського и Половицкая.

День «бѣлаго цвѣтка» въ Полтавѣ. Въ организаціи продажи «бѣлаго цвѣтка» въ Полтавѣ приняли участіе и украинскія Общества «Гуртокъ» и «Баянъ». На улицахъ Полтавы встрѣчались продавцы цвѣтка въ украинскихъ костюмахъ. Изданный сборникъ «Біла квітка» и плакаты на украинскомъ языкѣ расходились очень бойко.

Спектакли, концерты, вечера, лекціи и пр. Изъ Гадяча (Полтавщина) сообщаютъ «Радѣ» о состоявшемся тамъ Шевченковскомъ вечерѣ. Мѣстный исправникъ поставилъ условіемъ устроителямъ, чтобы во время пѣнія «Заповіта» публика сидѣла

на мѣстахъ, вопреки принятому всюду обычаю вставать при исполненіи этой вещи. Однако, публика встала. Тогда исправникъ при повтореніи этого вечера на другой день для болѣе демократической публики,—вечеръ назначенъ былъ въ ярмарочное время,—совершенно не позволилъ исполнять «Заповіт», хотя послѣдній значился въ разрѣшенной губернаторомъ программѣ.

— Въ г. Винницѣ состоялся въ мѣстной церковно-учительской школѣ литературно-музыкальный вечеръ. Лучшими номерами были украинскія пѣсни и декламациі, такъ какъ всѣ почти воспитанники школы—сыновья украинскихъ хлѣборобовъ. Декламировали «Гамалію», «Причинну» Шевченка и др. Характерно, что о. завѣдующій школой и нѣкоторые учителя старались,—какъ сообщаютъ «Радѣ» (№ 106),—тормазить успѣхъ вечера; такъ, напримѣръ, на просьбу учениковъ о разрѣшеніи украинскаго спектакля о. завѣдующій отвѣтилъ, что онъ считаетъ недовкимъ обращаться къ архіерею за разрѣшеніемъ украинской пѣссы, старался искоренить терминъ «Украина» и замѣнить его «Малороссія», а учитель пѣнія ввелъ въ программу вечера такія пѣсни, что ученики стыдились пѣть ихъ.

— Изъ м. Петриковки Новомосковского уѣзда пишутъ, что мѣстный врачъ г. Кудрицкій читалъ во всѣхъ земскихъ школахъ лекціи на украинскомъ языкѣ (по медицинѣ?), сопровождая чтеніе рисунками волшебнаго фонаря.

— Въ каменецъ-подольской «Просвітѣ» данъ концертъ въ честь маститаго украинскаго композитора Н. В. Лисенка. Передъ началомъ концерта прочтена біографія композитора. Сцена была украшена большимъ портретомъ чувствуемаго, нарисованнымъ специально для концерта М. Дяченкомъ. Программа концерта состояла изъ музыкальныхъ произведеній, написанныхъ Н. В., чтенія воспоминаній о немъ покойнаго М. П. Старицкаго, изъ декламациі и пѣнія.

— «Радѣ» (№ 108) сообщаютъ изъ Харькова, что за зиму 1911—12 гг. тамъ состоялось 11 чтеній для народа на украинскомъ языкѣ по преимуществу беллетристическихъ произведеній и стихотвореній—изъ Гринченка, Шевченка, Квитки, Стороженка и др. На этихъ чтеніяхъ перебивало до 2½ тысячъ слушателей. Устраивались также чтенія въ домѣ Квитки на Основѣ; здѣсь слушателей перебивало свыше 2 тысячъ душъ. Изъ біографій были прочитаны Гринченка и Шевченка; біографія послѣдняго читалась въ 51-ю годовщину смерти поэта. Всѣ чтенія сопровождались свѣтовыми картинами. Свои свѣдѣнія о чтеніяхъ въ домѣ Квитки корреспондентъ сопровождаетъ сообщеніемъ, что мѣстное духовенство, получивъ отъ Общества трезвости разрѣшеніе устраивать въ этомъ домѣ религіозныя чтенія всего лишь 1—2 раза въ мѣсяцъ (раньше устраивались здѣсь только религіозныя чтенія), добилось того, что особая комиссія признала домъ этотъ небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи, и теперь чтенія и спектакли въ немъ запрещены. Духовенство впрочемъ устраиваетъ свои собесѣдованія, посѣщаемыя стариками, въ церкви; молодежь же ищетъ развлеченія въ пивныхъ,

а дѣтвора безобразничаетъ, заполняя улицы. Не этого ли собственнo и добивалось основанское духовенство?

— Изъ с. Диканьки пишутъ о постановкѣ въ мѣстной земской школѣ пьесы Гринченка «Нахмарило». Выступали въ пьесѣ исключительно крестьяне и рабочіе, такъ какъ учителямъ запрещено циркуляромъ выступать въ народныхъ спектакляхъ. На спектакль было много прїѣзжихъ изъ сосѣднихъ селъ и даже изъ Полтавы.

— Изъ Большого Токмака (Таврія) пишутъ «Радѣ» (№ 116), что стихійное украинство въ этомъ мѣстечкѣ находитъ себѣ выходъ въ украинскихъ спектакляхъ, устраиваемыхъ кружкомъ любителей. Дѣятельность кружка въ періодъ 1909—10 гг. распространялась и на сосѣднія поселенія, затѣмъ въ 1911 г. наступила заминка. Въ настоящее время работа снова налаживается, и на Пасхѣ было дано два спектакля: «Ой, не ходи, Грицю» и «Мати-наймичка».

— Въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губерніи въ переполненной слушателями залѣ ремесленной школы проф. Эварницкимъ была прочтена лекція о Запорожѣ.

Кто основалъ львовскій университетъ? Въ 1884 г. львовскій университетъ торжественно праздновалъ столѣтіе своего существованія, а 29-го мая (по нов. ст.) настоящаго года онъ устраивалъ торжества въ честь уже двухсотпятидесятилѣтняго юбилея со дня своего основанія. Выходитъ, что въ теченіе 26 лѣтъ, прошедшихъ съ 1884 г., львовскій университетъ прожилъ 150 лѣтъ. Фактъ въ своемъ родѣ единственный. Объясняется же онъ въ достаточной мѣрѣ просто: польскимъ историографамъ львовскаго университета оказалось, по соображеніямъ практической политики, удобнымъ отнести основаніе этого университета не къ 1784 г., какъ считали въ теченіе всего XIX вѣка, а къ 1661 г.

Такъ какъ съ такимъ перенесеніемъ назадъ, къ срединѣ XVII вѣка, года основанія львовскаго университета поляки связываютъ вопросъ о правѣ этого университета на исключительно польскій характеръ, что противорѣчитъ какъ интересамъ, такъ и исторически сложившимся правамъ галицкихъ украинцевъ, мы считаемъ небезынтереснымъ рассмотреть вопросъ: кто же былъ основателемъ львовскаго университета—польскій король Янъ-Казиміръ или австрійскій императоръ Іосифъ II?

Пусть факты говорятъ сами за себя.

Въ 1661 г. король Янъ-Казиміръ даровалъ существовавшей во Львовѣ іезуитской коллегіи права академіи, уравнивъ ее въ правахъ съ краковской Ягеллоновской академіей. Но краковская академія, получившая еще въ 1635 г. монополію обученія, запротестовала противъ такого нарушенія своихъ привилегій. Ея протестъ нашелъ въ польскомъ обществѣ сильную поддержку, къ которому присоединился городъ Львовъ, а также замойская академія и львовскій капитуль, и сеймъ 1662 г. не утвердилъ королевскаго диплома. Старанія іезуитовъ исхлопо-

тать утверждение привилегии на львовскую академию у папы Александра VII также въ виду протеста краковской академіи и краковской шляхты, успѣха не имѣли.

Въ 1669 г. король Михаилъ Вишневецкій утвердилъ давнія привилегіи краковской и замойской академіи, строжайше запретивъ основывать школы высшаго типа, по образцу академіи краковской, на разстояніи 12 миль отъ замойской академіи. Этимъ запрещеніемъ, какъ замѣчаетъ историкъ іезуитовъ въ Польшѣ ксендзъ Зеленскій, «для іезуитовъ былъ закрытъ путь къ львовской академіи, и они напрасно пытались потомъ въ продолженіе ста лѣтъ открыть ее».

Въ началѣ XVIII в., когда львовскіе іезуиты начали расширять свою коллегію, краковская академія исходатайствовала въ 1706 г. у короля Августа II указъ, которымъ запрещено было возобновлять вопросъ о львовской академіи.

Правда, въ 1785 г. Августъ III даровалъ львовской академіи тѣ же права, которыя имѣла академія въ Краковѣ, а въ слѣдующемъ году папа Климентъ XIII утвердилъ своею буллою существованіе львовской академіи. Но противъ этихъ постановленій выступили съ протестами краковская и замойская академіи, цѣлый рядъ капитуловъ, въ томъ числѣ и львовскій, и шляхта, какъ львовская, такъ и другихъ мѣстностей, и въ 1763 г. король приказалъ закрыть львовскую академию, а римскій трибуналъ взялъ папскую буллу обратно.

Несмотря на это, львовская академія существовала до 1773 г., когда папа Климентъ XIV уничтожилъ орденъ іезуитовъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, львовская академія съ самаго 1661 г. и по закрытіе существовала какъ учрежденіе незаконное.

Въ 1784 г. императоръ Іосифъ II учредилъ во Львовѣ университетъ, который всѣ историки (проф. Т. Войцеховскій, ксендзъ Ходиницкій, теперешній ректоръ львовскаго университета Финкель, теперешній намѣстникъ Галиціи Бобржинскій и др.) признавали не продолженіемъ іезуитской академіи, а новымъ учрежденіемъ. Лишь въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія проф. Бальцеръ высказалъ мысль, что Іосифъ II лишь „urządził“ (упорядочилъ) уже существовавшій университетъ. Затѣмъ на ту же дорогу перешли и другіе польскіе ученые, и проф. Финкель въ 1911 г. уже говоритъ объ Янѣ-Казиміръ какъ о первоначальномъ основателѣ львовскаго университета, а о Габсбургахъ лишь какъ о продолжателяхъ его идеи. Между тѣмъ самъ Іосифъ II, какъ видно изъ даннаго имъ львовскому университету диплома, считалъ себя основателемъ новаго университета, а не возстановителемъ стараго.

Нужно ли добавлять что-нибудь къ этимъ фактамъ, основнымъ главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ самихъ же польскихъ историковъ?

С. О.

По поводу статьи г. Кашкарова въ «Утрѣ Россіи». Въ отвѣтъ на извѣстную нашимъ читателямъ клеветническую статью г. Кашкарова въ «Утрѣ Россіи» «Кто правъ?» появилось въ „Dziennik'ŕ Petersbursk'omъ“ открытое письмо г. Кашкарову (List otwarty do p. Kaszkarowa) Дм. Донцова. Нумеръ „Dz. P.“ со статьею Д. Донцова былъ конфискованъ, а редакция газеты привлечена къ судебной отвѣтственности. Какъ извѣстно, «Dz. P.»—одна изъ немногихъ польскихъ газетъ, сумѣвшая въ украинскомъ вопросѣ стать выше узкаго, нетерпимаго шовинизма.

Ближайшая задача ботаниковъ-любителей и специалистовъ на Украинѣ. Развитіе культуры и ея элементовъ—наукъ—всегда близко связано съ исторической участію націи. Въ этомъ отношеніи наука стоитъ рядомъ съ литературой, живописью, музыкой...

Въ эпоху интенсивнаго возрожденія украинской культуры своевременно трактовать о ближайшихъ задачахъ работы въ каждой научной отрасли. Для наиболѣе старыхъ у насъ и первыми развивающихся у всѣхъ просыпающихся народовъ наукъ,—этнографіи, исторіи, филологіи, социологіи,—этотъ вопросъ естественно и просто рѣшеть. Очередь за науками, кажушимися менѣе близко связанными съ исторіей и бытомъ народа, и прежде всего за природовѣдніемъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

Нѣкоторыя схематическія пока мысли въ направленіи выясненія ближайшихъ задачъ украинскаго естествознанія уже дѣлаются и дѣлаются въ австрійской и россійской Украинѣ учеными Обществами и отдѣльными лицами. Къ сожалѣнію, мысли эти не носятъ еще организованнаго характера благодаря отсутствію у насъ спеціального печатнаго органа ¹⁾.

Какъ ботаникъ, я хочу формулировать ближайшія задачи любителей ботаники и специалистовъ, работающихъ на обширной территоріи Украины, особенно по глухимъ ея уголкамъ, мало тронутымъ руссификаціей или полонизаціей.

Работы Верхратського, Аненкова, Роговича, Срединскаго и другихъ выяснили, что украинскій народъ, живя много вѣковъ

¹⁾ Въ прошломъ году, правда, вышла одна книжка журнала „Природа Украины“ (120 стр.), начавшаго издаваться кружкомъ натуралистовъ при кievскомъ политехническомъ институтѣ при матеріальной поддержкѣ послѣдняго. Журналъ преслѣдовалъ цѣли объединенія работъ въ дѣлѣ изслѣдованія природы Украины и долженъ былъ служить преимущественно органомъ работающихъ при кружкѣ комиссій „областнаго изслѣдованія“ и „терминологичній“. Выходъ журнала былъ сочувственно встрѣченъ нашимъ обществомъ и прессой; но потрясенія въ академической жизни института, повлекшія за собой уходъ лучшей части профессуры, измѣнили въ корнѣ обликъ состава проявленія института, и въ зависимости отъ этого измѣнилось отношеніе къ „украинно-фильской“ дѣятельности кружка. Въ поддержкѣ „Природы Украины“ было отказано, и столь назрѣвшее изданіе должно было прекратиться.

на своей территории, успѣлъ настолько сблизиться съ ея природой и въ частности съ ея растительностью, что создалъ огромную сокровищницу знанія самыхъ разнообразныхъ, преимущественно прикладныхъ, свойствъ окружающихъ его растений: лечебныхъ, косметическихъ, техническихъ, съѣдобныхъ, ядовитыхъ и т. п. Эти работы свидѣлствуютъ, что украинскій народъ успѣлъ создать огромную самобытную ботаническую номенклатуру, окрестивъ почти всѣ окружающія его растенія. Въ народныхъ названіяхъ растений обращаетъ на себя вниманіе ихъ удивительная мѣткость. Да оно и понятно, ибо народное названіе—не продуктъ произвола, фантазіи одного автора, а подвергнувшееся подбору, наиболѣе, слѣдовательно, удачное, жизненное.

Многія травы названы по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ (чистотіл, живкост...), косметическимъ (румянка). Вредно дѣйствующія и непріятныя свойства растений послужили также поводомъ для соответствующихъ названій (німіля, жах, вонючка...), то же нужно сказать о цвѣтѣхъ (світлушка...), съѣдобныхъ свойствахъ растений (борщівник...) и т. п.

Но главная часть украинской народной ботанической номенклатуры основывается на морфологическихъ свойствахъ цѣлыхъ растений и ихъ частей (калачики, нагідки, бабки, сокірки, гвоздики...). Многія названія растений, наконецъ, являются свидѣтельствами знакомства народа съ біологическими и экологическими свойствами растений (солонецъ, мишім, подовип, васильки, болотяні...).

Но не только положительныя знанія народа отразились въ его названіяхъ растений. Въ нихъ отразилось также многое изъ жизни самого народа, его горести и радости, его суевѣрія и заблужденія (Миколаєвечі, Петрів батіг, любисток...).

По мнѣнію такого авторитетнаго знатока народныхъ названій, какимъ являлся проф. Аненковъ, «народу нельзя приказать называть растеніе тѣмъ или другимъ именемъ.... и заставить забыть всѣ тѣ названія, которыми онъ споконъ вѣка привыкъ называть извѣстное ему растеніе»¹⁾. Едва ли кто съ этимъ не согласится. Но въ жизни, къ сожалѣнію, столь простыя истины постигаются часто не такъ скоро. Въ популярной литературѣ и популярной бесѣдѣ на Украинѣ рѣдко удается услышать близкое народу, родное духу, его языку названіе растенія. На лекціи агронома въ селѣ, въ агрономической литературѣ, въ земскомъ и городскомъ музеѣ, на общеобразовательныхъ экскурсіяхъ... намъ всюду рѣжетъ ухо и глазъ старательно прививаемое книжное великорусское названіе, ничего не говорящее мѣстному населенію и служащее только еще лишнимъ тормазомъ для взаимнаго пониманія популяризатора и читателя или слушателя.

Даже въ такой, казалось бы, безобидной области нашъ на-

¹⁾ „Ботаническій словарь“, 1878, стр. XI.

родъ лишается того естественнаго права, которое такъ ясно сформулировано однимъ изъ творцовъ великорусской ботанической номенклатуры. «Пока будетъ свѣтитъ солнце,—говорить онъ,—и вызывать жизнь на землѣ, до тѣхъ поръ не покинетъ челоуѣка потребность давать на родномъ языкѣ, на которомъ начался его первый лепетъ, названія организмамъ, приобщеннымъ вмѣстѣ съ нимъ ко благу существованія. Тутъ бесполезны разсужденія; челоуѣку дано слово, и онъ пользуется имъ!»¹⁾

Почему же не считаются съ этимъ популяризаторы на Украинѣ, особенно агрономы, выходящіе сами часто изъ народной среды?

Причинъ этому, конечно, слишкомъ много. Но винить въ этомъ отдѣльныхъ лицъ едва ли приходится. Виновата... система; виновато главнымъ образомъ отсутствіе національнаго духа въ наукѣ. Начиная съ элементарной и кончая высшей школой будущій популяризаторъ питается великорусской литературой, сжигается съ тѣми якобы «общерусскими» названіями, которыя пестрятъ въ ней. Впослѣдствіи популяризаторъ, оторванный отъ народа, отъ его языка, не подозрѣвая даже часто о существованіи въ народѣ нашемъ своей собственной номенклатуры, простодушно учитъ его въ литературѣ и на лекціи великорусскимъ названіямъ, безознательно самъ участвуя въ процессѣ руссификаціи Украины.

Это дѣлаютъ, въ частности, стоящіе въ центрѣ научной и популяризаторской дѣятельности ботаники. Несмотря на то, что въ ихъ распоряженіи есть даже тѣ пособия, гдѣ они могли бы найти массу мѣткихъ, распространенныхъ по всей Украинѣ названій,—они предпочитаютъ пренебрежительно относиться къ самому народному творчеству въ видѣ народныхъ названій растений, доказывая ихъ якобы непригодность въ слѣдствіе крайняго разнообразія ихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Но нѣтъ, конечно, ничего незаконнаго въ томъ, что въ Великороссіи, Украинѣ, Бѣлоруссіи, Литвѣ, Польшѣ... ботаникъ встрѣчаетъ разныя самостоятельныя названія. Только стремленіе во что бы то ни стало найти и дать всему «общерусское» названіе можетъ смущать въ этомъ случаѣ ботаника.

Какъ слѣдствіе такого игнорированія національных потребностей представителями науки и получается крайне ненормальное положеніе: ища «общерусское», они выбираютъ, конечно, болѣе знакомое и близкое ихъ сердцу великорусское названіе и, не задумываясь, навязываютъ его бѣлоруссамъ, украинцамъ, литовцамъ...

Потребность націонализаціи ботанической научной и популярной литературы, бесѣды и лекціи—это потребность не національнаго чувства, а самой жизни, поскольку, конечно, культурное развитіе народныхъ массъ является общепризнанной необходимостью ближайшаго времени. Орудіемъ этого развитія являются разные виды школьнаго и внѣшкольнаго просвѣщенія; а послѣднее, согласно авторитетному мнѣнію общеземскаго съѣзда

¹⁾ Н. П. Семеновъ, „Русская ботан. номенклатура“, 1878, стр. 35.

по народному образованію, будетъ возможно только при условіи, «чтобы въ школьныхъ районахъ съ преобладающимъ иноязычнымъ населеніемъ было допущено преподаваніе въ первый періодъ обученія на родномъ языкѣ учащихся и чтобы школа черпала свой матеріалъ изъ литературы мѣстнаго населенія».

Не только въ первый періодъ обученія,—добавимъ мы.

Первой задачею въ дѣлѣ націонализаціи ботаники (чистой и особенно прикладной) является, какъ я уже говорилъ, необходимость подойти къ народу и извлечь у него плоды его творчества и прежде всего его ботаническую номенклатуру, которая является той базой, безъ которой, какъ безъ средства общенія, немыслимъ дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Къ этой задачѣ должны стремиться не только украинцы, но всѣ работающіе среди нашего населенія и не раздѣляющіе руссификаторскихъ тенденцій.

Эту задачу должны понять также и всѣ вообще сознательные работники, сталкивающіеся въ своей жизни съ нашимъ народомъ, живущіе въ селѣ и имѣющіе дѣло особенно съ сельскимъ хозяйствомъ. Они также должны помочь въ собираніи разнообразныхъ свѣдѣній, сохранившихся въ народѣ о растеніяхъ, а главное—въ собираніи народныхъ названій растеній.

Дѣло это по почину образованной въ 1910 г. при кружкѣ натуралистовъ кіевского политехническаго института, «термінологічної комісії» (комисіи для разработки научной украинской терминологіи) приняло, наконецъ, довольно организованную форму.

Помимо указанной комисіи собираніемъ въ народѣ украинскихъ научныхъ названій и терминовъ занимаются теперь также аналогичная комиссія при украинскомъ агрономическомъ кружкѣ московскаго сельскохозяйственнаго института и редакція украинскаго с.-х. журнала «Рілля». Задачу названныхъ трехъ организацій составляетъ не только собираніе матеріаловъ непосредственно въ народѣ, но также подборъ всѣхъ указанныхъ въ литературѣ указаній, и въ результатѣ этой работы—издаваніе специальныхъ словарей, названій и терминовъ украинскихъ по разнымъ областямъ знанія. Имѣя подъ руками такіе словари, ученому или популяризатору на Украинѣ уже будетъ легче найти тотъ языкъ, на которомъ должно говорить съ народомъ, при желаніи быть понятымъ имъ. Тогда можно будетъ писать популярную книгу или читать популярную лекцію, пользуясь народными украинскими терминами, названіями, а не книжными—великорусскими—непонятными.

Въ первую очередь идетъ теперь работа по собиранію названій и терминовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ сельскому хозяйству, которымъ живетъ огромное большинство нашего народа. Популярная, понятная литература и лекція здѣсь особенно необходимы. Слѣдовательно, необходимо прежде всего помочь собиранію въ народѣ названій и терминовъ по чистому и прикладному естествознанію: названія растеній, животныхъ,

насъкомыхъ, птицъ, почвъ и т. п. Одной кievской «термінольо-огічної комісіей» ихъ выбрано изъ литературы и собрано теперь уже около 10,000. Но это еще, конечно, далеко не все. Необходима еще работа и работа!

Кievской «термінольоогічної» комиссіей поручено заботиться пишущему эти строки о накопленіи и обработкѣ ея ботаническихъ матеріаловъ. Поэтому позволяю себѣ отъ ея имени обратиться къ всѣмъ ботаникамъ, специалистамъ и любителямъ, работающимъ на Украинѣ, а также къ многочисленной сельской интеллигенціи, разбросанной по глухимъ угламъ нашего края и тамъ непосредственно прислушивающейся къ языку и жизни народа, съ просьбой, гдѣ только возможно, стараться узнавать и записывать народныя названія растений, всѣ свѣдѣнія о растеніяхъ, могущія отчасти пояснить ихъ названія, а также являющіяся важными указаніями на значеніе растений въ жизни народа: медицинское, техническое, суевѣрное, обиходное, обрядное и т. п.

Всѣ эти свѣдѣнія желательно записывать по установленной комиссіей программѣ возможно подробно, съ сохраненіемъ въ точности отгѣнковъ произношенія, цитируя лучше все прямо изъ словъ народа. Вотъ образецъ карточекъ въ $\frac{1}{16}$ писчего листа, на которыхъ желательно записывать свѣдѣнія въ слѣдующемъ порядкѣ, по-украински или по-русски:

- 1 — Украинское названіе или терминъ.
- 2 — переводъ его на русскій, латинскій или др. языкъ¹⁾,
- 3 — отъ кого слышали (въ общихъ чертахъ),
- 4 — когда слышали (годъ, мѣсяць),
- 5 — гдѣ слышали (губ., уѣздъ, село, городъ),
- 6 — сколько верстъ до города, колоніи или завода,
- 7 — какое значеніе имѣетъ въ жизни народа,
- 8 — какія свойства его народу извѣстны,
- 9 — подпись записывающаго.

Особенно много помочь нашему дѣлу могли бы агрономы, учителя, а также учащіеся среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, развѣзжающіеся на лѣто по деревнямъ.

Къ будущему лѣту предполагается выпустить предварительное, первое изданіе украинскаго ботаническаго словаря, и потому желательно, чтобы какъ можно болѣе свѣжаго матеріала попало въ него.

Хотѣлось бы думать, что призывъ комиссіи не окажется безплоднымъ и что всѣ, кто имѣетъ возможность, вложить и свой трудъ въ насущное дѣло развитія украинской культуры, использовавъ для этого текущее лѣто.

Отсылать записанный ботаническій матеріалъ для комиссіи и обращаться за справками по поводу его собиранія слѣдуетъ

¹⁾ Въ случаѣ незнанія научнаго названія растений необходимо засушить хоть часть растенія съ цвѣтами въ бумагѣ или книгѣ и приложить его къ карточкѣ.

по адресу: Симферополь, губернский земский музей, хранителю музея А. А. Янота.

Отсылать энтомологический материал и переписываться о нем просить по адресу: Симферополь, губернское земство, энтомологу И. М. Щеголеву.

Материал по остальным отраслям знания нужно отсылать прямо в комиссию, по адресу: Киев, политехнический институт, кружок натуралистов, для терминологической комиссии.

Туда же следует обращаться за справками и за получением для распространения «вѣдзми терминологической комиссии».

А. Янота.

Къ вопросу объ украинскомъ балетѣ. Журналъ «Українська Хата» въ статьѣ «Театральні замѣтки» (см. кн. 4, стр. 296—301. Як. Стоколось), рѣзко критикуя постановку дѣла въ лучшей украинской труппѣ г. М. Садовскаго и расходясь въ этомъ съ «Радой», сочувственно отмѣчаетъ бенефисъ хормейстера и балетмейстера труппы г. Верховинца. Интересною новостью бенефиса была постановка г. Верховинцемъ новыхъ украинскихъ народныхъ танцевъ и игръ. Несмотря на нѣкоторые дефекты—отсутствіе цѣльности—авторъ «Театральныхъ замѣтокъ» высказываетъ мысль, что все-же въ этой постановкѣ было нѣчто новое для украинской сцены. По мнѣнію автора, близкому къ истинѣ, «народные украинскіе танцы и игры... даютъ прекрасный матеріалъ для національнаго украинскаго балета. Балета—не дивертисмента (?) въ операхъ, а подлиннаго, высокаго хореографическаго искусства». «Нашъ народъ во времена сѣдой древности также вѣрилъ въ силы природы, обставивъ свою религію извѣстными культомъ и обрядами. Послѣдніе сопровождались различными танцами и пѣснями. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, много языческихъ игръ исчезало, но все-же слѣды ихъ остались еще и теперь. И теперь въ деревняхъ сохранилось немало характерныхъ пѣсень, различныхъ игръ, имѣющихъ въ основѣ всея то же религіозное настроеніе радости, благодарности или печали-просьбы. Пользуясь умѣло этимъ матеріаломъ, можно создать прекрасный украинскій балетъ, ибо характеръ нашихъ танцевъ, ихъ богатая пластика и ритмика обезпечиваетъ развитіе этого искусства...» Идея собиранія матеріала для украинскаго балета принадлежитъ тому же артисту труппы Садовскаго г. Верховинцу, обратившемуся по этому вопросу съ открытымъ письмомъ къ украинскому обществу. Въ этомъ письмѣ авторъ его между прочимъ пишетъ:

«Прошу всѣхъ, кому дорога всякая отрасль народнаго творчества, обратить вниманіе на ту отрасль его, для изученія которой еще такъ мало сдѣлано и которое, можно сказать, еле-еле начато. Я имѣю въ виду народные игры и танцы...» «Было бы желательно собрать» ихъ, «но собрать ихъ одному нѣтъ возможности. Въ виду этого я приглашаю всѣхъ, кто мо-

жать, оказать помощь этому дѣлу. Я уже собралъ слѣдующіе танцы: коломійку, арканъ, медведикъ, «гречка», ліса, гопакъ и Романъ изъ Кривого, Шевчика и Олексія з Шпиченець. Если мнѣ удастся самому или при общей помощи собрать надлежащее число подобныхъ танцевъ, я постараюсь ихъ напечатать и сдѣлать доступными для ознакомленія общества... Комбинаціи изъ названныхъ выше танцевъ, поставленныхъ въ украинскомъ театрѣ, и то впечатлѣніе, которое они произвели на присутствующихъ своимъ колоритомъ и красой, вызываютъ во мнѣ желаніе поработать надъ этимъ дѣломъ и убѣждаютъ, что скоро наступитъ время, когда и мы передъ широкими кругами общества будемъ имѣть возможность показать нашъ подлинный украинскій балетъ... Кто можетъ сообщить мнѣ хоть какія-нибудь свѣдѣнія о народныхъ танцахъ или играхъ, пусть обратитъ вниманіе на: танцы свадебные, групповые, фигурные, хороводы, весенніе, пасхальные, танцы на полѣ, послѣ окончанія работъ, осенніе, въ полѣ, танцы исключительно дѣвичьи, танцы съ платочками (хустками), лентами, танцы холостыхъ мужчинъ, танцы комическіе, танцы старыхъ мужчинъ и женщинъ и танцы безъ музыки—подъ аккомпаниментъ пѣсни. Въ заключеніе прошу путемъ разспросовъ устанавливать названіе танца и, кто можетъ, записывать мелодію танца. Если изъ описанія такого танца я увижу, что онъ сложный и интересный, то поспѣшу лично поѣхать на мѣсто, чтобы прісмотреться къ нему».

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА К. Д. У.
Ім. №

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Журналъ выходитъ на русскомъ языкѣ въ обычномъ форматѣ ежемѣсячниковъ книжками размѣромъ 5—6 печатныхъ листовъ. Задачу „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ составляетъ служеніе интересамъ и нуждамъ 30-милліоннаго украинскаго народа и ознакомленіе общества съ украинскимъ національнымъ движеніемъ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ. — Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ. — Письма изъ російской Украины и изъ Галиціи. — Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія. — Украинское искусство. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенз, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бьлоусенко, И. А. Бьлоусовъ, Н. Ф. Бьяшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ; Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ф. Е. Коршъ, И. Кривецкій, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обиинскій, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погосинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. О. Саликовский, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутко, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сьрополко, Н. Г. Филиянский, С. Чепига, С. Черкасенко, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, И. А. Ярошевичъ и др.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“,

Москва, Б. Дмитровка, 14. Телеф. № 219-93.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Съ дост. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
въ Россіи. . .	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.	—р. 45 к.
За границу . .	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	—р. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 45 к.,
съ пересылкою—55 к.

Книжные магазины, принимающіе подписку, могутъ
оставлять въ свою пользу 10%.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства,
младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также
для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при
непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **ЛЪГОТНАЯ**
ПОДПИСКА: на годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 2 руб., на $\frac{1}{4}$ г.
1 руб. съ доставкою и пересылкою.

Такса за объявленія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„ „	за $\frac{1}{2}$ страницы	20 руб.
„ „	за $\frac{1}{4}$ страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за $\frac{1}{2}$ страницы	15 руб.
„ „	за $\frac{1}{4}$ страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за $\frac{1}{2}$ страницы	10 руб.
„ „	за $\frac{1}{4}$ страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и
праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для
личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ отъ 1
до 2 час.

КЪ СВѣДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ:

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для
напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по
возможности согласовался съ объемомъ журнала и не
превышалъ 1—1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокраще-
ніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При не-
указаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя
статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи
въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи
марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ пере-
писку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятые для
напечатанія, уничтожаются.

РІДНИЙ КРАЙ

Часопись громадська й літературна, з малюнками: типи, портрети, краєвиди, будинки, узори і т. ин. Тридцять шість номерів на рік.

5-й РІК ВИДАННЯ.

„Рідний Край“ містить: статті про громадські справи, звістки з життя на Україні й в інших сторонах, оповідання, пьєси для театру, вірші, відомості господарські, звістки про українські книжки, про театр і инше мистецтво, дописи, оповістки.

„МОЛОДА УКРАЇНА“

(єдина українська часопись для дітей), з малюнками; містить оповідання, вірші, відомості з світознання, казки, загадки, сміховинки і т. и. Ціна „Рідн. Краю“ з „Молодою Україною“—4 р., на рік, 2 р. на півроку. „Мол. Україна“ окремє від „Рідн. Краю“—(12 зшитків на рік)—2 р., на рік і 1 р. на півроку. „Рідн. Край“ без „Молодої України“—3 руб.

Ціна обох часописей за границю—на 1 руб. дорожче.
Ціна за оповістки: 20 коп. за стрічку. Окреме число „Рідного Краю“—12 копійск. подвійне—15 к.

Адреса обох часописей: Київ, Благовіщенська ул., ч. 101. кв. 4.

Редакторка-видавниця О. Косач (Олена Пчілка).

„Діло“. Щоденна українська газета, на вірець в великих європейських, що відбиває в собі все політичне життя Українського народу. Напрямку національно-поступового. Рік видання 33-й. Безплатним додатком до „Діла“ виходить літературний, ілюстрований тижневик „Неділя“. Передплата на рік 16 карб., приймається в Редакції „Діла“ (Галичина, м. Львів, Ринок, ч. 10), а тако ж по всіх українських книгарнях.

В Українській Книгарні

(Київ, Безаківська, 8)

можно дістати всякі українські книжки, де б вони і ким би не були видані.

Великий вибір портретів українських письменників, гетьманів, артистів, картин на українські сюжети і великий

вибір всяких листовних карток.

КАТАЛОГИ ШЛЮТЬСЯ ДАРОМ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ,

общедоступную, безпартійную, дешевую газету:

„Сумской Вѣстникъ“.

(Выходитъ съ 15 февраля 1912 г.)

Ставя своею задачею обслуживаніе интересовъ мѣстнаго края, обладая всѣми отдѣлами большихъ газетъ, „Сумской Вѣстникъ“ внимательно слѣдитъ за ходомъ событій всего міра, ежедневно знакомя своихъ читателей со всѣмъ тѣмъ, что заслуживаетъ общаго вниманія.

Ежедневно телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ.

Отдѣлъ мѣстной жизни“ ежедневно сообщаетъ читателямъ свѣдѣнія о томъ, что произошло въ Сумахъ и его окрестностяхъ.

Отражаетъ правдиво на своихъ страницахъ жизнь всей Россіи и всего міра—съ одной стороны; привлекать вниманіе всей печати къ явленіямъ мѣстной жизни—съ другой стороны; въ этомъ вся цѣль посильной работы „Сумск. Вѣстн.“ на пользу родного края.

Какъ по простотѣ языка и ясности изложенія статей, такъ и по дешевизнѣ „Сумской Вѣстникъ“ является доступнымъ для самыхъ широкихъ слоевъ грамотнаго населенія края.

Подписная цѣна газеты: на 12 мѣс.—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс. 60 к. Цѣна отдѣльнаго номера 3 к.

Адресъ Редакціи: г. Сумы, Безсмертный пер., домъ № 2. Телефонъ № 173.

Редакторъ-Издатель И. Г. Ильченко.

1-го Січня 1912 року почала виходити єдина українська часопись на Слобідській Україні

„С Н І П“

яка мистить в собі статті в справах політичних та громадських; огляди критичні; з поля літератури та мистецтва; фельетони, оповідання, вірші; галерею сучасних діячів; хроніку подій, дописи, ілюстрації то-що.

Виходить раз на тиждень. Услови предплати: на рік 3 руб., пів року 1 руб. 75 коп., 3 місяці 1 руб., окреме число 5 коп. За кордон на рік 4 руб., пів року 2 руб.

АДРЕСЬ: Харьків, Конторська, 21.

Александръ Закржевскій.

„КАРАМАЗОВЩИНА“.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ:

Достоевскій, Валерій Брюсовъ, В. В. Розановъ, М. Арцыбашевъ.

Изданіе журнала „ИСКУССТВО“.

Кіевъ 1912 г.—Цѣна 1 рубль.

М агазинъ Л. ИДЗИКОВСКАГО (Кіевъ, Крещатикъ, 29).

НОВЫЙ ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАВѢТЫ“.

ПЕРВАЯ КНИЖКА ВЫШЛА ВЪ АПРѢЛѢ.

Въ ближайшихъ №№ будутъ напечатаны: **И. Бунинъ.** Веселый дворъ, повѣсть. **Ив. Вольный.** Повѣсть о дняхъ моей жизни. **М. Горькій.** Рожденіе человѣка, рассказъ. **М. Коцюбинскій.** Тѣни забытыхъ предковъ, повѣсть. **В. Ропшинъ.** То, чего не было (Три брата). Романъ. **Ал. Ник. Толстой.** Слякоть, рассказъ. **К. Треневъ.** На ярмаркѣ, рассказъ.

Рассказы: **С. Гусева-Оренбургскаго,** **В. І. Дмитріевой,** **Бор. Зайцева,** **А. Кипена,** **В. Муйжеля,** **О. Н. Ольнемъ,** **А. Погорѣлова,** **Сергѣева-Ценскаго** и др.

Переписка и посмертныя произведенія **Н. Н. Златовратскаго.**—Изъ личныхъ воспоминаній о Гл. И. Успенскомъ. **А. И. Иванчина-Писарева.**

Стихотворенія: **Амарн,** **А. Блока,** **Н. Клюева,** **А. Черемнова** и др.—Статьи: о Л. Толстомъ. **Н. Авксентьева.**—Дѣла и дни. **Я. Вѣчева.**—Реформаторы и бунтари въ современной биологіи. **В. Лункевича.**—Къ вопросу о рабочей программѣ. **С. Зака.**—Этика и политика. **В. Чернова.**—О Герценѣ. **Его же.**—Принудительное разрушеніе общины. **Б. Черненкова.**—Статистика или реклама. **Н. Ракитникова**

КРОМѢ ЭТОГО ОБЪЩАНЫ СТАТЬИ: **С. Ан—скаго,** **Бернашевскаго,** **И. Брусиловскаго,** **Н. Быховскаго,** **А. Гуковскаго,** **Л. Зака,** **Е. Звягинцева,** **Р. Иванова-Разумника,** **И. Игнатовичъ,** **К. Качаровскаго,** **Е. Колосова,** **А. В. Лучинской,** **Н. Морозова,** **С. Мстиславскаго,** **В. Маркова,** **Ст. Нечетнаго,** **Н. Огановскаго,** **С. Постникова,** **М. Ратнера,** **Н. Русанова** (**Н. Е. Кудрина**), **М. Туганъ-Барановскаго,** **Гр. Шрейдера** и др.

Условія подписки: съ апрѣля до конца года 8 руб.; на 6 мѣс. 5 руб., на три мѣс. 3 р., отдѣльная книжка—1 р.—За границу на тѣ же сроки 11 р., 6 р. 50 к., 3 р. 75 к. и 1 р. 25 к.

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала: Косой пер., II, уг. Соляного; въ Москвѣ—въ конторѣ **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи).

Изд. **А. И. Иванчина-Писарева.**

Ред. **П. П. Инфантьевъ.**

